

ISSN 0132-1366

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК



СЛАВЯНО ·



1998

· ВЕДЕНИЕ



«НАУКА»

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Институт славяноведения и балканистики



СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ



ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1965 г.

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

СЕНТЯБРЬ •

ОКТАБРЬ •

Содержание

СТАТЬИ

ЮГОСЛАВИЗМ

- Фрейдзон В.И.* (Москва). Хорватский югославизм в 30–90-е годы XIX века 3
Романенко С.А. (Москва). Югославизм в Хорватии, Славонии и Далмации в конце XIX – начале XX века 10

ВЕЛИКОХОРВАТСКАЯ ИДЕЯ

- Фрейдзон В.И.* (Москва). Хорватский национальный радикализм (великохорватская идеология) в XIX веке 18
Романенко С.А. (Москва). Великая хорватская национальная идеология в начале XX века 24
Миллер А.И. (Москва). Украинофильство 28
Бернар А. (Париж). Несколько особенностей панславизма во Франции 38
Виноградов В.Н. (Москва). Первая мировая война. Великодержавная дипломатия в "покроховом погребке" Европы 43
Милякова Л.Б. (Москва). План Маршалла и Польша: участие в плане без формального участия 53
Стыкалин А.С. (Москва). "Пражская весна" 1968 года и позиция Венгрии 68

ПОРТРЕТЫ

- Смирнов Л.Н.* (Москва). Йозеф Шкультеты (25 XI 1853 – 19 I 1948) 81

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

- Носов Б.В.* W. Kriegseisen. Ewangelicy Polscy i Litewscy w epoce saskiej (1696–1763) 85
Гронеvский К. И.И. Костюшко. Аграрные реформы в Австрии, Пруссии и России в период перехода от феодализма к капитализму (сравнительный очерк) 91
Аксенова Е.П., Досталь М.Ю. А.Н. Пыпин. Мои заметки 92
Сератионова Е.П. J. Rychlík. Češi a Slováci ve 20. století. Cesko-slovenské vztahy 1914–1945.. 93
Ритчик Ю.И. С.В. Никольский. История образа Швейка. Новое о Ярославе Гашеке и его герое 95

<i>Юдин А.В.</i> Słownik stereotypów i symboli ludowych.....	98
<i>Клепикова Г.П.</i> Македонско-руски речник	101
<i>Болдов А.В.</i> Открытый архив. Справочник опубликованных документов по истории России XX в. из государственных и семейных архивов (по отечественной периодике 1985–1995 гг.).....	106
<i>Кишкин Л.С.</i> Новое международное научное периодическое издание.....	106
<i>Лантева Л.П.</i> Ю.И. Венелин. Грамматика нынешнего болгарского наречия.....	108
<i>Досталь М.</i> Biele miasta I. Na mapie slovensko-ruskej kulturnej komunikace.....	109

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Франчук В.Ф.</i> Международная научная конференция "Наука и идеология в истории славистики".....	111
<i>Волокитина Т.В.</i> Конференция, посвященная 120-летию освобождения Болгарии.....	113
<i>Гудков В.П.</i> Об одном незаурядном свидетельстве интереса к произведениям А.Мицкевича в России.....	115

PERSONALIA

К юбилею Валерии Васильевны Усачевой	117
Мечковская Н.Б. К 70-летию Адама Евгеньевича Супруна.....	119
Чепелевская Т.И. Иван Цанкар (1876–1918).....	120

* * *

Владимир Владимирович Зеленин (1920–1998).....	123
Новые издания Института славяноведения РАН.....	124

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ю.С. НОВОПАШИН (главный редактор), **А.В. БОЛДОВ** (отв. секретарь),
М.А. ВАСИЛЬЕВ, **Г.К. ВЕНЕДИКТОВ**, **В.К. ВОЛКОВ**, **Р.П. ГРИШИНА**,
А.А. ГУГНИН, **В.И. КОСИК**, **Г.Ф. МАТВЕЕВ**, **Г.П. МЕЛЬНИКОВ**,
В.В. МОЧАЛОВА, **С.В. НИКОЛЬСКИЙ**, **В.Я. ПЕТРУХИН**,
М.А. РОБИНСОН (первый зам. главного редактора),
Л.А. СОФРОНОВА (зам. главного редактора), **Б.Н. ФЛОРЯ**,
В.А. ХОРЕВ, **Т.В. ЦИВЬЯН** (зам. главного редактора)

Зав. редакцией *И.И. Бизьева*

Сотрудники редакции: *Авакова Л.А., Адельгейм И.Е., Васильев М.А.,
Веслова И.Ю., Кошкина Е.А., Стежковская Ю.Е.*



ЮГОСЛАВИЗМ

© 1998 г. ФРЕЙДЗОН В.И.

ХОРВАТСКИЙ ЮГОСЛАВИЗМ В 30–90-е ГОДЫ XIX ВЕКА

Югославизм – система представлений и идей, исходящих из принципа общности происхождения и культурно-языкового родства всех южных славян. На его основе делались различные политические выводы – от программы сотрудничества южных славян как в сфере культуры, так и в политической борьбе вплоть до создания общего независимого государства. Это государство мыслилось либо как унитарное (данная точка зрения следовала из представления о том, что единый южнославянский народ уже существует), либо как федеративное объединение родственных "племен", для культурно-политического сплочения которых необходимы длительные усилия. Постепенно, по мере складывания южнославянских наций "югославянский народ" все более определенно воспринимался как наднациональная общность.

В XIX – начале XX в. хорватский югославизм прошел в своем развитии ряд этапов. I. Иллиризм (30–40-е годы XIX в.); II. Югославизм 60-х годов (в Далмации для обозначения югославян применялся термин "словинцы"). Это был период подъема либерального югославизма на основе признания принципа федерации национальных государств, связанного с кризисом Габсбургской монархии ввиду австро-венгерских противоречий и поражения монархии в двух войнах. В 60-х годах хорватские югослависты предполагали возможность вхождения всех южных славян в состав либеральной федеративной Австрийской монархии в качестве этапа к созданию независимого федеративного южнославянского государства. III. Югославизм 70-х – середины 90-х годов в условиях стабилизации Австро-Венгрии. В этот период происходит упадок югославизма и обострение хорватско-сербских противоречий из-за Боснии. IV. Югославизм конца 90-х годов XIX в. – начала XX в. отличался от предыдущих этапов как социальной базой (более зрелая либеральная буржуазия, социал-демократия, а также радикалы-югослависты, в основном еще не обретшая своего социального статуса молодежь), так подчас и методами борьбы. Радикальная молодежь увлеклась идеями анархизма и тактикой индивидуального террора. В этой среде несмотря на идеологические нюансы господствовала идея унитарного южного славянства (этнически единого народа, который необходимо воссоединить политически). Нарастание угрозы мировой войны способствовало росту надежд радикальных югославистов на создание югославянского государства. Наконец, только с 1903 г. на хорватском

Фрейдзон Владимир Израилевич – д-р ист. наук, консультант Института славяноведения РАН.

Статьи В.И. Фрейдзона, С.А. Романенко и А.И. Миллера публикуются в рамках гранта РГНФ (№ 96-01-00341).

югославизме начало сказываться сильное влияние сербской национальной идеологии и внешней политики Сербии.

Сложности процесса идеологического обеспечения формирования нации у хорватов отразились в наличии двух течений в хорватской национально-интеграционной идеологии (или, иначе, двух идеологий) – национально-либеральной (югославизма) и национально-радикальной (великохорватизма) (см. [1]).

В начале XIX в. хорваты не обладали сплошной (моноэтнической) национальной территорией. Потрясения, пережитые регионами Юго-Восточной и Центральной Европы в XIV–XVII вв., а именно волны османских вторжений имели последствием массовую миграцию православного южнославянского населения (сербов) в ранее сугубо католическую Хорватию и католическую и протестантскую Венгрию, а также исламизацию значительной части населения Боснии и Герцеговины. В результате этого в Новое время в Хорватии (в Славонии, Далмации, на Военной границе) почти единоязычное католическое и православное население проживало чересполосно или совместно, а Боснию населяли южные славяне трех конфессий. В XVIII–XIX вв. на всей этой территории формировались три нации, причем различия по вере стали видимым проявлением данного процесса, имевшего глубокие социально-политические и культурные корни. Впоследствии национальные противоречия стали определяющим фактором борьбы за обширную "спорную" полосу.

Национальный процесс у хорватов осложнялся также политической или административной раздробленностью этноса – его разные части веками находились под властью Венеции, Венгрии (позднее, с XVI в., австрийских Габсбургов), Османской империи, входили в состав Дубровницкой республики. Ввиду этого было утеряно полностью или частично сознание общехорватской этнической принадлежности, господствовало локальное самосознание.

Наконец, католическое южнославянское население, которое сплавивалось в хорватскую нацию, пользовалось тремя разными диалектами: в собственно Хорватии (область Загреба) – кайкавским, в небольших прибрежных районах и на островах Адриатики – чакавским (постепенно исчезающим), на обширных территориях – в Славонии, большей части Далмации, в Боснии и Герцеговине и других – штокавским. Кайкавский и штокавский диалекты в XVIII–XIX вв. переживали процесс стандартизации в литературных произведениях. Но авторы пользовались различными способами написания букв. В процессе становления нации и выработки литературного языка было необходимо преодолеть эти различия.

Деятели национального возрождения, которое началось в XVIII в., но приобрело форму организованного общественного движения (иллиризма) лишь в 1835 г., предстояло действовать в сложнейших условиях. Население исторических земель Хорватии и Славонии – автономной части Венгерского королевства (а также Далмации, подчиненной непосредственно Вене) идеологи иллюризма, центром которых был Загреб, стремились сплотить в один народ с общим национальным самосознанием. Так как в Славонии и Далмации этноним "хорват" не применялся (в Далмации в 30-х годах лишь немногие осознавали свою принадлежность к хорватам, хотя язык крестьяне называли "рвацким"), деятели иллюризма предложили нейтральный этноним "иллиры" для всех трех земель¹ (отсюда и название движения). Термин этот применялся в отношении югославян австрийской администрацией², кроме того, хорватские идеологи во главе с Людевитом Гаем полагали, что югославяне – потомки древних иллирийцев. Хорватские деятели мечтали распространить этноним "иллиры" также в Боснии, Словенских землях, среди православных (сербов) Южной Венгрии, в самой Сербии и т.д. и под этим знаменем сблизить их культурно, а в дальнейшем, на

¹ Хорватия, Славония и Далмация составляли основную хорватскую территорию – так называемое Триединое королевство. Кроме них хорваты населяли часть Боснии и Герцеговины, а в Австрийской империи – часть Истрии, небольшие районы Венгрии (Меджумурье, Бараня).

² На короткое время в 1843 г. название движения ("иллирийское") было запрещено по политическим причинам.

основе штокавского диалекта, слить в один народ всех южных славян. Скрыто здесь присутствовала мечта о последующем – в отдаленном будущем – политическом объединении южных славян, но говорить вслух об этом в меттерниховской Австрии было невозможно. При этом "иллиры" понимали, что "генетические" названия "серб", "хорват" и "краинец" (словенец) отличаются от локальных ("славонец", "далматинец" и пр.) и что их устранить невозможно, но в целях единения не использовали этноним "хорват": проявили инициативу и ожидали, что за ними последуют сербы и словенцы. Так, Л. Гай сначала назвал свою газету "Novine horvatsko-slavonsko-dalmatinske", а вскоре переименовал ее в "Hirske narodne novine". Он осуществил реформу правописания, упростил и стандартизировал его, используя рациональный чешский образец.

Л. Гай, граф Я. Драшкович еще до начала движения, в 1832–1833 гг. создали национальную политическую программу учреждения в пределах империи Габсбургов большого хорватского государства. Так, Гай в стихотворении "Согласие и единение хорватов" перечислил территории, которые, по его мнению, были хорватскими: Хорватия, Крайна, Штирия, Каринтия, Славония, Босния, Истрия, Далмация [2]. Я. Драшкович мечтал о том же, но называл это государство с центром в Загребе "Иллирийским королевством". Хорватские национальные интересы были у "иллиров" на первом плане. Они с ведома венского двора вели легальную политическую борьбу с венгерскими властями за расширение автономии Хорватии, против попыток мадьяризации страны (это движение называлось "кroatизмом", лат., т.е. хорватизмом).

Католическая – светская и духовная – интеллигенция Славонии и Далмации прислушивалась к идее "единения иллиров", под флагом которой стала спланироваться хорватская нация. Но у православных, в среде которых в большей степени распространялось сербское национальное самосознание, за некоторым исключением иллиризм был встречен с равнодушием или неприязненно, особенно в сербском идеологическом центре в Южной Венгрии (так называемой Воеводине). Исключения имели место частично на Военной границе и в Далмации, но далматинские сербы, поддерживавшие связи с хорватскими "иллирами", осознавали себя прежде всего сербами (Дж. Николаевич и др.).

Для сплочения нации "иллиры" приняли в качестве литературного языка не кайкавский диалект собственно Хорватии, центра хорватского народа, а наиболее развитой и распространенный штокавский диалект (на штокавшину Гай перевел свои издания). Но на этом диалекте говорили также все сербы и боснийские мусульмане, в общей сложности несколько миллионов человек. Таким образом, языковой рубеж между самими хорватами был преодолен. Но вместе с ним – и рубеж, отделявший Хорватию от сербов и мусульман (хотя полного тождества хорватского и сербского языков достигнуто не было).

Среди словенцев часть интеллигенции, страшась германизации и италянизации, примкнула к иллиризму в надежде получить опору у хорватов. Однако только один из них – поэт С. Враз принял иллиризм безоговорочно, призвав словенцев перейти на штокавский диалект. Для некоторых иллиризм был временным увлечением. Но даже "пламенный сторонник иллиризма" М. Маяр полагал, что литературным языком "иллиров" должно стать наречие населения района между Люблянкой и Риекой, "переходное от словенского к сербохорватскому" [3]. Это был словенский вариант раннего югославизма, проявившийся в сфере языка³. Отличие словенского языка от хорватского сохранилось, и словенцы в подавляющем большинстве уже тогда понимали свое отличие как народа от соседей-хорватов.

Возникшая общность (или крайняя близость) литературного языка хорватов и сербов имела существенные последствия для национального развития южных славян. "Иллирам", а позднее хорватским югославистам 60-х годов, она давала основание для

³ Специально о словенском югославизме и его проявлениях в политической сфере см.: [4].

утверждения о едином "хорватско-сербском" или югославянском народе в Хорватии и Славонии. Опираясь на это, "иллиры" (и югослависты 60-х годов) призывали православных сербов (прежде всего Хорватии) присоединиться к ним, однако, без успеха. С другой стороны, сербы вне Хорватии получили то же основание для утверждений о "единой народности" и позднее стремились использовать этот факт в своих интересах. Общность языка, таким образом, стала обоюдоострым оружием, тогда как прокламируемое "национальное единство" осталось в области фантазий и мечтаний некоторых экзальтированных лиц.

Кроме того, идея единения иногда побуждала переходить несколько неопределенные границы защиты национальных интересов, с чем могли согласиться далеко не всегда и не все национальные деятели и идеологи. Так, Л. Гай склонялся к признанию Сербии центром южного славянства.

В целом, говоря о югославизме, следует учитывать отличие югославистской аргументации в хорватских землях (здесь хорватские югослависты, как правило, использовали идеи "единого народа" для упрочения позиций хорватов) от югославизма в масштабе всего югославянского ареала (где сербское население было значительно многочисленнее хорватского, сербы имели два национальных государства – Сербию и Черногорию).

Но поскольку австрийские и венгерские правящие круги использовали сербско-хорватские противоречия для укрепления своего господства над славянами, идея югославизма о необходимости сотрудничества хорватов и сербов против угнетения в определенные периоды играла прогрессивную роль.

Иллиризм имел большие заслуги перед хорватской нацией. Но обнаружилось, что замалчивание этнонима "хорват" не только не оправдало себя в полной мере (сербы Хорватии и Славонии остались сербами), но и тормозило становление хорватского самосознания. С 1843 г. постепенно восстанавливалось использование этнонима "хорват". Во время революции 1848 г. хорватские власти (бан Й. Елачич, сабор) обращались к населению либо как к "хорватам и славонцам" (независимо от религии), т.е. применяли привычные локальные наименования, либо как к "хорватам и сербам". Четкости в 1848 г. еще не было и у сербов Воеводины: их власти обращались то к сербам разных вероисповеданий, то к сербам и народам, говорящим на одном с сербами языке. Что касается широких слоев православного населения Хорватии и Славонии, то в 50-х годах еще встречались самоназвания "хорват" или "славонец"; сохранялась и пестрота в названии языка.

В 1848 г., когда власть австрийского государства ослабела, а венгерское либеральное правительство стремилось подавить национальные движения сербов и хорватов, Сербская Воеводина заключила равноправный союз с Хорватией и Славонией. К нему хотели присоединиться и словенцы. Этот акт потерял значение вместе с поражением революции, но он являлся единственным в своем роде политическим результатом югославизма в XIX в. Кроме того, во время революции хорватские югослависты мечтали о политическом объединении всех южных славян (т.е. австрийских и турецких).

Уже в 1848 г. в Хорватии применялся термин "югославянин", в 50-х годах он использовался югославистами в научных трудах (И. Кукулевич, Ф. Рачкий), а особое значение в политической жизни Хорватии приобрел в 60-х годах. Но в основном 50-е годы – время "прорыва" этнонимов "хорват" и "серб". В 60-х годах "югославянин" в сознании хорватских югославистов не заслонял этнонима "хорват". Югослависты полагали, что интересы хорватов и сербов не должны противоречить друг другу и лучше всего могут быть защищены в рамках южнославянского сообщества.

Но уже в 1859 г. идеолог хорватского югославизма Ф. Рачкий утверждал, что хорваты и сербы имеют разные историю, государства, культуру, быт и никто из них не смеет наносить ущерб "особенностям" другого. Следует терпеливо добиваться примирения и сближения. Во всем этом проглядывал национальный интерес. Хорват-

ские югослависты выступали против ущемления интересов собственной складывающейся нации⁴.

Этноним "хорват" распространился среди католиков Славонии в 50–60-х годах XIX в. В Далмации, где хорватское самосознание утвердилось лишь немного позднее, местная власть находилась у небольшого (3%) итальянского или италянизированного меньшинства. Южные славяне-католики и православные в начале 60-х годов объединились для борьбы за воссоединение Далмации с Хорватией и славянизацию местного просвещения, администрации и суда [6]. При этом либеральные лидеры в приморских италянизированных городах абстрагировались от этнонимов "хорват" и "серб", называя далматинцев – словинцами. Хорвато-сербский союз оказался полезным для решения данного насущного вопроса, но югославизм (в Далмации и др.) с его тенденцией к "национальному единству", как и иллиризм в прошлом, стал сдерживать становление хорватского самосознания.

Вместе с тем "словинство" в Далмации сыграло роль начального этапа в консолидации хорватской нации: подобно иллирам, сплотивавшим хорватов под "мертвым" этнонимом, идеологи "словинства" заявляли, что далматинцы и население собственно Хорватии – одна народность, а именно – словинская. Этноним "хорват" ранее не воспринимался в приморских городах Далмации (горожане называли себя славодалматами), а нейтральный общий этноним "словинец" (югославянин) либеральной буржуазией воспринимался легче; следующим шагом был переход к общему этнониму "хорват", – но этот путь проделали только католики. В селах Далмации этноним "хорват" под влиянием францисканцев внедрился скорее (и обычно без промежуточного "славодалматства" и "словинства"). Итак, югославизм неоднократно проявлял свою противоречивость: до определенного момента он служил хорватам, но таил в себе и отрицательный эффект.

Вернемся к Хорватии и Славонии. В 60-х годах XIX в. (1860–1866) здесь преобладала австрославистская ориентация хорватских либералов-югославистов (Й.Ю. Штроссмайер, Ф. Рачкий). Последние мечтали о создании полноправной (равноправной с рядом других "исторических земель" империи) Хорватии, объединения хорватских земель в составе империи и экспансии федеративной "славянизированной" монархии Габсбургов на Балканы; при этом, как они считали, политическая роль хорватов в югославянском ареале резко бы возросла. Но хорватские югослависты поддерживали и стремление Сербии и Черногории объединить находившихся под властью османов южных славян и создать сильное государство на Балканах. Это, по их расчетам, решающим образом повлияло бы на судьбу южных славян монархии Габсбургов. Когда же отчетливо выявилось стремление австрийского двора к союзу с Венгрией за счет остальных народов, в том числе хорватского (1866), что привело к австро-венгерскому дуализму 1867 г., крайне разочарованный этим, Штроссмайер выразил готовность поддержать борьбу Сербии и создаваемого ею "балканского союза" против Турции, за присоединение Боснии к Сербии. Он был готов, в случае успеха, стать министром в правительстве сербского князя Михаила. При возможном крахе империи, в крайне неустойчивой международной ситуации 60-х годов, Штроссмайер дал согласие на предложение Сербии создать федеративное югославянское государство (1867) с центром в Сербии [7]. Таков был внешнеполитический аспект хорватского югославизма 60-х годов.

Но был и внутривнутриполитический аспект. Основной программой хорватских национально-либеральных югославистов в 1860–1866 гг. было воссоединение Далмации и Военной границы с Хорватией и Славонией в цельное Хорватское государство (Триединое королевство). Тогда же хорваты-югослависты, вновь поддержав идею единого народа и языка в Хорватии и Славонии (в официальных материалах его называли "югославянским", "нашим"), стремились воспрепятствовать возникновению здесь сербского политического движения, признанию сербов одним из двух "государ-

⁴ О югославизме 50-х годов XIX в. см.: [5].

ственно-политических народов" Троединого королевства (сербское национальное движение в Хорватии и Славонии, теоретиком коего выступил виднейший воеводинский публицист С. Милетич, отказывалось, в свою очередь, признать это королевство хорватским государством). Хорваты-югослависты признавали все гражданские права сербов – на занятие должностей, выпуск газет, свободу вероисповедания и школьного дела с использованием кириллического алфавита, требуя лишь лояльности хорватскому государству.

Так как хорватско-сербское сотрудничество в Хорватии было необходимо, чтобы отстоять и расширить автономию Хорватии в условиях дуализма (в составе Венгрии), в Хорватии и Славонии была своеобразно разрешена проблема сербских требований равноправия. В мае 1867 г. сабор (орган территориального самоуправления) Хорватии принял резолюцию о "тождестве и равноправии" хорватского и сербского народов. Сербы были удовлетворены, поскольку их этноним был упомянут и признано их равноправие, хорваты тоже удовлетворены, так как "тождество" означало, что особенно сербского "политического народа" все же нет (признание такового могло стать основанием для программы территориального раздела страны). До этого сабор признал официальным не "югославянский" (как раньше), а "хорватский или сербский" язык. В условиях дуализма, направленного как против сербов, так и хорватов, их сотрудничество продолжалось несколько лет и сопровождалось заверениями в единстве и братских чувствах.

Лидер хорватского югославизма епископ Й.Ю. Штроссмайер (1815–1905) в деле сплочения хорватов и сербов придавал огромное значение их сближению в религиозной сфере. Он добивался расширения кое-где на западе Хорватии сохранившегося католического богослужения на старохорватском языке по глаголическим текстам, мечтал об автономии хорватской церкви и создании общей югославянской церкви. На I Ватиканском соборе 1869/70 гг. он выступил против принципа непогрешимости (инфалибилитета) папы римского в вопросах веры и морали, ибо этот принцип препятствовал осуществлению мечты хорватского епископа "об объединении нашего народа в вопросах веры". В целом эта объединительная деятельность Штроссмайера окончилась неудачей [8].

Но вот что достойно внимания. Главный идеолог югославизма в Хорватии и Славонии историк Ф. Рачкий (1828–1894) в 1866 г. в письме к крупному хорватскому деятелю в Далмации М. Павлиновичу возражал против замалчивания хорватского этнонима в газете "Nazionale" – органе "словинцев" (хорватов и сербов). Павлинович оправдывался известной политической ситуацией в Далмации, боязнь оттолкнуть "так называемых сербов" (! – В.Ф.) (как видим, за завесой словинства Павлинович заботился о хорватских интересах; то же можно сказать о сербских деятелях [6. С. 102–103]). Павлинович обещал, что настанет день, когда "мы разоведем хорватское знамя". Ф. Рачкий, который с 1850-х годов указывал на свою национальную принадлежность, считал, что идя под "словинским" знаменем (как ранее под "иллирским"), пользы хорватскому народу принести невозможно. По-видимому, он уже убедился в том, что замалчивание хорватского этнонима в Далмации вредит процессу утверждения национального самосознания. Но это не поколебало его в намерении сотрудничать с сербами.

Однако, когда Павлинович и его сторонники попытались придать газете хорватский характер, хорватский либеральный лидер "словинцев" М. Клаич пожаловался Штроссмайеру и тот выступил в поддержку старого курса газеты. Таким образом, между двумя главными деятелями хорватского югославизма и личными друзьями Ф. Рачким и Й.Ю. Штроссмайером в одном из принципиальных вопросов обнаружилась разногласия. Это свидетельствовало о неустойчивости идейных позиций югославистов, об их стремлении использовать югославизм в хорватских интересах, и, вместе с тем, и о неясности, до какой степени и до какого времени можно пропагандировать теорию единого народа, чтобы не нанести этим интересам вреда. Штроссмайер явно был готов идти дальше по пути прокламирования "национального единства", чем его

соратник. Но именно в 60-х годах быстро усиливались идейные и политические позиции сербского национального движения вне Хорватии, и хорватские югослависты стали задумываться, как обеспечить права Хорватии в случае объединения югославянских земель. С этим связано появление неопубликованного тогда проекта хорватской программы 1874 г., в которой жестко указывалось, что объединение возможно только на основе федерации полностью равноправных "частей народа", причем распорядиться этими правами вправе только данная "часть народа" [9]. Хотя здесь содержалась идея "югославянского народа", доминирующими были интересы его "частей", которые все четче осознавались как особые нации.

Что касается Рачкого, то он являлся последовательным сторонником упрочения хорватского государства (объединения хорватских земель и т.д.) до создания югославянской федерации.

Итак, подчеркнем: для хорватов всегда существовали два аспекта югославизма – внутривнутриполитический (т.е. относящийся к хорватско-сербским отношениям в хорватских землях) и внешнеполитический (относящийся прежде всего к сфере взаимоотношений Хорватии с Сербией, Черногорией, Воеводиной, короче, с сербскими землями) вопросы. Применение термина "югославянский" во внутривнутриполитическом аспекте преследовало цель упрочения политической монополии хорватов в Хорватии и Славонии, тогда как во внешнеполитическом аспекте уже в 60-х годах выявилось, что теория "единого народа" с успехом может применяться Сербией в своих интересах (это было сербским югославизмом). Так, премьер-министр Сербии И. Гарашанин в 1867 г. обосновал претензии на присоединение Боснии и Герцеговины к Сербии тем, что "народность одна" в Сербии, Хорватии и Боснии. Идеологи хорватского югославизма, для которых важнее всего было освобождение Боснии от османского ига кем бы то ни было, соглашались с этими претензиями, как и во время Восточного кризиса 1875–1878 гг. [10]. Поскольку Сербия в 1867 г. выступала с проектом федеративного югославянского государства, это было приемлемо для хорватских югославистов. Но во второй половине XIX в. все более настойчиво проповедавались великосербские взгляды, хотя иногда под знаменем интегрального югославизма. В начале XX в. это стало обычным явлением. Внешнеполитический аспект югославизма таил в себе опасность для хорватов.

Стабилизация внешнеполитической и внутривнутриполитической ситуации Австро-Венгрии в 70–80-х годах XIX в., вхождение Сербии в сферу австро-венгерского влияния (до 1903 г.) сделали югославистские планы беспредметными. К этому добавилась и конкуренция хорватской и сербской мелкой буржуазии и аграрных кругов. В данной обстановке в 80-х – начале 90-х годов произошло (сначала подспудное, скрытое) сближение хорватских умеренных либералов ("независимая партия" Ф. Рачкого), влияние которых было незначительным, с появившимся вследствие развития национальной буржуазии близким им по взглядам крылом "партии права" во главе с Ф. Фолнеговичем [12]. Началась сложная перестройка хорватских партий, завершившаяся в начале XX в.

В заключение повторим важную, на наш взгляд, мысль: наднационального югославизма в XIX в. не существовало, за редкими исключениями под этим флагом были представлены интересы соответствующей нации. Это предопределялось объективным процессом формирования нескольких южнославянских наций. Иной вопрос, что представительство хорватских интересов не всегда осуществлялось адекватно, что вызывало в среде югославистов разногласия. Югославизм, в силу исторических обстоятельств, зародился в Хорватии, а как сильное сербское течение проявился лишь после 1903 г., когда он соответствовал сербским (великосербским) интересам. Хорватский югославизм был склонен к маневрам, ему не всегда хватало ясности и последовательности.

Наличие обширной зоны со смешанным (сербским и хорватским, а в Боснии и мусульманским) населением осложняло решение национальных проблем, но вместе с тем стимулировало поиски этого решения на пути создания общей югославянской

государственности, либо как государственности якобы единого народа, либо на федеративных основах с признанием прав меньшинств в сфере управления и культуры. В Хорватии в XIX – начале XX в. к таким поискам, неизбежно связанным с компромиссами, были способны либеральные круги – носители югославизма. Однако в целом эти стремления потерпели неудачу; национальные противоречия оказались непреодоленными.

© 1998 г. РОМАНЕНКО С.А.

ЮГОСЛАВИЗМ В ХОРВАТИИ, СЛАВОНИИ И ДАЛМАЦИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

К концу XIX в. в связи с усилением этнообразующих и этнодифференцирующих процессов хорватско-сербские отношения обострились и югославистские традиции 50–60-х годов отошли на второй план [13]. В этот период их национальные движения развивались не только изолированно друг от друга, но часто вступали в политическое единоборство. Проблема самоопределения теоретиками обоих движений уже тогда рассматривалась только как самоопределение своей национальности, превращения ее в нацию при отрицании прав, а иногда и самого существования другой.

Все течения в хорватском (как и в сербском) национальном движении стремились к политическому объединению хорватских (и, соответственно, сербских) этнических территорий, на многих из которых хорваты и сербы проживали совместно в течение долгого времени. Крупнейшие идейные течения внутри каждого из движений были представлены группировками, которые принято называть, как уже упоминалось выше, национально-либеральной и национально-радикальной. В первую – югославистскую – входили сторонники национального единства хорватов и сербов и политического сотрудничества обоих народов при признании различия языков и религий. Но при этом речь ни у хорватов, ни у сербов Австро-Венгрии не шла о присоединении их территорий к королевству Сербии.

В программных установках хорватских и сербских политических организаций – течений, группировок, впоследствии – партий, тесно переплетались принципы исторического государственного права, естественного права, национальный принцип. Новым этапом в развитии югославистского течения в национальных движениях хорватов и сербов Австро-Венгрии стал "новый курс", зародившийся в 1903–1904 гг. В наиболее полном виде его принципы были сформулированы в принятых в октябре 1905 г. соответственно хорватской (3 октября) Риекской и сербской (17 октября) Задарской резолюциях. Основными элементами "нового курса" были осознание взаимосвязи национальной и социальной политики, идея совместной борьбы хорватов и сербов за свое освобождение и национальное самоопределение, ориентация на венгерские оппозиционные круги, стремление к противодействию германской политике на Юго-Востоке Европы.

Авторы этих резолюций, исходя из государственно-правового положения и исторических судеб хорватов и сербов, сформулировали принципы самоопределения своих национальностей, соотнося его с принципами и традициями югославизма. Хорватские национал-либералы подразумевали под этим "право каждой нации свободно и незави-

Романенко Сергей Александрович – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

симо определять условия своего существования и решать свою судьбу". Сербские представители, в свою очередь, высказались в поддержку "стремления каждого народа самому определять свое бытие и решать свою судьбу" [14. S. 372, 389].

Концепция "нового курса" зародилась в Далмации и исходила из специфики межнациональных отношений на этой территории, входившей по австро-венгерскому соглашению 1867 г. в состав австрийской части монархии. Еще в 1883 г. сабор Далмации принял резолюцию, в которой "общий язык назывался хорватским или сербским". В 1903 г. Сербская партия "На Приморье", придерживаясь "национального принципа", выступала против объединения Далмации с Хорватией и Славонией из-за непризнания хорватами равноправия сербов в рамках "политической нации". Заявляя о том, что она объединяет в своих рядах "сербов трех вероисповеданий", т.е. сербов-православных, сербов-католиков (под ними подразумевались хорваты) и сербов, принявших ислам (босняки-мусульмане), что фактически означало отрицание этнической индивидуальности хорватов и босняков, партия в то же время говорила о приверженности "национальной и религиозной справедливости и терпимости". Проблему Боснии и Герцеговины партия предлагала решить исходя из принципа: "Балканы – балканским народам" [15. S. 248].

В 1905 г. на основе идеи "нового курса" была создана единая политическая организация – Хорватско-сербская коалиция (ХСК). В нее вошли Хорватская партия права, Хорватская народная прогрессистская партия, Сербская национальная партия независимости, а также, на короткий период, Сербская национальная радикальная партия и социал-демократическая партия Хорватии и Славонии. В самой Далмации также было налажено сотрудничество Хорватской и Сербской партий, которое, впрочем, не было оформлено организационно.

Впоследствии в своих программах хорватские сторонники "нового курса" из Хорватской народной прогрессистской партии и Хорватской партии права (ХПП) уточнили свой подход к проблеме самоопределения и югославизма – как концепции "национального единства" и идеи совместной борьбы за национальное освобождение. Исходя из принципа, что "нация является источником всех прав в государстве", прогрессисты отстаивали право каждой нации объединяться и "управлять своей судьбой в собственном государстве" [16; 14. S. 465–469]. ХПП ставила вопрос о реализации права на самоопределение хорватской нации только в границах монархии Габсбургов.

"Хорваты и сербы – это одна нация с двумя национальными наименованиями", – считали прогрессисты [16]. Партия права призывала хранить согласие и взаимность с нашими единокровными братьями – сербами в убеждении, что они будут и далее прогрессировать политически и материально, а также в стремлении к государственной самостоятельности и независимости королевства Хорватия" [17]. В то же время хорватские политики, даже "югослависты", отрицательно относились к стремлению сербов провозгласить равноправие "хорватского и сербского языков" и других атрибутов, присущих "политической нации". Официальная формула, принятая в результате компромисса либеральной и радикальной оппозиции и властей, сабором Хорватии в 1907 г., гласила, что нация в Хорватии охватывает весь народ, "будь то хорваты или сербы" [18].

Принятие "нового курса" югославистски ориентированными хорватскими деятелями в собственно Хорватии и активное участие далматинских либералов в политике в автономной Хорватии-Славонии, символизировало как значительный шаг в преодолении локальных различий в трактовке собственно "югославизма", так и в дальнейшем формировании хорватского общенационального самосознания и этнополитической идеологии. Югославизм даже в своем самом либеральном варианте неизбежно вел к отрицанию права на самоопределение одного из народов, не был альтернативой национализму, а его разновидностью, исходившей все из той же триады "национальность (нация) – территория – государство".

Со своей стороны, сербские югослависты в Хорватии – Сербская национальная

партия независимости (СНПН) – усилила политическую направленность своих требований. В своей программе 1903 г., подтвердив положения об идентичности интересов сербов и хорватов по отношению к Венгрии и защите "национальной индивидуальности" сербов, о правах "сербской нации как нации на автономию", о равноправии сербского языка с хорватским (т.е. использование его в качестве служебного на территории Хорватии – Славонии), православной и католической религии, СНПН требовала узаконить использование сербского знамени в качестве символа сербской нации-национальности в Хорватии [19. С. 4–6]. Нельзя не заметить, что если хорватские сторонники сотрудничества двух народов не рассматривали религию как характеристику этнической принадлежности, то СНПН, напротив, в новой редакции своей программы термин "православная церковь" заменила на "сербская православная церковь" [19. С. 8]. Политическую окраску носило и требование оказания экономическим учреждениям сербской нации такой же законом гарантированной помощи, как и государственным, которые в глазах сербов были хорватскими, т.е. инациональными.

Эти конкретные требования увязывались с принципиальной позицией сербского национального движения, считавшего необходимым элементом осуществления самоопределения сербов установление их фактического и юридического равноправия как этнической общности и "политической нации" с хорватами.

В программных документах хорватских и сербских либералов Хорватии, Славонии и Далмации идея сотрудничества славянских народов монархии тесно увязывалась с интересами развития и историческими задачами каждого народа. Это сотрудничество должно было, по их мнению, прежде всего отвечать интересам своих народов, затем – "югославянства" и только в последнюю очередь славянства в целом. Полагая нацию "источником всех прав в государстве", они ни в коем случае не рассматривали славянскую общность, исторически сложившуюся в границах государства Габсбургов и составлявшую большинство ее населения, как субъект государственного права. Им было ясно видно, что внутри "славянского племени" сложились разные этнические общности, обладавшие собственной индивидуальностью, особым политико-юридическим статусом и самосознанием, стремившиеся к обретению суверенитета и реализации права на самоопределение. Но на практике сама же Хорватско-сербская коалиция не искала поддержки и не поддерживала по собственной инициативе движения "не исторических" народов, не обладавших своей государственностью – сербов, словаков, румын, проживавших на территории собственно королевства Венгрии (подробнее об этом см.: [20]).

Трактовки идей славянской общности, солидарности и взаимопомощи у хорватских и сербских либералов Австро-Венгрии имели свои особенности, обусловленные положением и историей этих народов, статусом территорий, на которых они проживали. Для сербских либералов на одном из первых мест стояла возможность воздействовать на внешнюю политику монархии для защиты сербского независимого государства, во-первых, и сербского населения Боснии и Герцеговины, во-вторых. В программе Сербской партии в Далмации 1903 г. для защиты национальных сербских интересов был использован принцип регионального (территориально-географического) единства, а не этнического родства. Партия заявляла, что она выступит против "любой попытки проводить внутри монархии политику, противоречащую национальному принципу, и исходя из этого, поддержит справедливую борьбу славян в монархии. Авторы программы признавали общность задач славянских народов государства Габсбургов, но, в отличие от горячего поборника славянской солидарности С. Радича, не обосновывали свои политические требования исторически сложившейся в этом государстве этнодемографической ситуацией и не связывали с политико-правовыми требованиями. (Согласно распространенным представлениям тех лет, славянские народы в Австро-Венгрии обладали совокупным численным превосходством над всеми остальными народами, что не соответствовало действительности.)

В программе СНПН Хорватии этот факт рассматривался как аргумент в пользу

пересмотра внешней политики Австро-Венгрии. Авторы программы считали, что партия должна способствовать тому, чтобы внешняя политика монархии в соответствии с численным преобладанием славян не велась в антиславянском духе и не стремилась к захватам, признавая принцип "Восток – восточным народам" [19. С. 9].

Хорватские либералы иначе подходили к этим проблемам. В программе Хорватской партии в Далмации говорилось о стремлении воспитывать у славянских народов взаимные братские чувства, чтобы заслужить поддержку "справедливых требований хорватской нации" [15. S. 248]. Принадлежность к славянской общности и возможную поддержку их другими славянскими народами они рассматривали как дополнительное обоснование своих национальных интересов, определявшихся во многом хорватским историческим государственным правом.

В программе последователей чешского философа Т.Г. Масарика – хорватских прогрессистов, – имевших единую программу с Демократической (хорватской) партией Далмации, содежался пункт об "укреплении славянской взаимности путем ознакомления славянских народов с их языками, разъяснение смысла и направленности их (т.е. народов) развития". Они считали необходимым "поддерживать литературные, художественные, а по возможности и экономические связи со словенцами и болгарями", которых считали "двоюродными братьями (хорватов) по отцовской линии" [16]. Своими же "родными братьями" они полагали сербов, а русских, чехов, словаков и поляков – "дальними родственниками". Славянство в целом прогрессисты называли на патриархальный манер "большой родней", избегая каких-либо научных терминов. Но даже родственники, полагали они, не могут вмешиваться в дела друг друга: в рамках славянского родства каждый народ сохраняет свою индивидуальность и независимость.

Говоря о взаимоотношениях между славянскими народами, прогрессисты исходили из того, что народы "должны жить в мире и дружбе, по-братски помогая и защищая друг друга". Они отдавали себе отчет в том, что славянство как таковое (как, впрочем и югославянство) не представляет из себя в национальном отношении единого целого и не может быть субъектом государственного права, что сложились и существуют особые славянские этнические общности со своими политическими задачами и интересами, которые даже учитывая факт этнического родства и необходимость взаимопомощи будут требовать строгого соблюдения принципов равенства и невмешательства в свои внутренние дела.

У югославистов не было ясного представления о характере славянской общности. Они называли отдельные народы то "племенами", то "народами" ("нациями"), то "национальностями", используя и язык метафор – "ветвями славянского дерева". Некоторые из них пытались доказать, что славянство в целом – это "большой организм, существование которого находится под угрозой" [21]. Они считали, что у славянской общности есть свои наднациональные законы развития, что в среде славянских народов преобладают интеграционные тенденции. С этой точки зрения интересны попытки представить существование исторически сложившейся общности хорватов и сербов, проживавших на одной территории (в более широком варианте – всех южных славян), как отражение этой общеславянской межэтнической интеграционной тенденции.

В идеологии хорватских югославистов присутствовали и австрославистские мотивы – стремление сохранить целостность монархии Габсбургов и решить "хорватский вопрос" в ее составе. В начале XX в. основными чертами австрославизма были признание необходимости сохранения существующего государства как гарантии национального существования славянских народов, недопущение конфликта между Австро-Венгрией и Россией.

С другой стороны, некоторые надежды они возлагали и на Россию, с тревогой следя за русско-японской войной и революцией 1905–1907 гг., видя в этих событиях признаки ослабления возможного могучего союзника. В некоторой степени и этим было

обусловлено достаточно активное на первом этапе участие деятелей ХСК в движении неославистов [22].

Но радужным иллюзиям и надеждам не суждено было осуществиться. 5 октября 1908 г. Австро-Венгрия аннексировала Боснию и Герцеговину. Это вызвало новое обострение отношений между сербским и хорватским национальными движениями. Последние выступали за присоединение Боснии и Герцеговины к Хорватии в границах Габсбургской монархии. Каждая из сторон, используя историческую, политическую, этнологическую и конфессиональную аргументацию стремилась "доказать" право своей нации на обладание этими территориями, с 1878 г. оккупированными Австро-Венгрией по решению Берлинского конгресса.

Аннексия Боснии и Герцеговины неизбежно вызвала изменения и в позициях хорватских и сербских политических партий. В октябре 1910 г. произошло объединение ХПП и прогрессистов. Принцип национального самоопределения получил в программе новую интерпретацию. Если раньше хорватские национал-либералы говорили о праве наций на самоопределение только для хорватов, то теперь они, "опираясь на принцип национального единства и самоопределения", выступили за "объединение тех земель Габсбургской монархии, на которых проживает нация хорватского и сербского наименования" [23].

Выступая на съезде Сербской национальной партии независимости (действовавшей на территории Хорватии) в 1911 г., один из ее виднейших представителей, Светозар Прибичевич, решительно заявил: "Мы выступаем за то, чтобы Хорватия была отечеством и для сербов, а не только хорватов", поскольку "сербы столь же сильно любят Хорватию, как и хорваты". Св. Прибичевич выступал против такой трактовки идеи "национального единства", согласно которой "раз хорваты и сербы – одна нация, то не имеет значения, серб это или хорват". «Объективно мы обладаем чертами одной нации, но это не означает, что имя "серб" идентично имени "хорват"», – подчеркнул он. "У нас одни и те же отличительные черты, у нас часто одинаковое прошлое, общим станет и будущее; у нас общая национальная душа и одинаковые – а это главное – интересы» [21]. Сербские политики в Хорватии не ставили вопрос о развале монархии и о присоединении к Сербии. А идеи отделения от государства Габсбургов и идея присоединения к Сербии и это вовсе не одно и то же.

Особый тип югославизма связан с социал-демократической партией Хорватии и Славонии (СДПХСл). Хотя она и признала Соглашение 1868 г. законом для Хорватии, она выступала за его пересмотр, за гарантию для Хорватии, Славонии и Далмации права на полное самоуправление, а с середины 1900-х годов стала требовать фундаментального переустройства дуалистической Австро-Венгерской монархии и в социальном, и в национально-политическом отношении. Вместе со всеми остальными партиями она критиковала систему дуализма за то, что та "основана на превосходстве одних и угнетении других наций и классов", требовала "основополагающего переустройства государства и общества". "На юге [Европы] проживает один большой южнославянский народ, который населяет Хорватию, Славонию, Боснию, Герцеговину, Далмацию, Сербию, Черногорию. Несмотря на различные наименования, это один народ. Государства, в состав которых он входит, разделяют его, но это лишь границы между государствами", – писал еще в 1893 г. один из основателей тогда только зарождавшейся социал-демократической партии Хорватии и Славонии Иван Анцел [25. S. 9]. Это мнение на рубеже веков разделяли многие. Эта иллюзия принадлежала отнюдь не только социал-демократам. Скорее, наоборот, это они, стремясь преодолеть конфликтную традицию в отношениях между хорватами и сербами, использовали наследие югославизма.

СДПХСл пыталась свести воедино представление о народе как о социальной, так и этнической общности. Большую часть югославянского населения составляли слои, которые социал-демократы объединяли понятием "трудовой народ". Лидер родственной СДПХСл Югославянской СДП, действовавшей в словенских землях государ-

ства Габсбургов, Этбин Кристан, один из создателей известной теории "культурно-национальной автономии", говорил: "Мы должны решительно протестовать, когда проводят различия между нацией и народом". (Термин "народ" используется в данном контексте в социальном, а не этническом значении) [26].

21–22 ноября 1909 г. в Любляне состоялась конференция социал-демократов южнославянских земель Австро-Венгрии, в которой приняли участие и представители СДПХСл. В резолюции конференции говорилось, во-первых, о стремлении "югославян" Австро-Венгрии к "полному национальному объединению всех югославян", во-вторых, о ликвидации "искусственно воздвигнутых препятствий, государственно-правовых и политических", чтобы иметь возможность "жить общей жизнью как свободное национально-автономное целое в рамках полностью демократической конфедерации народов". VI съезд СДПХСл, проходивший в августе 1910 г., провозгласил, что партия воспринимает Люблянскую резолюцию как свой собственный документ [25. S. 137–138; 27. S. 201–203].

Вскоре после Любляны в январе 1910 г. в Белграде была организована Балканская социалистическая конференция. Выступая на ней, представители хорватских и сербских социал-демократов также говорили о "мирном обретении нациями автономии". Словенский представитель Хенрик Тума, например, заявил, что "историческая миссия Австро-Венгрии состоит в том, чтобы предоставить такую автономию". В противном случае, по его мнению, она должна распасться [27. S. 211].

Новым этапом в развитии идей югославизма стал комплекс идей молодого поколения. Его руководители опирались на традицию хорватских прогрессистов, в 1907 г. объединившихся в единую партию, действовавшую на территории Хорватии-Славонии и Далмации. После аннексии Боснии и Герцеговины молодежное движение начало играть относительно самостоятельную роль. Это было реакцией на политику Хорватско-сербской коалиции, на усиление консервативных тенденций в политике монархии, на активизацию хорватского клерикально-националистического движения. Югославизм "молодежи" по сравнению даже с прогрессистами был более радикальным. Они ставили своей целью создание единой культуры южнославянских народов, включая и болгар. Это течение связано с именами В. Буковича, И. Войновича, И. Мештровича, Т. Уевича.

Первоначально ограничив свою деятельность сферой культуры, югославистская молодежь постепенно начала заявлять о себе как организация с самостоятельной политической физиономией. При поддержке Ф. Супило, они стали выступать за создание единой южнославянской нации при ее политическом объединении в независимом государстве после распада монархии Габсбургов. В 1911 г. они объединились в так называемую Хорватско-сербскую [организацию] прогрессистской молодежи, решительно выступавшую против как хорватского, так и сербского клерикализма, в которых они видели антидемократические силы. Выступая за национальное единство и политическое объединение южнославянских народов, "молодежь" считала необходимым налаживание культурного и экономического сотрудничества. Для достижения своих целей они предполагали использовать как традиционные мирные, так и революционно-террористические методы [1. S. 301–305; 28].

Небольшие уступки, не носившие принципиального характера, не могли повлиять на наметившийся с 1912 г. поворот в общественном мнении и национальной психологии хорватов и сербов Австро-Венгрии. Отвергнув в 1905–1907 гг. опыт революции в России, под влиянием Балканских войн, давших пример способа решения национальных проблем на Юго-Востоке Европы, отчаявшись от бессилия национально-либеральных кругов, часть общества встала на путь политического террора во имя "освобождения". "Молодое поколение" отвергло эволюционизм, соглашательство ХСК и "триализм" партии права. Созданная организация "объединенная националистическая молодежь" выступила с лозунгами "унитарного югославизма" на принципах национальной идентификации сербов, хорватов и словенцев. Они считали, подобно социалистам, что эти три народа являются одной

нацией. Но при этом они принимали в расчет, что каждое из этих трех "племен" обладает своей собственной идентичностью.

В 1912, 1913 и 1914 гг. состоялись неудачные покушения на банов Хорватии Славко Цува и Йована Скерлеца, проводивших политику жесткого подавления национальных движений хорватов и сербов. Причем последнее покушение произошло лишь за месяц до выстрелов в Сараево. Возможность мирным путем проводить принципиальные реформы и тем самым, возможно, избежать конфликта с Сербией и войны, была упущена. Наконец, 28 июня 1914 г. прозвучал выстрел Гаврилы Принципа...

Таким образом во втором десятилетии XX в. в хорватском национальном движении складывается противоречивая картина. С одной стороны, часть югославистов перешла на позиции радикального югославизма ("хорваты и сербы – одна нация") и для достижения своих целей пыталась использовать псевдореволюционный терроризм. Либеральная же часть югославистского течения (ХСК), наоборот, искала поддержку у стоящих у власти в Будапеште венгерских партий и весьма сдержанно относилась к идее независимого югославянского государства.

Создание 29 октября 1918 г. "Государства словенцев, хорватов и сербов в соответствии с современным принципом национальности и на основе национального единства" трех этих народов, стало мимолетным воплощением стремлений хорватского югославизма. Образование же 1 декабря 1918 г. Королевства сербов, хорватов и словенцев знаменовало собой победу сербского интегрального югославизма над имевшим давние федералистские традиции хорватским югославизмом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Gross M.* Nacionalnointegracijske ideologije u Hrvata od kraja ilirizma do stvaranja Jugoslavije // Društveni razvoj u Hrvatskoj od 16. do početka 20. stoljeća. Zagreb, 1981.
2. Dokumenti za naše podrijetlo hrvatskoga preporoda (1790–1832) [F. Fancev]. Zagreb, 1933. S. 319.
3. *Чуркина И.В.* Национальное возрождение югославянских народов габсбургской монархии // На путях к Югославии: за и против. М., 1997. С. 33.
4. *Korunic P.* Jugoslavenska ideologija u hrvatskoj i slovenskoj politici. Ljubljana, 1986.
5. *Gross M.* Počeci moderne Hrvatske. Zagreb; Ljubljana, 1985. S. 391–400.
6. *Фрейдзон В.И.* Далмация в хорватском национальном возрождении XIX в. М., 1997.
7. *Карасев А.В.* Сербские национальные программы и борьба за их реализацию в 1856–1878 гг. // На путях к Югославии: за и против. М., 1997.
8. *Фрейдзон В.И.* Корреспонденция Рачкий – Штрессмайер как источник по истории Хорватии второй половины XIX в. // Славянский архив. М., 1959.
9. *Фрейдзон В.И.* Югославизм и "великие" идеи у хорватов и сербов во второй половине XIX в. // На путях к Югославии: за и против. М., 1997.
10. *Фрейдзон В.И.* Исторические корни и сущность югославизма // Новая и новейшая история. 1997. № 3.
11. Korespondencija F. Rački – J.J. Strossmayer. Zagreb, 1928–1931. Sv. I–IV; Sv. IV. S. 376, 378.
12. Korespondencija F. Rački – J.J. Strossmayer. Zagreb, 1928–1931. Sv. II. S. 203; Sv. III. S. 18, 106; Sv. IV. S. 376–378 etc. (1879–1893).
13. *Фрейдзон В.И.* Борьба хорватского народа за национальную свободу. М., 1972; *Романенко С.А.* Проблема национальной государственности в программах политических партий Хорватии-Славонии и Воеводины в конце XIX – начале XX века // Балканы в конце XIX – начале XX века. М., 1991; *Божилова Р.* Хърватското национално-освободително движение през погледа на Българите. 1878–1914. София, 1988.
14. *Ibler J.* Hrvatska politika. 1904–1906. Zagreb, 1914/1917.
15. *Ibler J.* Hrvatska politika. 1903. Zagreb, 1914.
16. Program i organizacija hrvatske pučke napredne stranke. Zagreb, 1906. S. 3.
17. Program i pravilnik hrvatske stranke (članice koalicije). Zagreb, 1907. S. 6.

18. *Gross M.* Vladavina hrvatsko-srpske koalicije. Beograd, 1960. S. 152.
19. Програм српске народне самосталне странке. Загреб, 1903.
20. *Романенко С.А.* "Новый курс": шаг к реформе государства Габсбургов или к "национальной революции южного славянства"? // Балканские исследования. М., 1994. Вып. 12.
21. Hrvatska. 1908. 22.VII; Crvena Hrvatska. 1908. 15.VII.
22. *Ненашева З.С.* Идеино-политическая борьба в Чехии и Словакии в начале XX в. М., 1984; *Ненашева З.С.* Общественно-политическая мысль в чешских землях в конце XIX – начале XX века. М., 1994; *Романенко С.А.* Югославяне Австро-Венгрии, неославизм и Россия // *Bulgarian Historical Review.* 1996. № 3; *Lovrenčić R.* Prva ruska revolucija i građanska javnost u Hrvatskoj // *Radovi Instituta za hrvatsku povijest.* 1971. № 1.
23. Hrvatska ujedinjena samostalna stranka. Zagreb, 1911. S. 3, 5.
24. Србобран. Загреб, 1911. 30.VI(13.V).
25. Istorijski arhiv Komunističke partije Jugoslavije. Beograd, 1950.
26. Sloboda. Zagreb, 1896. № 15.
27. Zgodovinski arhiv Komunističke partije Jugoslavije. T. V. Socijalističko gibanje v Sloveniji 1869–1920. Beograd, 1951.
28. *Sidak J., Gross M., Kararman I., Šepić D.* Povijest hrvatskoga naroda. 1860–1914. Zagreb, 1968. S. 279–284.



ВЕЛИКОХОРВАТСКАЯ ИДЕЯ

© 1998 г. ФРЕЙДЗОН В.И.

ХОРВАТСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ РАДИКАЛИЗМ (ВЕЛИКОХОРВАТСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ) В XIX ВЕКЕ

Нация, формирующаяся в крайне сложных условиях, создала две национально-интеграционных идеологии (или два течения в такой идеологии): это – хорватский югославизм и национальный радикализм (великохорватизм). Последний возник после поражения революции 1848 г. (с ее славянскими идеями федеративной конституционно-монархической либеральной Австрии) и в связи с установлением неоабсолютистского режима, а также с провозглашением великосербской идеи.

Формально, носители великохорватской идеологии претендовали на все южнославянские земли, считая их по составу населения хорватскими. Словенцев они называли "хорватами-горцами". Впрочем, они рассчитывали на добровольное присоединение словенцев к Хорватии. Существование сербского и мусульманского народов отвергалось. Кроме хорватов на Балканском полуострове в качестве особого народа признавались только болгары. Но реально великохорваты стремились прежде всего обеспечить абсолютное господство хорватского национального сознания в Хорватии, Славонии и Далмации, а также присоединить Боснию и Герцеговину к Хорватии. При этом они опирались на "естественное право" (единство или близость языка) и вольно толкуемое историческое право Хорватии.

Неоабсолютизм (1850–1859) являлся диктатурой генералитета, придворной аристократии, которые с консервативных позиций осуществляли реформы, необходимые для модернизации империи. После поражения в австро-франко-пьемонтской войне (1859) социальное содержание габсбургской власти несколько изменилось: к указанным силам прибавилась банкирская верхушка, а затем австронемецкая промышленная буржуазия. Преобразование империи в конституционную Австро-Венгрию добавило к австрийским господствующим кругам венгерскую землевладельческую аристократию и венгерских банкиров.

Уже с 40-х годов началась прокладка железных дорог, связавших Вену с портом Триестом и окраинами империи, в частности, с Хорватией (1862), одной из наиболее отсталых земель государства. Железные дороги означали катастрофу для хорватского традиционного мелкого производства, упадок прежних торговых путей, на которых работали тысячи людей. Бюрократизация управления и военные расходы вызвали невиданный ранее взлет налогов, разорительных для крестьян, ре-

месленников, мелких торговцев, мелких и даже средних помещиков. Создание же новых средних слоев (торгово-банковской, аграрной и промышленной буржуазии и связанной с ней интеллигенции) протекало медленно и дало ощутимые результаты лишь в 90-х годах XIX в. Поэтому 50–80-е годы XIX в. в Хорватии – время глухого отчаяния, острого недовольства части интеллигенции, вылившегося в радикальные национально-политические идеи.

Наиболее крупными деятелями и идеологами радикального толка явились Э. Кватерник (1825–1871) и А. Старчевич (1823–1896), оба по образованию юристы. Стремление спасти Хорватию от, как казалось, беспросветного настоящего привело их, как писал Э. Кватерник в своем письме М. Павлиновичу 22 июня 1860 г., к "развитию принципа свободной и независимой Хорватии" [1]. Это главная черта идей хорватского национального радикализма.

Впервые развернутое обоснование права Хорватии на независимость было дано Кватерником в 1859 г. в изданной в Париже анонимной брошюре [2]. В 1861 г. он отстаивал ту же идею в книге, изданной в Загребе [3]. Тогда же А. Старчевич, будучи секретарем Риекской жупании, составил "петицию", в которой требовал созыва полновластного сабора для решения хорватских проблем: широкие национальные права здесь сочетались со "священными принципами" демократических свобод. Старчевич заявлял, что своей политикой в отношении Хорватии "престол вашего величества (именно так: со строчной буквы. – В.Ф.) навсегда разорвал основанный на договоре святой союз, который лишь единственный соединяет это королевство с его законным королем". "Ваше величество, в результате 334-летнего правления (Габсбургов. – В.Ф.), основанного на осквернении святых прав... королевство Хорватия, эта страна, благословленная богом, добытая кровью наших отцов и защищенная от всех нападений...и рая превратилась в долину слез, а хорватский народ оказался в положении, когда ему нечего терять и нечего защищать..." [4].

Упоминание о "святых правах" хорватов отражало ключевой момент в идейном построении Кватерника и Старчевича. Имелось в виду "историческое право", основанное на существовании самостоятельного государства в раннем средневековье и последующих договорах хорватов с Венгрией (1102) и династией Габсбургов (1527). Ссылка на "закон", на историческое право – существенный элемент всей государственно-административной политики Габсбургов, обоснование их мер по стабилизации государственного устройства. Поэтому старчевичане широко использовали аналогичную аргументацию. Вместе с тем, Кватерник и Старчевич восприняли достижения эпохи Просвещения и Французской революции – учение о естественном праве нации на суверенитет. Все это вместе дало им основания называть своих сторонников "партией права" (праваша).

А. Старчевич на саборах 1861 и 1865–1866 гг. выступил против предложений признать какое-либо объединение Хорватии с "другими народами" империи, т.е. фактически признать целостность империи и наличие "общих интересов" Хорватии с ее "другими народами". Согласие на это со стороны Национально-либеральной партии он называл предательством. С 60-х годов в течение более трех десятилетий он неустанно, прибегая главным образом к аргументам из области экономики (но не только), доказывал вредоносность для Хорватии ее пребывания в составе империи. При этом он не видел существенной разницы между унитарным и федеративным устройством австрийского государства, так как хорватам, по его мнению, в любом случае не удалось бы отстоять свои интересы.

"Все земли, принадлежащие Хорватии по историческому, государственному и современному национальному праву, объединить, добиться признания всем миром суверенитета Хорватского государства... – вот первый и основной пункт хорватской политики", – писала газета правашей в 1871 г. [5.9.VII]. "Пока народ хочет сохранить себя, он будет выступать за свою самостоятельность и независимость... Это – условие его существования, это – цель и дух нашей программы" [6. S. 129]. "Нас подавила иноземная торговля. Швабы даровали нам гевербейфрайхит (свободу предпринима-

тельства. – В.Ф.). Этот фрайхайт – наша погибель... Всевозможные изделия швабских фабрик затопили наши рынки... Ремесленники были побеждены низкими ценами иноземных товаров... Разорение с каждым днем возрастает... Сердцевина политики – торговля. Где нет торговли, нет благосостояния. И в умственном отношении может развиваться лишь народ, пользующийся благами" [5. 9 VII]. "Пока приходится тягаться с товаровладельцами, более богатыми материальным и духовным капиталом, хорватские ремесленники, крестьяне, помещики и другие не смогут встать на ноги" [7]. "Подъем всех отраслей хозяйства – жизненный вопрос" для Хорватии, но империя в этом не заинтересована: "Чем хорватский народ беднее, тем более надежного и безответного покупателя имеют остальные народы Австрии" [6. S. 121–122]. Ту же мысль сформулировал Кватерник: "Ваше (Австрии. – В.Ф.) богатство исключает наше благосостояние" [8].

Хорватия относилась к наиболее отсталым землям империи (но все же в начале XX в. находилась на более высоком уровне, чем независимые балканские государства). Поэтому в Хорватии идея независимости возникла относительно рано. Праваша полагали, что при федерализации Австрии "главное" – армию, финансы, дипломатию и внешнюю торговлю сохранили бы в своих руках венские правящие круги. А "именно с потерей этого исчезает индивидуальность и самостоятельность народов, каждый из которых должен иметь национальную армию, национальный флаг и вести все государственные дела... Хорватия – хорватам". Империя не нужна народам – получив свободу волеизъявления, они выскажутся за независимость [5. 7 V].

Условием освобождения праваша считали разгром монархии Габсбургов какой-либо великой державой или – до 1866 г. – успех итальянского или польского антиавстрийского движения. Кватерник, будучи в Петербурге в 1858 г., убеждал русских общественных деятелей, что при определенной финансовой поддержке можно поднять массовое восстание на Военной границе, а затем – накануне франко-австрийской войны – о том же говорил в Париже с чиновниками Наполеона III; он сотрудничал с польскими и венгерскими революционными эмигрантами и чехом Й.В. Фричем, надеясь, что польское восстание 1863–1864 гг. перекинется в Австрию. Наконец, в 1871 г. он предпринял неудачную попытку восстания на Военной границе и погиб. Старчевич же более трезво смотрел на собственные возможности хорватов и ждал развала империи (в связи с этим праваша предсказали неизбежность франко-русского союза). В статье "Борьба ирландцев" (1881), совпавшей с десятой годовщиной гибели Кватерника, Старчевич выступил против опрометчивых восстаний, выгодных лишь угнетателям – "это имеет значение для любого слабого народа", "в настоящее время мы не видим никакой возможности для успешного вооруженного восстания в Ирландии". Пока что автор советовал ирландцам помогать борьбе народов против британского владычества там, где "Англия увязла" (в Африке, Афганистане) [9].

Вторая важнейшая черта идеологии правашей 50–80-х годов XIX в. ("раннего" или "подлинного" старчевичанства, с 1852 г.) – "отрицание" сербского этнонима, самого существования сербского народа и его истории, которые бывший иллир А. Старчевич, не выбирая выражений, объявил хорватскими (хорватский царь Душан в XIV в. и т.д.). Более того, основатель движения правашей "доказывал", что этноним "серб" или "славо-серб" происходит от латинского *servus*, *sclavus* и означает "рабскую породу" (правда, понятие "славо-сербы" он распространял и на тех хорватов и вообще представителей любого народа, что были готовы по-рабски служить иноземцам; тем самым свою антиавстрийскую позицию он терминологически увязал с антисербской). Некоторыми хорватскими и сербскими авторами предпринимались попытки игнорировать реальное содержание этой "филологии" и утверждать, что Старчевич, возражая против этнонима, в действительности был другом сербов, так как считал их частью хорватского народа (такие попытки предпринимали сторонники теории уже существующего единого югославянского народа, нации, т.е. идеи "интегрального югославизма").

Но главное не в терминологической увязке. Вопрос состоит в том, почему ради-

кальное (в отношении Габсбургов) требование государственного суверенитета Хорватии было тесно связано с радикальным же неприятием сербского меньшинства в хорватских землях – прежде всего в Хорватии, Славонии и Далмации (Триедином королевстве), а также с претензиями на Боснию и Герцеговину и Словению. Если не ограничиваться стандартным указанием на крайний национализм, присущий мелкой буржуазии вообще и в связи с этим на программу старчевичан создать унитарное хорватское государство (кроме сербов, иные малочисленные меньшинства – немцы, венгры, словаки и др. – не могли помешать достижению этой цели), то дело заключалось в стремлении к сильному государству. Югослависты мечтали создать сильное государство путем федерации южных славян, а старчевичане – путем присоединения к землям с абсолютным хорватским большинством соседних областей – Боснии и Герцеговины (где хорватов было около одной пятой), а также Словении. Вместе с мусульманами хорваты составляли бы в Боснии большинство, потому Старчевич провозглашал боснийских мусульман лучшей частью хорватского народа (по той же логике сербские идеологи считали мусульман сербами; в действительности же это особый славянский народ [10]).

Праваша мечтали о добровольном присоединении к хорватам словенцев, теснимых австронемецкими и итальянскими соседями. Действительно, в начале XX в. словенские клерикалы – Словенская народная партия, получавшая поддержку 90% избирателей, выразила готовность объединиться с Хорватией "на основе хорватского государственного исторического права". В Боснии же, как и в самом Триедином королевстве, политика правашей встречала непримиримую сербскую оппозицию (в 60-х годах среди сербской буржуазии и идеологов вне Хорватии господствовали великосербские принципы, со временем они были перенесены и в Хорватию).

Характерно, что поводом (не причиной) к формированию великохорватской идеологии для А. Старчевича послужило выступление знаменитого сербского филолога В.С. Караджича, опубликованного в 1849 г. сборник, где говорилось о "сербях всех трех конфессий", и статью о том, что сербы "все и всюду" (написано в 1836 г., по-видимому, в пику иллиризму). Автор, в соответствии с господствовавшим тогда в науке взглядом, утверждал, что так как этнообразующим фактором является язык, а сербский народ пользуется штокавским диалектом, то "все штокавцы – сербы". Но на том же диалекте за пределами собственно Хорватии говорили южные славяне-католики, сплывавшиеся в хорватскую нацию (правда, в годы революции, а тем более до нее, этот процесс находился на ранней стадии и сам принцип образования югославянских наций был не вполне ясен; становление хорватской нации интенсивно происходило в третьей четверти XIX в., но Караджич продолжал придерживаться своего взгляда и в 60-х годах). С 30-х годов XIX в. штокавский диалект хорватского языка прочно утвердился и в самой Хорватии. Но до этого времени в самой Хорватии использовался кайкавский диалект, близкий словенскому языку, и при применении указанной выше логики получалось, что хорватов как народа почти не существует.

Главной причиной формулирования великосербской и великохорватской идеологий было наличие обширной зоны со смешанным православно-католическим (в Боснии – и мусульманским) населением, здесь параллельно складывались разные нации, каждая из которых стремилась утвердиться в "спорной" зоне. Для хорватов это было особенно болезненно, так как сербское население располагалось плотными массами (анклавами) в глубине Триединого королевства. Решить проблему можно было либо цивилизованным компромиссом, либо путем конфликтов.

"Непризнание" сербского этнонима даже в Сербии и других сербских областях, придавшее пропаганде Старчевича фантастический характер, в действительности являлось идеологическим оформлением более ограниченной программы, а именно задачи достижения абсолютного торжества хорватского национального самосознания прежде всего в Триедином королевстве – Хорватии, Славонии и Далмации – территории, где хорваты составляли прочное большинство. Логика Старчевича была простой: чтобы вытеснить сербское национальное самосознание в Триедином королев-

стве, следовало игнорировать сербский этноним, более того, унижить его вообще. Эта система взглядов, как и великосербская идеология, таила в себе будущие конфликты, тем более что Старчевич выдвигал претензии и на Боснию.

Великосербские и великохорватские претензии на Боснию и Герцеговину опирались на экономические и геополитические соображения. Так, сербская (в Воеводине) газета вопрошала: "Разве имеет будущее народ, если ему через Боснию не открыть доступ воздуха хотя бы с Адриатического моря?" [11] (имелся в виду выход к морю для сербской торговли). С хорватской стороны Э. Кватерник размышлял: "Если плодородная и богатая Босния окажется в сербских руках, как тогда развиваться торговле и производству, откуда возьмутся источники силы, предметы питания, необходимые, чтобы не погибли от голода хорваты, обитающие на скалистых и каменных далматинских и приморских берегах?". И вообще, в случае присоединения Боснии к Сербии, "кто бы спас для хорватов Далмацию и Приморье?" [5. 9 VII].

Историк не может без внимания отнестись к словам известного сербского демократа и социалиста С. Марковича, который справедливо считая панхорватизм бессмыслицей (1871 г.), главное в деятельности правашей видел в борьбе за национальное освобождение от власти Австро-Венгрии; именно поэтому Маркович называл партию права самой "святой, смелой и прогрессивной" в Хорватии. По-видимому, он учитывал и пропаганду Старчевичем демократического государственного устройства, включая полномочный парламент (сабор), всеобщее избирательное право, свободу слова и печати.

В условиях постепенных социальных сдвигов 80–90-х годов партия права стала главной оппозиционной силой режиму. Ее влияние утвердилось среди горожан и начало проникать в село. Югославизм переживал упадок и его носительница Независимая национальная партия Ф. Рачкого (с 1880 г.) объединяла небольшую часть общества – умеренную более богатую интеллигенцию, сохранившую программу расширения автономии Хорватии (на сферу финансов) в рамках Венгрии. Югославянское государство казалось очень далекой и вряд ли осуществимой мечтой. Жесткий режим бана К. Куэна-Хедервари на выборах 1892 г. нанес хорватской оппозиции тяжелое поражение. В среде оппозиционных партий происходили изменения: в партии права назревали противоречия между группировками 1) преимущественно мелкой буржуазии, склонявшейся к ориентации на династию Габсбургов, как опору против сербского национализма (ядро этой группы складывалось вокруг буржуазии, заинтересованной в экономических связях с Австрией), и 2) средней буржуазии, где преобладали антиавстрийские экономические интересы большей части сторонников развития национальной промышленности. Раскол партии права произошел в 1895 г.

Но за год до этого, в 1894 г., правашам и "независимцам" с трудом удалось договориться об общей программе. Ее текст заслуживает внимания:

I. Хорватская объединенная оппозиция, считая своей основой государственное право и принцип национальности, всеми законными средствами будет добиваться, чтобы хорватский народ, населяющий Хорватию, Славонию и Далмацию, Риеку с округом и Меджумурье, Боснию, Герцеговину и Истрию, объединить в единое самостоятельное государственное образование в пределах габсбургской монархии, и будет всеми силами поддерживать стремление братьев присоединить словенские земли к этому государственному образованию.

II. Объединенная оппозиция будет добиваться обустройства королевства Хорватии как правового государства, конституционного и свободного, с тем, чтобы народ посредством своих представителей в соответствии с принципами парламентского строя осуществлял в хорватском саборе законодательную власть во всех сферах государственной жизни в согласии с короной.

Во главе парламентского правительства находится бан королевства Хорватии¹.

¹ Обойдено указание о порядке назначения бана.

III. Общие дела всей монархии, основанные на Прагматической санкции², Королевство Хорватия будет решать равноправно Королевству Венгрии с остальными странами Его Величества³.

IV. Вообще [оппозиция] будет добиваться, чтобы конституция, свобода и законная независимость Королевства Хорватии были осуществлены и обеспечены всеми законными гарантиями, особенно либеральным избирательным законом, правом объединений и собраний, свободой совести, слова и печати" (цит. по [12]).

А. Старчевич поддержал программу. Он впервые признал "пределы габсбургской монархии" как рамки своей деятельности, что многими историками рассматривалось как измена собственному делу, совершенная умственно ослабевшим сенильным Старчевичем. Однако обращает на себя внимание либерально-демократическая направленность программы и сохранение требования национальной власти "во всех сферах государственной жизни". При всем том, король-император сохранил бы решающую роль в законодательстве и, главное, реальной возможности осуществления программы "в пределах монархии" не было.

Программа 1894 г. свидетельствовала об исчезновении прежней социальной основы старчевичанства. Его место заняли растущие группировки национальной буржуазии (о чем упоминалось выше). Поэтому "истинному" или "чистому" старчевичанству 50–80-х годов (направленному одновременно и против австро-венгерской власти, и против сербского национального движения) не осталось места (проавстрийская группировка правашей – партия Й. Франка – взяла себе именно это название "чистая" или "истинная" партия права). Оппозиционная Австрии часть правашей медленно поворачивала к "признанию" сербов и политическому сближению с ними. Экономические интересы хорватской буржуазии, в конце XIX – начале XX в. ставшей заметной силой, уже не допускали борьбы против Австрии, и против сербского национализма одновременно (как это проповедовал А. Старчевич в 60–80-х годах XIX в.). Надо было выбирать что-то одно, и Старчевич, по-видимому, посчитал сербский национализм более опасным противником. "Первоначальное", "подлинное", "истинное" старчевичанство исчезло, а вскоре, в 1896 г., скончался и его создатель.

В литературе встречаются утверждения, что отказываясь от своего этнонима ради единения южных славян, хорваты-югослависты "приносили жертву". По нашему мнению, акции "иллиров" в 30–40-х годах XIX в., югославистов в Хорватии–Славонии, а также "словинцев" в Далмации в 60-х годах XIX в. (наконец, в начале XX в. "хорвато-сербской коалиции") были противоречивы: имели место и поиск выгоды для своей нации, и (объективно) жертвы. Когда выяснялось, что последняя тенденция перевешивает, движение возвращалось в "нормальное" русло. Прокламмирование югославистами национальной общности хорватов и сербов означало, что между ними якобы нет противоречий, и открывается путь к сотрудничеству (и, возможно, политическому объединению).

Этих маневров не знало классическое старчевичанство (до 90-х годов XIX в.). Тем самым оно лишало хорватов важного временного союзника в разных конкретных ситуациях, но зато сохраняло ясную конечную цель.

Идейное наследие Э. Кватерника и А. Старчевича в основном заключалось в стремлении создать суверенное Хорватское государство. Что и осуществилось в 1991 г.⁴.

² Хорватская прагматическая санкция 1712 г. – решение сабора о признании права наследования престола Хорватии по женской линии династии Габсбургов. Карл III не утвердил этот документ, но согласился с мнением сабора, что Хорватию с Венгрией связывает только личная уния. Однако в 1722/23 гг. Венгрия добилась признания двором нераздельности земель венгерской короны (т.е. включая Хорватию). В XIX в. партия права ссылалась на документ 1712 г. как основу государственного права Хорватии. В 1918 г. сабор разорвал связь с Венгрией и Габсбургами.

³ Текст статьи сформулирован туманно в связи со скрытыми разногласиями авторов. Его можно толковать как стремление к равноправию с Венгрией в рамках дуализма и как программу триализма.

⁴ Наиболее полное изложение истории старчевичанства см. [13; 14].

ВЕЛИКАЯ ХОРВАТСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕОЛОГИЯ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В конце XIX – начале XX в. происходит оформление и национально-государственной идеологии хорватского национал-радикализма, в которой, по сравнению с временами А. Старчевича происходят существенные изменения. Во все большей мере она утрачивает свой демократический характер и становится, с одной стороны, опорой великоавстрийской политики в Хорватии, с другой – выражением крайнего хорватского этнического национализма, прежде всего по отношению к сербам. Для этого течения, в особенности, той его части, которая возглавлялась Й. Франком, была характерна тенденция к политическому сотрудничеству с клерикалами и к отождествлению в сознании понятий "хорват" и "католик".

Отношение к Риекской и Задарской резолюциям стали своеобразной "лакмусовой бумажкой" для определения сути позиции многих хорватских политиков. Эти документы далеко не у всех вызвали одобрение как в самой Хорватии, так и за ее пределами. С резкой критикой декларированных принципов выступили сторонники моноэтнического варианта самоопределения – национал-радикалы из Истинной партии права Й. Франка и Хорватской крестьянской партии братьев А. и Ст. Радичей. Скептически отнеслись к ним и сербские радикалы в Хорватии [15].

Выходившая в Сплите газета "Sloboda" в статье «"Новый курс" и славянство» писала, что среди западных славян, в особенности – у словенцев (так в тексте. – С.Р.) и поляков, распространено критическое отношение к новому варианту югославизма – "новому курсу". Они оценивали его как ""убийственную" или даже "предательскую" с точки зрения "славянской солидарности" политику. Отвечая на эти упреки, газета писала, что вряд ли справедливо требовать от хорватов национального самоубийства во имя свободы "братьев-славян". С таким же успехом, писал автор, можно было бы требовать от Сербии, Черногории и Болгарии отказа от независимости и присоединения к монархии Габсбургов, для того чтобы "увеличить численность славянского населения" [16].

Позиция Хорватско-сербской коалиции вызывала резко негативную оценку хорватских национал-радикалов, прежде всего Й. Франка и его партии. Фундаментальным принципом своей деятельности она считала Хорватскую прагматическую санкцию 1712 г., провозглашавшую нерасторжимость наследственных земель австрийской короны. Исходя из этого, партия считала своей главной задачей "завоевание государственной самостоятельности" Хорватией, понимая под этим "право принимать самостоятельные решения о наших (т.е. хорватских) делах и принимать законы". Й. Франк и его единомышленники считали, что "в Габсбургской монархии должно существовать королевство, но в качестве самостоятельного государства" [17. S. 8–9].

Идеологи партии отрицали само существование сербов на территории Хорватии как этнической и религиозной общности. Политически они ориентировались на Вену, а во внешней политике, разочаровавшись в политике России и Франции в XIX в. не принесшей хорватам национального освобождения, стали возлагать надежды на Германию. Вот что писал один из известных представителей этой ориентации И. Кршняви в своем дневнике: "У нас один и тот же язык, но сербов и хорватов разделяют глубокие культурные и политические отличия". По его мнению, они восходят к тому культурному расколу Востока и Запада, который "разделил римскую

империю и христианскую церковь", к противостоянию "государственной идее Габсбургов, с одной стороны, и сербов – с другой" [18].

Радикальные сторонники моноэтнического хорватского государства из Хорватской партии права во главе с Й. Франком – возглавившим ее после смерти основателя А. Старчевича, записали в своей программе (1907), что они выступают за присоединение к Хорватии "всех земель, на которых проживает хорватская нация и которые составляли некогда хорватское королевство". При этом они отвергали требование сербского национального движения о предоставлении сербам политического равноправия на территории автономной Хорватии, ибо "государственная власть должна принадлежать во всех землях исключительно хорватской нации и никому иному" [17. S. 4, 34].

Признание же равноправия сербов, по мнению сторонников Й. Франка, привело бы к образованию на территории Хорватии "государства в государстве". В поисках обретения хорватами государственности партия выступала за поиски поддержки со стороны Австрии и за ориентацию хорватского национального движения на Германию, в отличие от ориентации на Россию и Францию Ф. Старчевича, поскольку с их помощью хорватам так ничего добиться не удалось.

Положение программы партии о хорватской нации как о единственном носителе хорватской государственности, было направлено не только против идеи "единого мадьярского государства", определявшей политику венгерской оппозиции, пришедшей к власти в Будапеште в 1905–1906 гг., но и против сербского национального движения, требовавшего признания сербской национальной индивидуальности [17. S. 33–35; 18].

"Франковцы" считали, что признание существования сербской нации в Хорватии и самих сербов означало бы "признание в Хорватии сербской короны" и "уничтожение хорватской нации и хорватского королевства". Одной из центральных задач, стоявших перед хорватской нацией, партия Й. Франка считала политическое объединение хорватских этнических территорий, т.е. земель, которые по хорватскому государственному праву должны "составлять одно государство". В число этих земель они включали Далмацию, Риеку, Боснию и Герцеговину, Славонию, Крайну, Истрию, Штирию, Каринтию. Осуществление планов "франковцев" означало бы создание моноэтнического государства на территориях, населенных не только совместно хорватами, сербами и особой этнической общностью – босняками-мусульманами, но и словенцами.

В 1908 г. в партии Й. Франка произошел раскол. Разногласия, приведшие к конфликту, накапливались с 1906 г. и заключались в различной оценке общей ситуации в Хорватии и Австро-Венгрии. Если "франковцы" выступали за сотрудничество с абсолютистским режимом бана П. Рауха, установленным в Хорватии в 1908–1909 гг., против Хорватско-сербской коалиции (ХСК), то "милиновцы" – так называли членов этой партии по имени ее главы Миле Старчевича – племянника А. Старчевича, – видели в ХСК союзника в борьбе за устранение режима П. Рауха и занимали более умеренную, хотя также достаточно радикальную позицию, по отношению к сербам.

М. Старчевич в программе своей партии (1909) провозгласил возврат к учению А. Старчевича. Самым важным в этом было его признание теоретической возможности решения хорватского вопроса вне границ монархии, что отрицалось Й. Франком. Кроме того, в программе партии содержался более широкий список областей, которые в соответствии с хорватским историческим и естественным правом должны войти в состав будущего политического образования. К областям, перечисленным в программе хорватской оппозиции 1894 г. и в 1907 г. в программе "франковцев", были добавлены Жумберак, Мариндол и Кварнерские острова [13; 20].

Существенно был изменен смысл второго параграфа документа 1894 г. Употреблявшийся ранее термин "корона" был заменен на термин "король", что подчеркивало отрицательное отношение партии к единому акту коронования и политическому единству Хорватии и Венгрии. По сути дела программа "милиновцев" была

программой переустройства монархии Габсбургов на основах триализма (превращения Хорватии-Славонии и объединенных с ними хорватских земель в третью государственную границу в монархии, по своему статусу равную Австрии и Венгрии. Главной целью своей партии М. Старчевич считал разрыв всякой особой государственно-правовой общности Хорватии с Венгрией.

Противоречивы были взгляды М. Старчевича и его партии по сербскому вопросу. С одной стороны, он осуждал антисербскую агитацию Й. Франка, исходившую из отрицания существования в Хорватии сербского народа. Он видел в сербах союзников в борьбе с режимом П. Рауха. С другой стороны, будучи наследниками А. Старчевича, "милиновцы" не признавали за сербами права на участие в осуществлении государственной власти в Хорватии.

Хорватскую Народную крестьянскую партию братьев А. и Ст. Радичей (ХНКП) также можно скорее отнести к хорватскому радикальному лагерю, в особенности после аннексии Боснии и Герцеговины. Ее создатели и идеологи разделяли общий тезис о том, что нация является обладателем "верховой власти или суверенитета в государстве", под которым подразумевалась "свое отечество (территория) со своим правительством" [21. S. 40]. По своему отношению к целостности монархии Габсбургов партия была близка к позициям Й. Франка. "Естественно, что наш правитель, который является одновременно и австрийским императором, правит иначе, нежели правитель, обретший свою силу и честь от того, что он является хорватским королем", – писал А. Радич. Вместе с тем, братья Радичи выступали за превращение монархии в союз национальных областей, за ее федерализацию и установление персональной национально-культурной автономии, при которой в "национальный сбор выбирались бы лица, относящиеся к данной нации на всей территории империи" [21. S. 19].

В программе 1905 г. ХНКП провозгласила хорватов и сербов "одной нацией", которой следует найти согласие в политике, особенно в местах совместного проживания. Но постепенно в "сербском вопросе" партия переходила на более радикальные позиции. В 1909 г. из уст ее руководителей уже звучала критика тех, что "признает, что сербы имеют одинаковое право с хорватами управлять Хорватией". Отказывая сербам в праве на политическую индивидуальность, Радичи ссылались на теорию "одной нации" [21. S. 18, 27–36; 22]. Это, однако, не мешало по-прежнему называть сербов "братьями".

С. Радич выступал за сотрудничество исключительно между славянскими народами, исходя из того, что они составляют большинство населения монархии Габсбургов. Он выделял славян из конгломерата народов Средней Европы, каждому из которых он хотел предоставить экстерриториальную политическую и культурную автономию.

Позиция "франковцев" вызывала однотипный ответ и с сербской стороны. Среди сербов монархии Габсбургов носителем идей радикализма была Сербская национальная радикальная партия. Она, признавая общность судеб народов, населявших монархию, считала, что ее государственное единство должно быть сохранено. В вопросе о присоединении Далмации к Хорватии и Славонии, что означало бы воссоединение в границах государства Габсбургов не только сербских, но и хорватских этнических территорий, радикалы занимали двойственную позицию. С одной стороны, исходя из факта этнического родства всего сербского населения и необходимости его политического объединения – партия выступала за воссоединение. С другой стороны, из "политических принципов" она выступала против объединения до тех пор, пока хорватами не будет признано равноправие сербов с хорватами и "не изменится нынешняя политическая система" [23].

Хорватский национальный радикализм в начале XX в. претерпел существенные изменения. Если А. Старчевич и его последователи не исключали вооруженной борьбы против Австрии за создание независимого государства, то Й. Франк, М. Старчевич и С. Радич в своей оппозиции сербскому и венгерскому национальным

движениям именно в Австрии, частично даже в великоавстрийских кругах, искали поддержку в осуществлении своих планов ("Великой Хорватии" в "Великой Австрии" у Й. Франка, в меньшей степени – М. Старчевича; федерализации государства у братьев Радичей). При этом сохранилось и даже усилилось их негативное отношение к сербскому национальному движению (отрицание права сербов в Хорватии на собственное национально-политическое самоопределение). Однако от революционных методов борьбы за осуществление своих целей сторонники великохорватской идеологии в начале XX в. уже практически отказались.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Palavršić A., Zelić B.* Korespondencija M. Pavlinovića. Split, 1962. S. 113.
2. *La Croatie et la Confédération Italienne.* Paris, 1859.
3. *Kvaternik E.* Politička razmatranja na razkrižju hrvatskoga naroda. Zagreb, 1961.
4. *Starčević A.* Predstavke županije Riječke // *Starčević A.* Politički spisi. Zagreb, 1971. S. 78–102.
5. *Hérvatska.*
6. *Starčević A.* Djela. Zagreb, 1893–1896. I–III. Knj. III. (1868 г.).
7. *Starčević A.* Bi-li slavstvu ili ka hrvatstvu? Zagreb, 1867. S. 41.
8. *Kvaternik E.* Rieč u zgodno vrieme. Zagreb, 1870. S. 30.
9. *Starčević A.* Izabrani spisi. Zagreb, 1943. S. 189–190.
10. *Фрейдзон В.И.* К истории боснийско-мусульманского этноса // Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 1981; *Вяземская Е.К.* Босния и Герцеговина: между Западом и Востоком // На путях к Югославии: за и против. М., 1997.
11. Млада србадија (Нови Сад), 1871. 10 VIII.
12. *Horvat J.* Politička povijest Hrvatske [I]. Zagreb, 1936. S. 306–307.
13. *Gross M.* Povijest pravaške ideologije. Zagreb, 1973.
14. *Gross M.* Počeci moderne Hrvatske. Zagreb; Ljubljana, 1985. S. 381–391.
15. *Ibler J.* Hrvatska politika. 1904–1906. Zagreb, 1914/1917. S. 374–383; *Radić A.* Hrvati i magjari ili "Riječka rezolucija" od 3.X.1905. s gledišta evropske, pučke i realne politike // *Radić A.* Sabrana djela. Zagreb, 1936. Sv. VII.
16. Нови Србобран. Загреб, 1905. 4/17 нов. Бр. 236.
17. *Starčevićeva hrvatska stranka prava.* Zagreb, 1907. S. 8–9.
18. *Krsnjavi I.* Zapisci. Zagreb, 1986. Т. II. S. 504, 581–583.
19. *Исламов Т.М.* Политическая борьба в Венгрии накануне первой мировой войны. М., 1972; *История Венгрии.* М., 1972. Т. II. С. 259–280, 332–342, 403–482.
20. Књижница у којој у главном садржано све, што треба да сваки Хрват знаде о једној правој Старчевичанској странци. Zagreb, 1909; *Романенко С.А.* Проблема национальной государственности в программах политических партий Хорватии-Славонии и Воеводины в конце XIX – начале XX века // Балканы в конце XIX – начале XX века. М., 1991.
21. *Radić A.* Sabrana djela. Zagreb, 1936. Sv. VII.
22. *Фрейдзон В.И.* Судьбы крестьянства в общественной мысли Хорватии XIX – начала XX в. М., 1993.
23. Књижица за чланове српске народне радикалне странке (са програмом и правилником о организацији). У Новоме Саду, 1907. С. 5–7, 15.



© 1998 г. МИЛЛЕР А.И.

УКРАИНОФИЛЬСТВО

В докладе шефа жандармов А.Ф. Орлова Николаю I о расследовании дела Кирилло-Мефодиевского общества говорится: "В Киеве же и Малороссии славянофильство превращается в украинофильство. Там молодые люди с идеею соединения славян соединяют мысли о восстановлении языка, литературы и нравов Малороссии, доходя даже до мечтаний о возвращении времен прежней вольницы и гетманщины" [1] Похоже, понятие "украинофильство", скроенное по образцу уже ставшего к тому времени привычным "славянофильства", возникло именно в связи с киевским делом 1847 г. Впоследствии оно использовалось для обозначения весьма разнородных, хотя и взаимосвязанных тенденций, для которых общим был интерес к языку, культуре и истории Украины¹.

Идеи "малороссийского особничества", память о правах и вольностях периода автономии Гетманата сохранялись в среде малороссийского дворянства и в XIX в. Наиболее известным литературным памятником этих настроений стала "История Русов", напечатанная в 1846 г., а до того четверть века широко ходившая на Украине в списках [3]. К концу XVIII – началу XIX в. относятся и первые опыты художественной литературы на украинском языке И. Котляревского. Наследие этого периода стало впоследствии важным ресурсом для развития современного (то есть характерного для нового времени) украинского национализма, что получило символическое признание в 1903 г., когда первым памятником деятелю украинской культуры стал памятник Котляревскому в Полтаве.

Новый импульс и новое качество этим настроениям придала эпоха романтизма с ее интересом к национальной проблематике и к народной культуре вообще, и к идеям славянского возрождения и славянской общности в частности. Вплоть до 50-х годов XIX в. украинофильство развивалось, как верно заметил Орлов, в тесной связи с разным рода славянофильскими и панславистскими идеями.

Первыми собирателями украинского народного творчества и авторами этнографических трудов в этой области были кн. Н.А. Цертелев и М.А. Максимович. Свой вклад внесли также И.И. Срезневский, О.М. Бодянский (издавший "Историю Русов"), З. Доленга-Ходаковский, А.Л. Метлинский и П.А. Лукашевич². Украинофильство

Миллер Алексей Ильич – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

¹ Термин очень скоро утратил негативную окраску, так что сами украинофилы от Костомарова до Грушевского (см. [2]) пользовались им без оговорок.

² "Опыт собрания старинных малороссийских песней" Цертелева вышел в СПб. в 1819 г., а "Малороссийские песни, изданные М. Максимовичем" в Москве в 1827 г. Подробно о Цертелеве, Максимовиче, других упомянутых в статье этнографах, и вообще об этнографической составляющей украинофильства см. в работе А.Н. Пыпина [4], имея в виду, что его анализ политического аспекта явления устарел.

этого раннего периода не избежало типичного для таких движений греха – среди изданных Срезневским запорожских дум было немало подделок. (Этот случай – не единственный.)

Далеко не всех, кто занимался в то время украинской этнографией, можно по современной классификации отнести к украинцам (по тогдашнему – русинам или малороссам). Вообще украинофильство представляет собой интереснейший предмет для изучения проблемы идейных влияний, поскольку развивалось оно в поле острого русско-польского политического, культурного, а позднее и экономического соперничества за влияние на пространство пограничья, которое поляки именовали восточными кресами Речи Посполитой, а русские – юго-западным краем Российской империи.

Но и украинцы из числа деятелей этого поколения в строгом смысле слова националистами не были, и не стали ими даже в последующие десятилетия³. Так, например, малороссийский патриотизм Максимовича не стоял в непримиримом конфликте с его общероссийской идентичностью. До конца жизни он не ставил под сомнение единство Южной и Северной Руси, даже в отдаленной перспективе. Он просто не мыслил националистическими категориями. Объясняя в своей полемике с Погодиным в середине 50-х годов⁴, почему заведомо любит Киев больше Погодина, Максимович ссылается на то, что "питая к нему любовь общерусскую, и ближайшую к нему любовь – малороссийскую, – я люблю его еще как *родину моего рода*", оперируя ценностями потомственного дворянина [5. С. 85].

Однако, уже в 30-е годы к сугубо культурным и научным мотивам украинофильства постепенно присоединяются политические. Раньше всего это проявилось в польской среде. Интерес к Украине польских идеологов, особенно из числа эмигрантов, прежде всего был связан с поиском потенциальных союзников для борьбы с Российской империей после поражения восстания 1830–1831 гг. И. Лысяк-Рудницкий, автор биографических очерков трех видных идеологов польского украинофильства, начавших свою деятельность в конце 30-х – начале 40-х годов – Ипполита (Владимира) Терлецкого, Михала Чайковского и Франтишека Духиньского – отмечает: "Поляки украинофилы и украинцы польского происхождения (граница между этими категориями была очень зыбкой) внесли существенный вклад в создание новой Украины... Их влияние помогло украинскому возрождению преодолеть уровень аполитичного культурного регионализма и усилило его антироссийскую боевитость" [6]. Об еще одном польском украинофиле того времени, также уроженце Правобережья, Якубе Яворском, писал А.Н. Пыпин [4. С. 262–272].

Другой важный мотив польского украинофильства это миф кресов как потерянного рая. В XIX в., особенно в первой его половине, вполне можно было быть

³ Оговорюсь, что использую понятие "национализм" как нейтральное, без жесткой негативной коннотации. В данном случае важно, что национализм утверждает ту или иную национальную идентичность как исключительную.

⁴ Суть спора, проходившего в течение 1856–1857 гг. на страницах славянофильского журнала "Русская Беседа", сводилась к тому, кто (великороссы или малороссы) имеет больше прав на наследие Киевской Руси. Максимович начал полемику "Филологическими письмами" к Погодину, возражая против его теории, согласно которой население Киевской Руси до татарского нашествия было великорусским, а малороссы заняли эту территорию лишь в XIV–XV вв. после ухода великоруссов на север. Подчеркивая малороссийский характер культуры Киевской Руси, Максимович оговаривался, что "малороссийское и великороссийское наречие, или, говоря полнее и точнее, южнорусский и севернорусский языки – родные братья, сыновья одной русской речи, ...должны быть непременно вместе, в одной системе". И далее, говоря о языке, Максимович дает вполне систематическое изложение концепции "большой" русской общности: "Великороссийское наречие состоит в ближайшем сродстве с белорусским, и составляют они одну речь, или язык севернорусский, который, вместе с южнорусским языком или речью (состоящую в двух главных наречиях – малороссийском и червонорусском), образует одну великую речь восточнославянскую или русскую" [5. С. 87]. В ответ Погодин обвинил своего старого приятеля (весь спор проходил в достаточно благожелательной атмосфере, и полемисты обращались друг к другу на "ты") в "жаре местного пристрастия". Характерно, что Погодин возражал против объявления "Малороссийским того, что принадлежит нам (т.е. Великоруссам) искони". Тем самым он, сознательно или нет, признавал саму возможность такого дележа и отрицал, по сути, концепцию безусловного единства "трех русских племен".

польским националистом и украинофилом одновременно. Украинофильство в этом случае выступало как любовь к краю, являющемуся частью Речи Посполитой. Украинская специфика в этом случае трактовалась либо просто как региональная, либо как этническая, но не исключающая Украину из польского мира. Самым знаменитым и по-своему типичным поэтом польского украинофильства был Тимко (Фома) Падур, исполнявший козацкие думы собственного сочинения на сомнительного качества украинском или, как тогда говорили, русинском, языке при дворах богатейших магнатов Правобережья (см. о нем [4. С. 252–258]). Мода на украинскую, а точнее, козацкую специфику выражалась и в том, что эти магнаты зачастую содержали собственную стражу из козаков.

Позднее, с конца 50-х годов XIX в., в польском украинофильстве возникает новое явление, получившее среди шляхты презрительное прозвище хлопоманства. Проникнувшая народническими настроениями часть польской молодежи, главным образом студенты Киевского университета, приходила к отрицанию характерного для мифа кресов пасторального образа отношений польской шляхты с украинским крестьянством. Хлопоманство могло выражаться в достаточно поверхностных вещах, как демонстративное ношение крестьянской одежды, но могло, часто через интерес к украинским корням у потомков полонизированных семей украинского дворянства, закончиться отказом от польскости, олицетворенной шляхетством, и сменой идентичности на украинскую⁵. Наиболее известный, но далеко не единственный, пример такого рода – выдающийся историк и деятель украинского национального движения 60–80-х годов. Владимир Антонович. Замечу, что и в предыдущем поколении украинофильские увлечения нередко вели если не к смене идентичности, то к ее двойственности – надпись на могиле Духиньского сделана по-украински, а Терлецкий и вовсе закончил свои дни православным иерархом.

В России первой половины XIX в. украинская тематика также вызывала интерес и симпатию (см. [7]). В истории и характерах Южной Руси искали те романтические краски и мотивы, которых не хватало в истории Руси Московской. Есть и примеры смены русской идентичности на украинскую (Н. Костомаров). Но в целом для русской культуры украинская тема далеко не играла той роли, что миф кресов для польской, и феномена русского украинофильства, сколько-нибудь сопоставимого с польским, не было.

Обратимся теперь к собственно украинскому украинофильству. В 30-е годы XIX в. центром развития романтического украинофильства был Харьков с его университетом (см. [8]). Однако, по замечанию Грушевского, «рядом с "настоящею" великорусскою культурою, к которой серьезно относилось не только правительство, но и местное общество, это украинское течение выглядит мелким провинциализмом, забавою или капризом этнографов и антиквариев» [2. С. 348]. Возникновение в 40-е годы политических мотивов среди украинской молодежи уже больше связано с Киевом и его новым университетом св. Владимира.

В стихах середины 40-х годов XIX в. Т. Шевченко впервые с огромной эмоциональной силой сформулировал идею "миллениарного" воскрешения Украины, ее особой будущности и оказал решающее воздействие на идейное развитие участников Кирилло-Мефодиевского общества (см. [9]). Члены общества – Н. Костомаров, П. Кулиш, В. Белозерский – стали, наряду с Шевченко, тем поколением, которое превратило украинофильство в националистическую идеологию [10]. Если воспользоваться понятийным аппаратом М. Гроха, который предложил периодизацию национальных движений такого типа, создание общества стало первой попыткой украинофильства перейти от стадии А (научный интерес группы национальных активистов к

⁵ Нужно иметь в виду, что после восстания 1830 г., в ходе верификации дворянского происхождения шляхты значительная часть околичной шляхты Юго-западного края, стремясь завоевать расположение властей и подтвердить свой сомнительный дворянский статус, отказалась от польскости в пользу православной и русской идентичности. Таким образом, отказ от польскости мог иметь разные последствия, будучи обусловлен принципиально различными социальными идеями и национальными ориентациями.

украинской специфике) к фазе *В* (формулирование политических задач, создание организационных структур и широкая пропаганда этих идей) [11]⁶.

Это новое, в значительной мере уже разночинское, и во всяком случае вполне народническое по убеждениям поколение украинофилов не сменило в строгом смысле слова прежнее поколение, носителей традиционного регионального патриотизма, но жило и действовало бок о бок с ним. Взаимоотношения этих двух поколений до сих пор изучены плохо. Между тем "старые" украинофилы часто оказывали новому поколению существенную поддержку.

В творчестве членов киевского общества, в особенности у Н. Костомарова, очевидно влияние польского романтизма, прежде всего А. Мицкевича. Заимствовались форма и стиль, заимствовались некоторые идеи, но при этом антипольские настроения в украинском украинофильстве были весьма сильны. (Позднее, в 60–70-е годы, украинские активисты часто специально подчеркивали свою антипольскость как своего рода свидетельство благонадежности в глазах русского общественного мнения, враждебно настроенного к полякам).

Разгромив едва возникшее Кирилло-Мефодиевское общество, власти обошлись с его участниками (за исключением Шевченко) по меркам николаевского времени довольно мягко. Их идеи были истолкованы как отголоски регионального сепаратизма традиционных элит, а не как рождение современного национализма⁷.

Общая либерализация начала царствования Александра II отразилась и на судьбе участников общества. Они были прощены и возвращены из ссылки. Был снят и запрет на печатание их произведений. Центром развития украинофильства в начале 60-х годов стал Петербург, о котором Кулиш так писал В.П. Маслову 7 декабря 1861 г.: "Жаль мне, что Вы находитесь так далеко от родины и от Петербурга, который, по множеству проживающих здесь украинцев, заменяет нам отчасти родину" [14]. "Самый факт, что центром украинского движения конца 50-х и начала 60-х годов сделался Петербург – правительственный центр, расположенный в 1500 верстах от украинской территории, показывает, как слабо было еще это движение, как связано с деятельностью немногих единиц", – замечает Грушевский [2. С. 352].

Активность украинофилов была связана прежде всего с организацией в 1861 г. ежемесячного южно-русского литературно-ученого вестника "Основа". Редактором журнала стал В. Белозерский, а наиболее активными сотрудниками его прежние соратники по Кирилло-Мефодиевскому обществу Костомаров и Кулиш. В центре внимания публицистов "Основы" была задача формулирования особой малорусской или украинской идентичности, с типичным для такого националистического дискурса вниманием к вопросу о самостоятельности украинского языка, а также к истории и к проблеме национального характера⁸.

В публицистике "Основы" язык стал приобретать универсальное, сакральное значение. Возможность выразить региональную специфику в художественной литературе, возможность быстрее и легче научить крестьян читать и сообщить им важные правительственные решения – все эти функциональные аспекты, которые на тот момент властями не преследовались⁹ – отступали на второй план. Главной становилась идентификационная, символическая, национально-репрезентативная роль языка. Все те функции, которые украинский выполнял до сих пор, рассматривались теперь как начальные шаги к полной языковой эмансипации, и "Основа" прямо писала об этом. "Неужто, в самом деле, русский язык имеет монополию быть органом науки, проводником образованности?" – восклицал П. Житецкий, и продолжал: "Великорус-

⁶ О концепции М. Гроха см. [12].

⁷ Подробнее о политике властей в отношении украинофильства в этот период см. [13].

⁸ О характерных чертах таких движений см. [15].

⁹ В 1861 г. в Петербурге и Москве можно было свободно купить шесть (!) украинских букварей разных авторов: П. Кулиша, Т. Шевченко, Л. Яценко, Н. Гацука, И. Деркача и К. Шейковского. Были и разошедшиеся к тому времени издания, например, М. Максимовича (см. [16. № 1. С. 108]). Особое значение имела "Грамматка" Кулиша, заложившая основы современного украинского правописания.

ский язык – и народный и литературный, не есть ближайший и прямой орган малоруссов" [16. № 2. С. 8, 14–15]. Костомаров соглашался, что «смешно было бы, если кто-нибудь перевел на южно-русский язык "Космос" Гумбольдта или "Римскую империю" Момзена», добавляя, что "для такого рода сочинений *еще не пришло время* (выделено мной. – А.М.)" [16. № 4. С. 2]. Главными практическими шагами украинофилов в языковом вопросе стали объявленный в 1862 г. Костомаровым сбор пожертвований на издание украинских учебников для народа и кампания за признание украинского языком преподавания в начальных школах.

Практически каждый номер "Основы" открывался произведениями Шевченко, которого украинофилы считали своим духовным отцом. Похороны поэта в 1861 г. стали в Киеве манифестацией украинофильства. Его могила вполне сознательно была превращена в символическое, священное место для нарождающейся нации. В последующие десятилетия поездки в Канев приобрели для украинофилов характер паломничества.

Проблема особой, исключаяющей множественную лояльность, украинской идентичности наиболее жестко была поставлена в статьях Костомарова "Правда москвичам о Руси", "Правда полякам о Руси" и других, где он подчеркивал особенность украинцев в сравнении и с великоруссами, и с поляками [16. 1861. № 1, 3, 10]. Фактически статьи Костомарова в "Основе" стали развернутым, хотя в политическом отношении существенно сглаженным изложением той концепции, которая в сжатом виде была им представлена уже в начале 1860 г. в статье "Украина", анонимно опубликованной в "Колоколе" Герцена. "В будущем славянском союзе... наша Южная Русь должна составить отдельное, гражданское целое на всем пространстве, где народ говорит южнорусским языком", – писал Костомаров. Завершалась статья так: "Пусть же ни великороссы, ни поляки не называют *своими* земли, заселенные нашим народом" [17]. (В конечном счете, как верно заметил Р. Шпорлюк, формирование украинской нации и украинского образа идеального отечества было "расформированием", отрицанием обеих соревновавшихся друг с другом польской и русской версий идеальных отечеств [18].)

Публицистика "Основы" имела мощный пропагандистский эффект, на который и была рассчитана. Вот что говорит неизвестный украинский автор в письме от ноября 1861 г., перелюстрированном жандармами: "безошибочно можно сказать, что большая часть молодого поколения заражена украинофильством; за что, конечно, нужно благодарить "Основу" [19. Секретный Архив. Ф. 109. Оп. 1. Ед.хр. 1765. Л. 1–1 об.]. Но побочный, незапланированный эффект был не менее сильным. Выходящая в Петербурге "Основа" достаточно внимательно читалась в русском обществе, которое постепенно, во многом благодаря журналу, начало осознавать действительные цели украинофильского движения.

Первая реакция петербургской и московской прессы на появление "Основы" была вполне благожелательной, так что редакция в объявлении о журнале на 1862 г. даже выражала благодарность "образованнейшим великоруссам за трогательное... доброжелательство" [16. 1861. № 11–12. С. 76]. Однако с течением времени, начиная с 1862 г., пресса, особенно московская и киевская, все отчетливее демонстрирует неприятие украинофильства и враждебность ему. Этим особенно отличались издания Каткова и "Вестник юго-западной России" Говорского. В 1863 г. Катков "пристегнул" украинофильство к созданной им концепции "польской интриги", объявив Костомарова пособником польских бунтовщиков [20]. Менее жесткую, но все равно неприязненную позицию занял "День" Аксакова. Украинский национализм вступал в непримиримое противоречие с русским национализмом, основанном в то время на образе триединой русской нации, включавшей как великороссов, так и малоруссов с белорусами.

Параллельно в недрах бюрократического аппарата развивался процесс расследования активности украинофилов, завершившийся в июле 1863 г. циркуляром министра внутренних дел П. Валуева цензурным комитетам о запрете на публикацию "книг для

народа на малороссийском наречии". Принятие этой инструкции означало, что российские власти выбрали тактику насильственной ассимиляции украинцев по образцу французской политики того времени. Однако силы и средства, доступные для ее осуществления Петербургу, были несравненно меньше тех, которыми располагал Париж, так что эта программа в отношении украинцев была обречена на провал [18; 21].

Новая активизация украинофильства в Российской империи, теперь главным образом в Киеве, приходится на середину 70-х годов. Легальным организационным центром на этот раз стало Киевское отделение Русского Географического общества, конспиративным – киевская Громада, продолжавшая традиции Громады 60-х годов [22].

Вообще бросается в глаза определенная закономерность. В стремлении укрепить русское влияние в Юго-западном крае в противовес польскому, правительство создавало здесь культурные учреждения, такие как Киевский университет св. Владимира, Комиссия для разбора древних актов, Киевское отделение русского географического общества. Эти учреждения неизменно становились центрами активности украинофилов. В Киевском университете возникло Кирилло-Мефодиевское общество, а позднее – наиболее крупная из Громад. Комиссия для разбора древних актов уже в конце 50-х годов конфликтовала с цензурой, которая вынуждена была напоминать, что "главная цель учреждения ее (комиссии – А.М.) состоит в обнаружении не актов, доказывающих отдельную историческую самобытность Малороссии, а присутствие русского элемента в возвращенных от Польши губерниях" [19. Ф. 772. Оп. 1. Ед.хр. 3210. Л. 13]. Позднее главой комиссии стал В. Антонович, воспитавший целую школу украинских историков, среди которых был и М. Грушевский.

Один из учредителей Киевского отделения Географического общества М. Юзефович, сам малоросс, настойчиво призывал власти в Петербурге вмешаться и пресечь деятельность украинофилов. (Здесь проявилось еще одно неизменное правило – инициаторами и наиболее активными сторонниками административных репрессий против украинофильства и в 1863, и в 1876, и позднее были киевские деятели, среди которых было много уроженцев Украины, оставшихся приверженцами малороссийской и общерусской идентичности. Так, в принятии валуевского циркуляра ключевую роль сыграл Киевский генерал-губернатор Н. Анненков, а в начале XX в. Киевский клуб русских националистов возглавлял полтавский помещик А. Савенко). Усилия Юзефовича при поддержке шефа жандармов А.Л. Потапова завершились принятием специального указа, который Александр II подписал в 1876 г. в г. Эмс. Этот указ распускал Киевское отделение Географического общества, крайне ограничивал возможности публикации на украинском и импорт украинских книг, а также запрещал театральные представления на украинском¹⁰. Из тройки наиболее влиятельных лидеров украинофильства того времени лишь Антоновичу удалось избежать репрессий. П. Чубинский был отправлен в ссылку, а М. Драгоманов под угрозой ареста навсегда уехал из Российской империи.

Особое значение Драгоманова в том, что он впервые среди украинофилов, особенно в своих работах эмигрантского периода, подверг критическому осмыслению народническую, порой даже антимодернизаторскую ориентацию украинофильства. Социализм Драгоманова был модернизаторским, западничеством [24].

Некоторое смягчение цензурных ограничений произошло в начале 80-х годов в результате ходатайств Киевского и Харьковского генерал-губернаторов Черткова и Дондукова-Корсакова. Были разрешены театральные представления на украинском, хотя и при условии, что в тот же вечер труппа будет исполнять и пьесу на русском. Именно в 80-е годы театр становится центром украинофильской активности. В 1882 г.

¹⁰ Не следует, однако, считать, что запрет был тотальным. Даже в худшие годы сразу после принятия Эмского указа около 70% рукописей, представленных в цензуру, было допущено к печати. Об этом свидетельствуют подсчеты автора на основании материалов Главного управления по делам печати [19. Ф. 776. Оп. 11. Ед.хр. 61а], см. также [23].

на русском начал выходить прекрасно редактировавшийся журнал "Киевская старина", отчасти возместивший потерю издательских возможностей закрытого в 1876 г. Киевского отделения географического общества. Деятельность журнала отражала стратегическую установку В. Антоновича на разработку источниковой базы истории Украины, что было, пожалуй, наиболее продуктивной тактикой в условиях цензурных преследований. Большую поддержку журналу, как и другим украинофильским инициативам, оказывал богатый полтавский помещик Г. Галаган, один из наиболее ярких представителей "старого" поколения украинофилов.

Однако центр активности украинофильства в результате гонений петербургских властей начиная с 1870-х годов постепенно смещается в Галицию. Сюда после бегства из России в 1875 г. приехал на некоторое время Драгоманов, а в 1894 г. кафедру всеобщей (в действительности – украинской) истории во Львовском университете по рекомендации Антоновича занял молодой Грушевский.

В Галиции уже с 30-х годов можно наблюдать оживление интереса к украинской проблематике. Были здесь польские украинофилы – собиратели народных песен, такие, как В. Залеский, Жегота (Игнаций) Паули, К.В. Войцицкий и другие, как правило считавшие галицийских русин ветвью польского народа. Но уже тогда галицийские русины настойчиво подчеркивали, что являются отдельным от поляков народом. Наиболее ярко проявилось это в деятельности знаменитой "русской троицы" – М. Шашкевича, Я. Головацкого и И. Вагилевича, студентов Львовского университета. Однако подготовленные ими в 30-е годы альманахи "Зоря" и "Русалка Днестрова" были запрещены цензурой, и только последний удалось выпустить в свет в 1848 г.

В более либеральной по сравнению с империей Романовых монархии Габсбургов национальная активность рано приобретает легальные организационные, в том числе и политические формы. В ходе революции 1848 г. при поддержке австрийского губернатора Галиции Стадиона в противовес активизации польского национального движения были созданы Головна Руська Рада и львовская Матица. С 60-х годов украинский язык используется в семье, в 1868 г. начинает работать общество "Прогресс", а с 1873 г. стараниями главным образом деятелей из российской части Украины Научное общество им. Шевченко (далее – НТШ) (подробнее см. [25]).

В среде галицийских русинов вплоть до начала XX в. шла острая борьба по вопросу об идентичности. Наибольшее влияние имели два течения – так называемые москвофилы, отстаивавшие идею принадлежности галицийских русинов к большой русской нации, и народовцы, считавшие русинов частью особого украинского народа. Влияние ориентации, которая видела будущее русинов в полонизации, к 60-м годам практически сходит на нет. С 70-х годов часть польских политиков, как и австрийские власти, начинают поддерживать народовцев в противовес москвофилам [26].

Институционализация украинской культуры в Галиции сталкивалась с немалыми трудностями. Вообще изначальная реакция поляков и русских – там, где они были в сходной роли доминирующей (поляки в Галиции) или господствующей (русские в Российской империи) группы – на борьбу украинских активистов за права украинского языка была поразительно схожей. Способность русинского или малорусского наречия выполнять функции развитого языка наряду с русским или польским отрицалась, обе стороны предпринимали попытки влиять на процесс формирования языка (поляки, а также австрийские власти – вплоть до введения латиницы¹¹), а украинское движение рассматривалось поляками как плод австрийской и русской, а русскими как орудие польской и австрийской интриги. Но с 80-х годов среди польских политиков в Галиции возобладало мнение, что поддержка украинского движения в его народовской версии отвечает польским интересам.

¹¹ Проект перевода русинской письменности на латиницу, подготовленный А. Голуховским в 1859 г. вызвал знаменитую "азбучную войну", вынудившую австрийские власти приостановить его реализацию. Однако и в Вене эта идея вызывала интерес. О проекте латинизации украинского письма, который был подготовлен с благословения австрийских властей чехом Й. Иречком, занимавшим важный пост в австрийском министерстве просвещения см. [27].

Расцвет активности украинофильства в Галиции связан с деятельностью М. Грушевского и И. Франко. Уже инаугурационная лекция Грушевского в качестве профессора Львовского университета стала развернутой программой его главного труда "История Украины – Руси". Грушевский в течении многих лет был председателем историко-филологической секции, а с 1897 г. и всего НТШ и редактором Записок НТШ. В 1899 г. он организовал крупнейшее в то время украинское издательство "Українсько-руська видавничка спілка".

Особое место в развитии украинофильства принадлежит Грушевскому-историку. И не только потому, что по плодovitости никого из украинских историков сравнить с Грушевским невозможно (см. о Грушевском [28], а также предисловие Ф. Сысина к первому тому новейшего издания истории Грушевского [29]). Он завершил усилия Костомарова и Антоновича по созданию целостной самостоятельной схемы украинской истории в противовес традиционной российской, в которой украинская история была маргинализирована. Наиболее сжатое изложение своей концепции Грушевский дал в известной статье 1903 г. "Традиционная схема русской истории и вопрос рациональной организации истории восточных славян", где он возражал против включения Киевской Руси в историю России, считая это наследие исключительной "собственностью" украинской истории [30].

В 1903 г. Российская Академия наук стараниями А.А. Шахматова и Ф.Е. Корша признала украинский самостоятельным и развитым литературным языком. В годы революционного подъема цензурные ограничения украинских публикаций "явочным порядком" были в значительной мере прорваны¹². Грушевский и другие украинофилы получили возможность печатать свои работы в России, чем и не замедлили воспользоваться. Грушевский опубликовал на русском первый "Очерк истории украинского народа" [2].

В рецензии на главную работу Грушевского "История Украины – Руси" один чешский историк сравнил его роль в украинском национальном движении с ролью Палацко в чешском [32]. То обстоятельство, что "украинский Палацкий" появился лишь в конце XIX в., показывает, что путь украинофильства был трудным – как из-за репрессий властей, так и из-за сложностей с преодолением "малороссийской" ориентации и обретением массовой опоры. Можно даже сказать, что успех украинофильства не был делом заведомо predetermined, о чем свидетельствует, в частности, пример белорусского национального движения. Вообще помещение украинского национального движения в широкий сравнительно-исторический контекст – актуальная научная задача. Только решив ее, мы сможем верно оценить значение для успеха украинского национального движения различных факторов, в том числе роли исторической традиции, особенно Гетманата и казачества; роли традиционных, не до конца ассимилированных элит; специфики украинского крестьянства; роли польско-русского конфликта; разделенности этнической украинской территории между империями Романовых и Габсбургов и вообще международного контекста; особенностей запаздывающего политического и социального развития Российской империи.

Мировая война, революционный подъем и крах империй, в состав которых входили этнически украинские территории, принципиально изменили ситуацию украинского национального движения, ставшего теперь политически организованным и массовым. Украинские политические партии появились в Галиции уже в последнее десятилетие XIX в., а в Российской империи – в начале нашего века. Уже применительно к концу 90-х годов Грушевский отмечал: «Младшие поколения отвернулись от этого "украинофильства", и это имя приобрело в их устах характер отрицательный, как обозначение несерьезного и поверхностного отношения к украинству. Во главу угла своей деятельности они кладут сочетание национального радикализма с социализмом или конституционным демократизмом, "то есть возвращают украинству политический характер". К понятию "национальный радикализм" Грушевский делает примечание, в

¹² Подробнее об украинском движении начала XX в. см. [31].

котором говорит, что «употребляет это выражение взамен "радикального национализма", чтобы не придать ему неблагоприятного оттенка, которое так часто соединяется теперь со словом "национализм"» [33]. Украинофильство в его традиционном виде уходило в историю вместе с тем "длинным девятнадцатым веком", который и был его эпохой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кирило-Мефодіївське Товариство. Київ, 1990. Т. 3. С. 309.
2. Грушевский М. Очерк истории украинского народа. СПб., 1904.
3. История Русов или Малой России. Сочинение Георгия Конисского архиепископа Белорусского // ЧОИДР, № 1–4. М., 1846.
4. Пытин А.Н. История русской этнографии. СПб., 1891. Т. 3. Этнография малорусская.
5. Максимович М. Ответные письма М.П. Погодину. // Русская беседа. 1857. Кн. 2.
6. Лисяк-Рудницький І. Історичні есе. Київ, 1994. Т. 1. С. 221–277.
7. Bushkovich P. The Ukraine in Russian Culture 1790–1860: The Evidence of the Journals // Jahrbucher fur Geschichte Osteuropas 39 (1991) Н. 3. S. 339–363; Saunders D. Ukrainian Impact on Russian Culture 1750–1850. Edmonton, 1985; Kanneler A. Мазепинцы, малороссы, хохлы: украинцы в этнической иерархии Российской империи // Россия – Украина: история взаимоотношений. М., 1997. С. 125–144.
8. Багалея Д.И. Опыт истории Харьковского университета. Харьков, 1893–1904. Т. 1–2.; Шамрай А. Харьковская школа романтиков. Харьков, 1930. Т. 3; Шамрай М. Харьковские поэты 30–40-х годов XIX ст. Харьков, 1930; Ajzensztoł J. Pomantycy Ukrainscy a zagadnienia jedności słowianskiej // Slavia Orientalis. № 3. 1973.
9. Грабович Г. Шевченко як міфотворець. Семантика символів у творчості поета. Київ, 1991.
10. Pelech O. The State and the Ukrainian Triumvirate in the Russian Empire, 1831–1847 // Ukrainian Past, Ukrainian Present. New York, 1993.
11. Hroch M. Social Preconditions of National Revival in Europe. Cambridge, 1985.
12. Бобрович М. Мирослав Грох: формирование наций и национальные движения малых народов // Национализм и формирование наций. Теории – модели – концепции. М., 1994; Kappeler A. The Ukrainians of the Russian Empire, 1860–1914 // Comparative Studies on Governments and Non-Dominant Ethnic Groups in Europe, 1850–1940. Vol. VI; The Formation of National Elites. Dartmouth, 1996. P. 112–113.
13. Миллер А. Осваивая логику национализма. Власти империи и общественное мнение столиц в их отношении к украинскому национальному движению в первые годы царствования Александра II // Русский исторический журнал. 1998. № 2.
14. ОР РНБ. Ф. 418. К. 1. Ед.хр. 15. Л. 1.
15. Anderson B. Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. Verso, London, 1983.
16. Основа. 1862.
17. Колокол. 1860. № 61. С. 499–503.
18. Шпорлюк Р. Украина: от периферии империи к суверенному государству // Украина и Россия: общества и государства. М., 1997. С. 56–60.
19. Российский Государственный Исторический архив (РГИА).
20. Московские ведомости. 1863. 21. VI.
21. Миллер А. Россия и русификация Украины в XIX в. // Россия – Украина: история взаимоотношений. М., 1997; Миллер А. Россия и Украина в XIX и начале XX в. – непредопределенная история // Украина и Россия: общества и государства. М., 1997.
22. Мияковский В. "Киевская Громада" (Из истории украинского общественного движения 60-х годов) // Летопись революции. 1924. № 4.
23. Дорошенко Д. Показчик літератури українською мовою в Росії за 1798–1897 // Науковий ювілейний збірник. Прага, 1925.
24. Драгоманів М. Шевченко, українофіли й соціалізм. Львів, 1906. С. 145.
25. Стеблій Ф.И., Криль М.М. Галицкая матица во Львовѣ // Славянские матицы. XIX век. М., 1996. Т. 1.
26. Himka J.-P. The Construction of Nationality in Galician Rus': Icarian Flights in Almost All

- Directions. Доклад на 3-м конгрессе МАУ, август 1996 г.; *Миллер А.* Внешний фактор в формировании национальной идентичности галицких русинов // Австро-Венгрия: интеграционные процессы и национальная специфика. М., 1997; *Середа О.* Місце Росії в дискусіях щодо національної ідентичності галицьких українців у 1860–1867 роках // Россия–Украина: история взаимоотношений. М., 1997.
27. *Мойсеенко В.* Про одну спробу латинизації українського письма // "Г": незалежний культурологічний часопис. Львів, 1997. № 9. С. 140–147.
28. *Mykhajlo Hruscsev's'kyj*: Biobibliographische Quelle, 1866–1934. Munich, 1984; *Vynar L.* Mykhajlo Hruscsev's'kyj, 1866–1934. Bibliographic Sources. New York, 1985; *Prymak T.M.* Mykhailo Hruschevsky: the Politics of National Culture. Toronto–Buffalo–London, 1987.
29. *Hruschevsky M.* History of Ukraine–Rus. Toronto, 1997.
30. Статті по славяноведенню. СПб., 1904. Т. 1.
31. *Andriewsky O.* The Politics of National Identity: The Ukrainian Question in Russia, 1904–1912. Ph.D. dissertation. Harvard, 1991.
32. *Sborník Véd Právních a Státních*, 1909. № 9. S. 298.
33. *Грушевский М.* Движение политической и общественной украинской мысли в XIX столетии. СПб., 1907. С. 14–15.



© 1998 г. БЕРНАР А.

НЕСКОЛЬКО ОСОБЕННОСТЕЙ ПАНСЛАВИЗМА ВО ФРАНЦИИ

Когда речь идет о панславизме, сначала следует уяснить, кто говорит или пишет о нем, из какой он страны, какому народу или эпохе он принадлежит. Может быть, было бы лучше употреблять множественное число и говорить о "панславизмах", так как эта идея о единстве славян видоизменяется из десятилетия в десятилетие, из страны в страну, и принимает формы, которые наилучшим образом отвечают данному историческому, культурному или политическому моменту того или другого народа.

Несмотря на то, что Франция по своему географическому положению не соприкасается прямо ни с какой славянской страной, идея панславизма получила распространение довольно рано, в XIX в., и в своих разнообразных формах достигла широкого масштаба накануне первой мировой войны. Главную роль в развитии панславизма играет, конечно, Париж как крупный центр французской и европейской культурной и дипломатической деятельности. В столицу Франции стекаются представители политической эмиграции из всех славянских стран. В таком контексте панславизм рождается, так сказать, сам собой, особенно если этому содействует французское правительство.

Считается, что словак Я.Геркель первым употребил слово "панславизм" в 1828 г.; можно легко заметить, что довольно скоро оно неизвестно каким путем перенеслось и во французский словарь. Л. Леже безусловно ошибается, когда утверждает в 1873 г., что "идея панславизма недавно была распространена во Франции русской пропагандой" [1. Р. 297]. Уже в 1832 г. мы встречаем это слово в статье неизвестного автора, который обвиняет царя Николая I в желании объединить под своим жезлом все славянские народы и таким образом старается разрушить Австрийскую империю изнутри [2. Р. 471]. В 1842 г. термин "панславизм" упоминается в труде Г. Вронского "Пролегомены мессианизма" в ином контексте: "Уже семнадцать миллионов австрийских славян недавно выдвинули знамя панславизма...; знамя панславизма ... открыто направлено против России" [3]. Год спустя В. Яблонский употребляет термин "славизм" [4]¹, а в 1846 г. знаменитый "Revue des Deux Mondes" публикует статью под названием "Два панславизма". Автор этой статьи никто иной как С. Робер, который в 1845 г. возглавил после Мицкевича кафедру славянской литературы в престижном Коллеж де Франс [5. 1846. 1 XI]. Анализ работы Робера интересен для этой эпохи: русскому "царскому" панславизму он противопоставляет федеративный

Бернар Антония – профессор, Институт восточных языков и цивилизаций (Париж).

¹ Яблонский отрицательно относился к Франции и намеревается публиковать журнал "Le Slave" на польском, русском, чешском и сербском языках.

панславизм, т.е. сближение всех славянских народов на почве демократических начал. Кроме того, он упоминает и "ученый панславизм" чешских ученых.

Однако идея панславизма как идея о единстве славянских народов во Франции распространилась несомненно благодаря лекциям, которые читал Мицкевич в этом учебном заведении с декабря 1840 г. и которые встретили очень широкий отклик у французской публики. Хотя сам Мицкевич этим термином не пользовался, он первым познакомил французов с идеями Добровичского, Шафарика и других славистов. Польский поэт заключает торжественную вступительную лекцию, в которой говорит о единстве славян, цитируя слова Коллара: "Все народы уже сказали свое последнее слово. Теперь, славяне, пришла наша очередь говорить".

Читая сегодня лекции Мицкевича, можно заметить, что он очень быстро отошел от своего первоначального намерения, т.е. от преподавания "славянской литературы". Это легко объяснимо, так как такой единой литературы никогда не было! Но противоречия встречаются уже в идее славянского единства, которая у самого Коллара принимает разные формы: в поэме "Дочь Славы" речь идет о мистическом и органическом соединении славян, в то время как во "Взаимности" проповедуется лишь практическая лингвистическая и культурная взаимопомощь, прежде всего, австрийских славян. У Мицкевича все чаще речь идет не о славянах, а о поляках, а после встречи с Товьянским его лекции превращаются в проповедь польского мессианизма. Сцены публичного экстаза приводят в конечном итоге к тому, что правительство временно закрывает кафедру.

В сущности уже само наличие польской эмиграции, ставшей массовой в связи с подавлением Россией национально-освободительного движения, говорит о невозможности объединения славян. Эта эмиграция со всей своей политической структурой, центральное место в которой принадлежит князю Адаму Чарторыскому, с идеями, с правдой и мифами о восстании 1831 г., оказывает большое влияние на современников в Париже, во всех слоях общества. Среди друзей и слушателей польского поэта встречаются известные лица из политических и культурных кругов, как, например, Тьер, Гизо, Жорж Санд, Мишле. В исторических работах последнего очень ясно чувствуются идеи Мицкевича, его отрицание всего русского. "Польша – сердце Севера, а не другая – она Азия", – пишет он. Но русофобия, которая восходит к наполеоновским войнам, подпитывается и русскими эмигрантами, которые, конечно же, не могут не критиковать царское самодержавие и сами устои русского общества. С другой стороны, Польша становится для французских католиков, особенно после насильственного включения униатов в лоно русской православной церкви, противовесом православию. Таким образом, Великая Эмиграция как бы захватила не только известные журналы, такие как "Revue des Deux Mondes" или "Journal des Débats", но и католические публикации, такие как "Univers", "Avenir" и др. Ламенне в 1833 г. написал известную "Оду Польше", а Монталамбер подготовил предисловие к французскому переводу "Книги польского народа и польского пилигримства". Итак, поскольку во Франции существует вариант "польского православия", он направлен против России.

Но несмотря на эту польскую волну, которая как будто временно залила Париж, и несмотря на отрицательную книгу Кюстина, опубликованную в 1843 г., Россия все-таки продолжает пленять некоторых французов как своим географическим и политическим весом, так и своей экзотикой. Возможно, она угрожает Европе, но ее присутствие на европейской сцене неоспоримо, с ней надо считаться, и это касается как интересов французов, так и интересов самих славян, не имеющих государственной структуры. Уже Вронский замечает, что несмотря на то, что "панславянское знамя" направлено против России, "только Россия способна объединить славян" [3]. В Париже также появляется книга А. Гуровского "Цивилизация и Россия" [6]², вышедшая в Петербурге на французском языке. Автор утверждает, что латинские и

² Речь идет об адаптации немецкого текста без имени автора "Russland und die Civilisation", вышедшего в 1833 г.

германские народы устарели, что им на смену появится третья, русская цивилизация, "ибо Россия молода и призвана объединить вокруг себя остальные славянские народы, которые отделились от своего источника и которые теперь находятся в упадке". В ту же самую эпоху Э. Шарьер пишет: "Впредь ни для Польши, ни для других, нарождающихся, народностей не может существовать претензий на независимое существование иначе как в проекте славянских народов под верховным руководством России" [7].

Идея о необходимости руководства России славянскими народами живет и среди демократов, и среди романтических последователей Гердера. Известное сочинение "Размышления о философии истории человечества" на французский язык перевел историк и политический деятель Э. Кинэ [8]. М. Кадо даже показал, что Франция в некоторой степени уже ознакомилась с идеологией русских славянофилов благодаря сочинениям Ф. фон Баадера и Г. Мармье [2. Р. 477]. Строго антизападное направление славянофилов тщательно скрывается и Ж. Рором, который в своем "Республиканском миссионере в России" приводит цитаты из сочинений Хомякова о славянах – народе будущего и о Москве – славянском Риме [9]. Итак, можно заметить, что несмотря на преобладание польских взглядов на этот вопрос, в первой половине XIX в. во Франции существуют разнообразные восприятия славянского мира как целого. Добавим только, что информация об остальных славянских народах еще ненадежна и неполна.

Однако интерес к славянскому миру имеет еще другую, менее научную сторону: территории и народы Средней и Восточной Европы предоставляют для Франции и геополитические возможности. Если французские депутаты беспокоятся о "бедных поляках", то они не забывают и более корыстные цели. Так, например, в декрете об открытии кафедры в Коллеж де Франс в 1840 г. определяется, что "крайне важно постигнуть внутреннюю суть этих народов, будущее которых неизменно, но которые не останутся чуждыми нашей судьбе" [2. Р. 477]. Г. Депре среди первых во Франции стремился узнать и другие славянские народы Средней Европы и Балкан и проанализировать "миф панславизма", с которым он столкнулся у словаков в Венгрии [5. 1847. VI]. Но впоследствии, когда Депре стал дипломатом, он написал: "Эти народы представляют для дипломатии способ удержать Россию в ее пределах и при необходимости беспокоить ее и дома" [10]. Таким образом, этот правительственный "панславизм наизнанку" может не только объединить, но и разъединить славян: все зависит от интересов Франции. Легко также понять, что после Крымской войны, в которой погибли более 120 тыс. французов, "русский панславизм" не пользовался хорошей репутацией во Франции. Когда в 1876 г. открывается кафедра русского языка в Институте восточных языков, министр предупреждает профессора, что следует остерегаться преподавания "излишнего панславизма" [11. Р. 47]. Профессор А. Ходзько, поляк из Литвы, который после ухода С. Робера в 1854 г. становится во главе кафедры славянских языков в Коллеж де Франс, проповедует антирусские идеи. В Крымской войне его познания использовались армией [11. Р. 25]. По всем этим причинам и, в первую очередь, благодаря прессе и польской пропаганде общественное мнение в эти годы становится неприкрыто антирусским, а слово "панславизм" – в высшей мере подозрительным. В 1866 г. выходит известная книга А. Мартена "Россия и Европа", в которой автор, следуя так называемой "туранской теории", оспаривает славянское происхождение России и переносит его в Азию, провозглашая лозунг "Европу – европейцам!" [12]. Потребовалось страшное поражение 1871 г., чтобы этот историк в корне изменил свое мнение, и чтобы французское правительство стало смотреть на Россию и других славян как на возможных союзников в борьбе против Германии.

Но помимо этих противоречивых устремлений, которые наблюдаются внутри "французского панславизма" в XIX в., следует напомнить еще о "левом" панславизме, сердце которого представляет Бакунин. Он сам полон противоречий, в которых отражаются противоречия славянского мира. В 1846–1847 гг. Бакунин пишет в Париже

статьи, устраивает публичные беседы, с помощью которых старается объединить русских и поляков для совместной борьбы против самодержавия. Есть основания думать, что его "Воззвание к славянам" было написано на французском языке и затем переведено на немецкий [13]. В то время как С. Робер принимает участие в Праге в славянском конгрессе, на котором все участники подчеркивают свою преданность Австро-Венгрии, Бакуни призывает к уничтожению этой империи [14].

После рокового 1871 г. постепенно рождается то, что можно было бы назвать "французским государственным панславизмом". Он связан с германской угрозой и поисками союзников для противостояния этой угрозе. Развитие славистики всячески поощряется предоставлением стипендий и организацией путешествий. Нельзя оспаривать глубоких познаний крупных французских славистов в истории и культуре славянских народов, а также их искреннего стремления ознакомить с ними Францию. Но в их трудах, книгах, статьях часто встречается более или менее понятный патриотизм или даже "задняя мысль". Уже у Мицкевича мы находим идею о том, что Франция (в лице Наполеона) призвана организовать Европу. К концу XIX в. слависты как будто возвращаются к этой идее, видя роль Франции в "организации славянского мира".

Сближение Франции с Россией, которое приведет к подписанию в 1892 г. военного договора и к тесной франко-русской дружбе, является делом государств, и панславизм тут почти не упоминается. Но очень быстро становится ясно, что другими славянскими "народиками", как их называет Достоевский, легче манипулировать, поскольку все они стремятся освободиться, стать автономными государствами, объединиться в федерации и т.д. У них у всех в той или иной форме существует идея панславизма. Интерес к этим явлениям одновременно и научный и политический. Слависты, историки и лингвисты публикуют многочисленные работы об австрийских и балканских славянах. Их авторы завязали научные и дружеские отношения с представителями ученых и интеллигенции этих народов. Одним из лучших знатоков славянского мира является Л. Леже (1849–1921), который часто бывает в Праге, в Загребе, в Белграде. Он отдает себе отчет в ссорах и противоречиях между этими народами, но считает, что развитие славяноведения приведет к устранению этих трудностей и, в итоге, к сближению всех славян. Однако "задняя мысль" не покидает его, особенно с ростом угрозы войны с Германией. "У нас во Франции существуют многочисленные предубеждения по отношению к этой идее (панславизму). Но быстрое развитие немецкого могущества заставляет нас отделаться от всех этих старых предрассудков, изучать и искать все, что может оказаться полезным для французской внешней политики" [1. Р. 337]. Он с самого начала не очень хорошо расположен к России, и в его публикациях мало-помалу возникает идея о том, что остальные славяне все-таки должны найти по отношению к ней какой-то *modus vivendi* [15]. Все чаще подчеркивается идея о кровном, расовом родстве славянских народов. Славяне – "природный соперник немецкого мира, они одни в состоянии, в согласии с Францией, выстроить плотину против необузданной экспансии Германии"³. Эти идеи о сближении славян подтверждает хорватский епископ Штроссмайер, который со всей своей энергией работал над сближением православной и католической церкви и у которого Л. Леже бывал несколько раз [17].

Итак, на глазах французских ученых, занимающихся славянским миром, культурные, исторические, религиозные и политические различия между этими народами исчезают, а в том что касается языков, то даже известный лингвист А. Мейе пишет о "лингвистическом единстве всех славянских языков", которое должно привести к политическому объединению [18]. Можно сказать, что накануне и во время первой мировой войны этот "политический панславизм" достигает своего полного развития и иногда принимает формы настоящей пропаганды. В Париже с помощью эмигрантских группировок издаются разные книги и журналы, организуются публичные

³ Леже сыграл очень важную роль в основании Чехословакии. См. [16].

лекции, пишутся труды. "Сегодня мы ужасно нуждаемся в нем, в панславизме", – пишет Л. Леже, как бы подводя итоги всей этой деятельности [19]. В 1917 г. Леже публикует книгу "Панславизм и французский интерес" [20], в которой читатель может найти географические и исторические сведения о славянских народах, но последний раздел посвящен проекту "Панславии". Интересно заметить, что в этой утопии Россия все-таки представлена как *primus inter pares*, что другие славянские народы считаются ее младшими братьями. Помимо народных наречий в "Панславии" предусмотрены два государственных языка: русский и французский.

Вершиной и заключением этого политического панславизма можно считать открытие в 1919–1921 гг. Института славяноведения и основание журнала по проблемам славяноведения. Но уже без России, которую революция и гражданская война удалили от панславянской мечты.

Именно во Франции, а точнее в Париже сосредотачиваются различные "панславизмы", поскольку речь идет о месте встречи политических эмигрантов, прибывающих из славянских стран. Панславистские идеи распространяются в эмигрантских кругах и в ограниченной среде французской интеллигенции, близкой к этим кругам. Указанные "панславизмы" выражают ущемленность и мечты различных этнических и политических групп. В определенной мере французское правительство поддерживает это развитие, создавая различные учреждения и отдавая предпочтение ряду исследований. Но в то же время оно пытается получить выгоду из указанных панславистских устремлений, из их противоречий. Французский политический панславизм зависел гораздо больше от связей с Россией и Германией, чем от славян и их устремлений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Léger L. Le monde slave – voyages et littératures. Didier; Paris, 1873.
2. Cadot M. La Russie dans la vie intellectuelle française (1839–1856) Fayard; Paris, 1967.
3. Wronski H. Prolégomènes du messianisme. Didot; Paris, 1842. P. 527.
4. Jablonski W. La France, la Pologne et le Slavisme. Paris, 1842. P. 274.
5. Revue des Deux Mondes.
6. Gourowski A. La civilisation et la Russie. СПб., 1840.
7. Charrière E. La Politique de l'Histoire. Paris, 1841. T. II. P. 345.
8. Herder J.G. Idées sur la philosophie de l'histoire de l'humanité. Levrault; Paris, 1828.
9. Rohr J.G. Un missionnaire républicain en Russie. Paris, 1852.
10. Desprez H. Les Peuples de l'Autriche et de la Turquie. Paris, 1850. P. 86.
11. Léger L. Souvenirs d'un slavophile. Hachette; Paris, 1905.
12. Martin H. La Russie et l'Europe. Fourne; Paris, 1866.
13. Pfitzner J. Bakuninstudien. Praha, 1932. P. 94.
14. Fišera W.C. Les peuples slaves et le communisme. Berg; Paris, 1992.
15. Léger L. Russes et Slaves. Hachette, 1899. P. 143. Mares A. Louis Léger et Ernest Denis // Slovanské Studie. 1996. № 2.
16. Léger L. Russes et Slaves. Hachette; Paris, 1890.
17. Léger L. La Save, le Danube, la Sotcha. Plon; Paris, 1889.
18. Meillet A. L'Unité linguistique slave // Scentia. 1920. № 1. P. 4.
19. Léger L. La Liquidation del' Autriche-Hongrie. Alcan; Paris, 1915.
20. Léger L. Le Panslavisme et l'intérêt français. Flammarion; Paris, 1917.



© 1998 г. ВИНОГРАДОВ В.Н.

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА. ВЕЛИКОДЕРЖАВНАЯ ДИПЛОМАТИЯ В "ПОРОХОВОМ ПОГРЕБЕ" ЕВРОПЫ

Тему "Великие державы и Балканы в годы первой мировой войны" никак нельзя отнести к числу обойденных в отечественной историографии. В ее изучение внесли значительный вклад такие видные исследователи как Ф.И. Нотович, Ю.А. Писарев, В.А. Емец, В.И. Шеремет и др. В последние годы к ним присоединились О.В. Соколовская, А.Л. Шемякин, Г.Д. Шкундин. В какой-то степени внес свою лепту и автор сих строк [1–4]. Плодотворно трудится Ассоциация по изучению первой мировой войны. На ее счету – несколько конференций, в том числе международных, и сборников статей [5]¹. К сожалению, надолго застрял на ухабах финансовых затруднений и никак не может их преодолеть коллективный труд "За балканскими фронтами первой мировой войны", содержащий обобщенную характеристику международных отношений в регионе в указанный период. Все же можно констатировать, что накопленный материал позволяет "сметь свое суждение иметь", и на нем мы основываем настоящую статью.

По ходу исследований пришлось освобождаться от груза представлений, основанных на некоторых высказываниях В.И. Ленина. Его оценки беспощадны в своей политической заостренности и конъюнктурности. С его точки зрения, в Юго-Восточной Европе сложилась "система колониального грабежа и вмешательства держав в дела Балканского полуострова, всегда реакционного" (подчеркнем категорическое "всегда"). Особенно доставалось России: Ленин писал о ее "реакционных интригах", прикрытых якобы «"заботой" о "славянских братьях"» [7. Т. 17. С. 225]. Если брать историю крупномасштабно, то получается, что в число "реакционных интриг" им включались сокрушение системы османского владычества, или, пусть частный, но эпохального значения исторический эпизод – русско-турецкая война 1877–1878 гг. Она принесла государственную независимость Сербии, Черногории, Румынии, возрождение после пятисот лет прозябания под рукой Высокой Порты болгарской государственности. Разве правомерно брать слово "забота" в иронические кавычки?

Столь же однозначен Ленин в характеристике политики национальной буржуазии Юго-Восточной Европы: "Она старается заключить сделки с одной из империалистических держав ради осуществления своих грабительских целей" [7. Т. 27. С. 258]. Правда, тут Ленин непоследователен – он упоминает о нерешенности национального вопроса в регионе даже в канун первой мировой войны: «Громадные (по сравнению со

Виноградов Владилен Николаевич – д-р ист. наук, главный научный сотрудник Института славяноведения РАН.

¹ О деятельности Ассоциации см. [6].

всем числом представителей данной нации) количества румын и сербов живут вне пределов "своего" государства, ...вообще "государственное строительство" на Балканах в направлении буржуазно-национальном не закончилось» [7. Т. 30. С. 355], – а осуществлять его приходилось под руководством "грабительской" буржуазии.

Точка зрения историографии балканских стран, выражаемая с редкостным единодушием, представляет своего рода антитезу воззрениям В.И. Ленина; она благополучно пережила все социальные бури последних десятилетий и не претерпела изменений даже тогда, когда все или почти все ученые официально придерживались марксистско-ленинской идеологии. Суть ее заключается в том, что страна, к коей тот или иной автор принадлежит, в ходе первой мировой войны осуществляла прогрессивные национально-объединительные задачи. "Используя обстановку, порожденную империалистической войной, в развязывании которой она не принимала и не могла принимать никакого участия, Румыния вступила в борьбу ради освобождения части национальной территории" [8]. «Политическая цель вступления в мировую войну в высшей степени ясна и очевидна – "собрание всех болгар под одной государственной крышей"», правительству В. Радославова "надо было привести в нормальное состояние связи с соседними государствами и найти среди великих держав те, которые были бы готовы поддержать, хотя бы частично, болгарскую национальную программу" [9]. Тех же взглядов придерживаются историки истерзанной в годы войны, возведенной на Голгофу страданий и мук Сербии; никаких "посторонних" замыслов [10].

Итак, национальные цели, и ничего более.

Национальная идея хороша в теории, но по мере претворения ее в жизнь начинаются перекосы. Веками народы в Юго-Восточной Европе жили не в четко обрисованном ареале, без наличия в нем "чужаков", а перемешанно; случалось, представители одного этноса оказывались в глубине исторической территории другого и в отрыве от своего. Что касается порубежья, то здесь царило смешение языков и нравов. Провести безупречную с этнической точки зрения линию разграничения было трудно даже теоретически.

И все же, при наличии доброй воли и строго придерживаясь принципа – только свое! – можно представить взаимоприемлемое решение вопроса. Ан нет! Балканы еще в довоенные годы приобрели мрачную репутацию "порохового погреба" Европы. Всяк здесь определял свои претензии по максималистской мерке, углубляясь для этого в дебри "исторического права", ссылаясь на то, что некогда земли, на которые предъявлялись права, входили в сферу расселения "своего" народа или даже в его государственное образование, интерпретируя имевшиеся источники к выгоде для себя.

Отечественной историографии пришлось пробираться между Сциллой и Харибдой диаметрально противоположных, но равно склонных к экстремизму оценок.

В Институте славяноведения РАН почти двадцать лет ведется работа над серией трудов, посвященных международным отношениям в Юго-Восточной Европе в Новое время. Вышли тома, охватывающие 1796–1815, 1815–1830, 1830–1856, 1856–1878 гг. [11–12]. В рукописном варианте тема изучена вплоть до окончания первой мировой войны. Исследование велось под тем углом зрения, что нельзя все черные дела приписывать "великим", а на деяния "малых" взирать сквозь розовые очки, что стремление к экспансии и гегемонии было присуще и тем, и другим, разумеется, в соответствии с их возможностями. Приведу лишь одно высказывание: "Нельзя приписывать превращение Балкан в горячую точку Европы только соперничеству здесь противоборствующих группировок держав... Этот печальный факт стал возможен потому, что столкновения держав сочетались здесь с соперничеством молодых национальных государств, со стремлением буржуазии отдельных стран достичь преобладания на полуострове, занять первое место под балканским солнцем, потеснить соседей. Начались поиски внешней поддержки, что облегчало вмешательство в балканские дела, осложняло обстановку, делало ее взрывоопасной" [12. С. 410; 13].

Представляется, что эпоха первой мировой войны дает убедительный материал для подтверждения этого мнения.

За точку отсчета следует принять Бухарестский мир 1913 г. – этот своего рода кульминационный пункт балканской самостоятельной позиции – заключенный при минимальном вмешательстве держав. Победители – Сербия, Черногория, Греция и Румыния – продиктовали побежденной Болгарии свои условия: она лишилась части Македонии, поделенной между Сербией и Грецией, включая порт Кавалу, и Южной Добруджи, отошедшей к Румынии. В том же сентябре 1913 г. по Константинопольскому договору Болгария отказалась в пользу Турции от Адрианополя с прилегающим районом.

К акту Бухарестской конференции были приложены три декларации: болгарская – с протестом против его условий, союзников и примкнувшей к ним Румынии – против ревизии договора.

Само наличие этих деклараций свидетельствовало о зыбкости достигнутого урегулирования. Война привела к разрушению Балканского союза, породила точки напряженности, облегчила проникновение в регион австро-германского империализма. Завязались узлы острейших противоречий – болгаро-румынских из-за Южной Добруджи, болгаро-греческих и болгаро-сербских из-за разграничения в Македонии, болгаро-турецких – из-за земель во Фракии. Не менее острый конфликт возник между Грецией и Турцией, ибо последняя не желала мириться с потерей островов Самофракия и Самос, Хиос и Митилена.

Балканы перед войной воистину представляли собой политический пороховой погреб, но основная доля вины за порождение взрывоопасного материала на том этапе падала на правительство государств Юго-Восточной Европы. Обстановка напоминала не послевоенную, со смягчением напряженности, а предвоенную.

В Афинах была отлита памятная медаль, на которой греческий король Константин был изображен рядом с византийским императором Василием II, прозванным Болгаробойцей, ибо его армии в 1002 г. опустошили Болгарию, совершив при этом варварский акт ослепления тысяч пленных.

В Болгарии в день подписания мира был объявлен траур. В приказе о демобилизации армии царь Фердинанд писал: "Свернем знамена до лучших времен" [3. С. 177].

В Сербии тайная офицерская организация "Черная рука" проповедовала войну против Австро-Венгрии за объединение югославянских земель вокруг королевства.

Мирное урегулирование 1913 г. создало благоприятные условия для происков великодержавной дипломатии в Юго-Восточной Европе. Николай II "вдруг" вспомнил, что его брат на румынском престоле Кароль почти сорок лет назад участвовал в русско-турецкой войне, и вручил ему жезл фельдмаршала. Вильгельм II проявил ту же любезность по отношению к греческому монарху Константину.

Это были внешние проявления той скрытой борьбы за союзников, в которую вступила великодержавная дипломатия. Преимущества в ней оказались на стороне Центральных держав: Антанта была тесно связана с победителями, что крайне затрудняло раздачу обещаний "обиженным". К Германии же потенциальный союзник, можно сказать, прямо в руки шел, и можно было раздавать посулы за счет Сербии, уготовленной к расправе. Но все же реакция великих держав отличалась сугубой осторожностью.

Уже после заключения Бухарестского мира царь Фердинанд отправился в Вену и Берлин, – "наниматься в союзники". В австрийской столице его приняли в высшей степени сдержанно, в немецкую не пустили вовсе, – на случай неожиданного появления своего софийского брата Вильгельм II приказал подготовить обратный поезд, чтобы, не мешкая, отправить его назад. В Вене Фердинанду предложили прежде всего уладить отношения с Румынией (иными словами, публично смириться с отторжением Южной Добруджи).

Казалось, Вена и Берлин поступали нелогично, отвергая протянутую руку. На самом деле и германские, и австрийские правящие круги боялись оказаться в омуте

балканских противоречий, а омут был глубок, сближение с одними неминуемо вызвало охлаждение со стороны других. Но и союзников следовало искать не мешкая, ибо Берлин уже вынашивал конкретные планы войны, которая должна была распространиться на юго-восток континента, иначе Австро-Венгрия не приняла бы в ней участия. Вильгельм II в секретной директиве от 16 августа 1913 г. констатировал: балканские государства ослаблены войной, что усиливает их зависимость от Центральных держав. Возможные союзники – Румыния, Греция, Турция. Сербия и Черногория – на стороне Антанты, где-то в промежутке оставался царь Фердинанд, которому Вильгельм не доверял. Гельмут фон Мольтке, начальник германского Генштаба, проявлял больший оптимизм и зачислял Болгарию в союзники.

Сербия являлась центром притяжения югославыян, включая проживавших в Австро-Венгрии. Начальнику австрийского Генштаба, генералу Ф. Конраду фон Гетцендорфу принадлежало целых четыре плана разгрома этой страны, составленных исходя из единого принципа: "Австрия должна проглотить Сербию" [3. С. 202].

С Румынией у Центральных держав существовал союзный договор, возобновленный последний раз в 1913 г. Но его разъедали острейшие – правда, небалканские – противоречия, источником которых являлось неравноправное положение многочисленного румынского населения Венгерского королевства и явно проявлявшееся в Румынии стремление к включению в ее состав Трансильвании, где основная масса этого населения проживала. Но вплоть до начала войны Берлин и Вена надеялись на вовлечение в нее Румынии на своей стороне [4]. Поскольку Южная Добруджа служила камнем преткновения между Румынией и Болгарией, переговоры с последней были крайне затруднены; отсюда вытекали и отношение к царю Фердинанду в Вене, и реакция Вильгельма II на болгарские попытки сближения.

Не менее запутанный узел противоречий завязался между Турцией и Грецией, а оба эти государства на Унтер-ден-Линден считались потенциальными союзниками. В Греции опорой Германии являлись король Константин, который никак не мог забыть службу во 2-м прусском гвардейском полку и учебу в Берлинской военной академии, а также значительная часть офицерства, верившая в превосходство германской военной машины.

Исключительно сильными были немецкие позиции в Турции, чему способствовало мощное экономическое проникновение. Младотурецкие офицеры были не меньшими поклонниками прусского меча, нежели их коллеги из афинского Генерального штаба, а один из "триумфиров", Энвер-паша, являлся их главой. Правда, двое других, Джемаль-паша и Талаат-бей, не исключали, что вопрос со спорными островами можно решить с помощью Антанты. И турки, и греки не скрывали, что ради островов они не остановятся перед вооруженным конфликтом. Распутать этот узел немецкой дипломатии не удалось вплоть до начала первой мировой войны. А над всем этим нависла тень пантюркистской идеологии, мечты о возвращении Закавказья, толкавшие Турцию в австро-германскую группировку.

В лагере Антанты с Балканами больше всех была связана Россия. Крушение Балканского союза серьезно подорвало ее позиции. К всевропейской войне царизм не был готов – надо было залечивать раны, нанесенные войной с Японией и революцией 1905–1907 гг. Сроком завершения даже малой программы перевооружения определялся конец 1917 г. Материалы Особого совещания (февраль 1914 г.) дают представление о царившей в Петербурге тревоге. Председатель Совета министров В.Н. Коковцев признавал на нем: война – "величайшее бедствие для России"; морской министр И.К. Григорович свидетельствовал: "В ближайшие годы России желательна отсрочка", а генерал-квартирмейстер Ю.Н. Данилов информировал собравшихся сановников о неготовности страны к большой войне [3. С. 215–218].

Все же курс российской дипломатии был далек от пассивности: она пыталась примирить Белград и Софию и искала подходы к Бухаресту, где, как она ощущала, находилось слабое звено Тройственного союза.

В июне 1914 г. царская яхта бросила якорь в бухте Констанцы. Николай II и

министр иностранных дел С.Д. Сазонов вступили в переговоры с своими румынскими партнерами и пришли к довольно утешительным выводам, которые министр резюмировал так: "Румыния присоединится к той стороне, которая будет в состоянии дать ей наибольшие выгоды". Поскольку румынские притязания распространялись прежде всего на земли, входившие в состав венгерской короны, все карты оказались в руках у Антанты.

Иной была реакция на констанцское свидание в Вене. Канцлер Л. Берхтольд метал громы и молнии: "Среди бела дня открыто и определенно, с абсолютной очевидностью, с бесстыдной наглостью, шаг за шагом создается окружение монархии" [3. С. 242]. Если отвлечься от эмоциональных эпитетов, он был прав: румынский коронный совет в Синае 3 августа 1914 г. высказался против выполнения обязательств по союзному с Германией и Австро-Венгрией договору и провозгласил политику вооруженного выжидания.

Без хлопот с австро-немецкой стороны в ее лагере очутилась Турция. Младотурецкое руководство жаждало реванша. Энвер-паша угрожал, что если Тройственный союз не пожмет протянутую руку, то Османская империя может оказаться в союзе с Антантой, – не с теми, так с другими, лишь бы удовлетворить внешнеполитические аппетиты. Кайзер Вильгельм II встревожился: Турция "прямо себя предлагает. Отклонение или пренебрежение было бы равнозначным ее переходу к России-Галлии, и наше влияние исчезло бы навсегда" [1. С. 96]. 2 августа турецко-германский союз был заключен, но стамбульские руководители с редким даже в анналах дипломатии двуличием продолжали уверять всех и вся, будто сохраняют свободу рук. В тот же день Турция официально провозгласила нейтралитет, а Энвер-паша развивал перед русским военным атташе Леонтьевым план передела земель полуострова с намеком на сотрудничество с Антантой. С.Д. Сазонов, в ответ, при каждом удобном случае клялся, что и в мыслях не держит мечты о Черноморских проливах [14].

В один и тот же день, 1 августа 1914 г., глава болгарского правительства В. Радо-славов гласно объявил в Народном собрании о нейтралитете и тайно вручил посланникам Германии и Австро-Венгрии проект союзного договора [1. С. 79]. В отличие от Высокой Порты, болгарский кабинет не столь безоглядно кинулся в европейский пожар, а оговорил свое участие в войне приобретением ряда территорий, обосновав это историческими и этническими доводами.

Немцы торжествовали: вроде бы осуществлялись их планы войны на Балканах балканским же оружием! Германские силы были заняты на Западе, осуществляя молниеносный бросок; австрийский фронт против России начинал уже трещать, туда перебрасывались все новые подкрепления; войск для расправы с Сербией не хватало, перешедшая через Саву армия генерала Потioreка была вышвырнута обратно. Начальник немецкого Генерального штаба Мольтке писал своему австрийскому коллеге Конраду: "Мы надеемся расправиться с Францией через несколько недель... Соберите все силы против России. Так по-собачьи подло не может поступить даже Италия, чтобы она² на вас напала с тыла. Бросьте же болгар на сербов, и пускай эта сволочь уничтожает друг друга. Теперь должна быть одна цель: Россия! Отбросьте носителей кнута в болота Припяти и утопите их там!" [1. С. 231].

В последний момент немецкие замыслы сорвались: царь Фердинанд и В. Радо-славов отказались подписать ими же предложенный договор, решив подождать лучших времен, чтобы, подобно румынским правителям, прицепиться к колеснице победителя наверняка.

Итак, планы Центральных держав сорвались и в отношении Румынии, и в отношении Болгарии. В стороне пока что оставалась и Греция, находившаяся в особо уязвимом положении: сама природа, расположение страны на полуострове с извилистой береговой линией и на множестве островов ставило ее в зависимость от державы, обладавшей сильнейшим на Средиземном море флотом, а таковой являлась Великоб-

² Т.е. Румыния, которую подозревали в намерении присоединиться к Антанте.

ритания. Нечего было и думать об удержании оспариваемых турками островов, имея на противной стороне пушки дредноутов его британского величества. Непослушание грозило блокадой и бомбардировкой основных портов. Поэтому эллинский германофил № 1, король Константин, придя в себя от эйфории, вызванной производством в фельдмаршалы германской армии, мог обещать своим берлинским друзьям только нейтралитет, а великодержавные планы собирались осуществить антавтофилы во главе с премьер-министром Э. Венизелосом. Тот высказался в пользу воссоздания на основе нейтралитета Балканского союза в составе Румынии, Болгарии и Греции. Его расчеты тайны не составляли – замышляемая комбинация "гасила" опасность со стороны жаждавшей реванша Болгарии и уменьшала угрозу турецкого нападения в момент, когда греко-турецкий спор из-за островов достиг высокого накала.

Хотя Венизелос поманил лишь балканским нейтралитетом, его предложение было подхвачено в Великобритании: соблазнительно было вывести из числа потенциальных противников сразу и Болгарию и Турцию [15. Р. 19–20].

Дальше размышлений вокруг изложенного Венизелосом плана дело, однако, не пошло, да и вряд ли могло пойти. Как писал Уинстон Черчилль, тогда – первый лорд адмиралтейства, "воинственная и могущественная Болгария с королем-интриганом и отважной армией крестьян, преследуемых мыслью о том, что они считали непереносимой несправедливостью, являлась доминирующим фактом на Балканах в 1914 и 1915 годах" [16]. Даже за нейтралитет ей следовало делать уступки – но как и за чей счет?

Все же дипломатия Тройственного согласия принялась за попытки воссоздать Балканский союз. Сербы, упорно и со славой сопротивлявшиеся австрийскому нашествию, с обидой восприняли предложение о перекройке границы с Болгарией в Македонии, а Венизелос отверг саму мысль об уступке порта Кавалы. Так что схема сразу же забуксовала, и глава Форин оффис сэра Э. Грей отмежевался от затеянных в его же ведомстве комбинаций: "Я всегда утверждал, что территориальное переустройство должно быть делом самих балканских государств. Не мне в него вмешиваться. Роль, которую мы можем сыграть, сведется к финансовой поддержке конфедерации, когда она будет создана" [15. Р. 29]. Его вывод (который оспорить невозможно) гласил: какую схему дележа ни придумай, всех все равно не удовлетворишь, и собрать всех под одну крышу не удастся. Так не лучше ли оставить Балканы в покое?

Но сие означало предоставить здесь свободу рук Тройственному союзу. И дипломатия Антанты продолжала маневрировать, отыскивая "что-либо привлекательное" для каждого, но в глубине души не веря в осуществимость задуманного (точнее – придуманного). Опытный С.Д. Сазонов назвал химерой план возвращения к жизни сторевшего в пламени второй балканской войны альянса [1. С. 217; 15. Р. 39]. Земель для передела "не хватало", усилия антантовской дипломатии захлебнулись во взаимных претензиях.

Хотя германо-турецкий договор сохранялся в глубокой тайне, явственно обозначились признаки перехода Стамбула на сторону Центральных держав. При обстоятельствах, до сих пор не поддающихся объяснению, немецкие крейсеры "Гёбен" и "Бреслау" ускользнули в Средиземном море от сторожившей их армады британских кораблей и нашли убежище в Проливах. На требование интернировать суда турки ответили их "покупкой" и, как оказалось, вместе с командами! Членом экипажа было спешно предоставлено османское подданство и, украсившись фесками, они превратились в турецких моряков. Английский адмирал-советник А. Лимпус получил отставку, его место занял командовавший крейсерами адмирал В. Сушон. Напрашивался вывод, что открытое выступление Турции не за горами.

Три посланника стран Антанты в Афинах навестили короля Константина и заявили, что их правительства приветствовали бы сотрудничество греческой армии в общем деле. Согласия они не получили. Иной прием они встретили у главы правительства Э. Венизелоса, который в общей форме, не беря на себя конкретных обязательств, обещал поддержку. Последовал новый лихорадочный зондаж в Софии

и временной сербской столице Нише на предмет возможного территориального передела и с прежним, абсолютно негативным результатом.

26 сентября 1914 г. Турция закрыла Проливы, связям России с союзниками был нанесен серьезный удар. 28 октября "Гёбен" и "Бреслау", "проскользнув" в Черное море, подвергли бомбардировкам Одессу, Севастополь и Николаев. 1 ноября Россия – неохотно – объявила Османской империи войну. Ситуация в какой-то степени прояснилась, одно неизвестное исчезло, что не утешало. Историография, отечественная и зарубежная, склонна к суровой оценке действий (= провалу) дипломатии стран Согласия. Подзаголовок известного труда Ф.И. Нотовича гласит: "Потеря союзниками Балканского полуострова"; книга английского историка Л. Кэртрайт озаглавлена: "Путаница, нерешительность и провал", и содержит категорические оценки, вроде следующей: "...Стремление Греция не спровоцировать Турцию на активное выступление вместе с Центральными державами или по меньшей мере задержать ее выступление побудило отвергнуть предложение Венизелоса присоединиться к союзникам. Если бы не страх государственного секретаря по иностранным делам перед турецкой воинственностью, Греция, вероятно, сражалась на стороне союзников... и можно было бы избежать тех трудностей, с которыми Британия столкнулась в дальнейшем..." [15. P. 43].

Такой вывод, на наш взгляд, противоречит приведенным тем же автором в своей книге материалам. Во-первых, нельзя сказать с уверенностью, что Венизелос действовал с санкции собственного правительства и что он не встретил бы сопротивления не только со стороны монарха, но и Генерального штаба. Во-вторых, выступление Венизелоса подразумевало, что последует предложение материальных выгод Греции. Ей же в создавшейся обстановке, когда собирались воспрепятствовать вмешательству Болгарии и Турции в войну на стороне неприятеля, не давали даже туманных обещаний.

Да, антантовская дипломатия запуталась в собственных комбинациях и потерпела в 1914 г. на юго-востоке Европы полное фиаско. Но не из-за собственной бездарности, а ввиду опутывавших отношения здешних государств противоречий. В конце-концов не могла поздравить себя с успехом и австро-немецкая группировка: Румыния была "потеряна"; не удалось добиться содействия Греции и, на том этапе, Болгарии. Ф.И. Нотович указывал: «Все получить и ничего не уступить – таков был "принцип", которым руководствовались правящие классы балканских государств» [1. С. 211], об него и споткнулась великодержавная дипломатия. И осенью четырнадцатого, и в дальнейшем ни один из "малых мира сего" не вступил в войну как чей-либо клиент. Турция оказалась вовлеченной в мировой конфликт по причине обуревавших ее правителей паносманских миражей и их слепой веры во всепобеждающую мощь тевтонского оружия. Болгария и Румыния прибегли к тактике выжидания в надежде присоединиться к победителю. Царь Фердинанд и его клика выступили осенью 1915 г., когда, казалось, Сербию вот-вот растопчут, а российские войска откатывались по всему фронту. Румыния присоединилась к Антанте спустя еще год под впечатлением от знаменитого Брусиловского прорыва.

Военное лихолетье принесло всем тяжелые, на грани выживания, испытания. Сербию целиком оккупировал неприятель, правительство и то, что осталось от армии, укрылись на острове Корфу. Румыния оказалась "счастливее"; при решающей поддержке русских войск ей удалось отстоять треть национальной территории. Обе эти страны очутились в полной зависимости от своих союзников.

С окончанием военных действий ситуация изменилась, все вернулось на круги своя, и малые члены Антанты вновь обрели значительную степень самостоятельности. В Париж, на мирную конференцию, их делегации прибыли, имея в портфелях акты о свершившемся объединении румын и югославян; их войска занимали почти все те земли, на которые они претендовали, и удалить их оттуда не было ни сил, ни возможности. Два премьера, И. Брэттиану и Н. Пашич, могли опереться на принцип *uti possidetis* (чем владею).

За плечами у югослабов был такой фактор, как несгибаемая верность Антанте, с которым нельзя было не считаться. С помощью президента США В. Вильсона они дали отпор итальянским притязаниям на далматинское побережье Средиземного моря. Разгневанная итальянская делегация прибегла даже к такой неординарной мере, как уход с Парижской конференции, картинно громыхнув при этом дверью. Убедившись, что театральные эффекты должного впечатления не произвели, итальянцы тихо вернулись во французскую столицу и согласились на компромисс, в какой-то степени устраивавший представителей вновь образованного Королевства сербов, хорватов и словенцев.

Румыны похвастаться постоянством возможности не имели, почти год они не вели военных операций, заключив с Центральными державами мир, правда, не ратифицированный королем Фердинандом, но реально осуществлявшийся. Однако у них на руках оказались козыри иного рода.

В наше время феерически быстрого распада социалистических режимов возникает соблазн "опрокинуть" современность в прошлое и счесть социалистическую перспективу после первой мировой войны несуществующей, а раздававшиеся крики о "красной угрозе" – плодом воспаленного воображения. Но это не так. Война нагромоздила такое количество страданий, довела психологическое состояние целых наций до такой степени кипения, что взрыв представлялся неизбежным, а развитие событий по большевистскому пути вероятным. В странах Антанты эйфория победы в какой-то степени смягчала социальную напряженность. Но у побежденных она осложнялась и углублялась чувством национального унижения. Развал Австро-Венгерской монархии, революции в большинстве ее уже бывших частей, Ноябрьская 1918 г. революция в Германии, Владыское восстание в Болгарии свидетельствовали об этом. Неприятным сюрпризом для заседавших в Париже в рамках Совета четырех и других форумах миротворцев явилось установление, на почве территориальных споров, и притом мирным путем, советской власти в Венгрии. Не сумели подавить "большевистскую гидру" в России, а она появилась в самом сердце Европы. "Приход большевизма в Центральную Европу диктовал многие решения совета", – с этим мнением американского исследователя Ш. Спектора трудно не согласиться [17].

В теории и британский премьер Д. Ллойд-Джордж, и глава французского кабинета Ж. Клемансо считали предпочтительным, уж если подавлять "красных" мадьяр, то силами главных участников Антанты. Но сил-то не было. Восстание французской эскадры на Черном море и ее поспешный вывод, широкая кампания под лозунгом "Руки прочь от России" в Великобритании – не миф, а реальность, свидетельствующая, что ответственность этих стран вязываться в крестовый поход против большевизма не желала. В центре континента оказались, по случайности, одна французская дивизия (15 тыс. штыков), один итальянский батальон и 40 военнослужащих в британской форме. А следовало иметь для расправы над мадьярами минимум 100 тысяч солдат. У румын же по соседству – отоброшенная армия, чем и воспользовался премьер-министр И. Брэтиану, принявшийся всенародно размахивать жупелом большевистской опасности и предлагать свои услуги по подавлению венгерских Советов. "Невозможно, – заявлял министр иностранных дел М. Ферекиде, – чтобы Европа не сознавала лежащее на Румынии бремя – служить необходимым барьером на пути проникновения агрессивного большевизма". По ходу этой миссии по защите "Европы и ее цивилизации" [18] предполагалось решить в свою пользу вопрос о румыно-венгерской границе.

За плотно закрытыми дверями кабинета, где заседал якобы всемогущий Совет четырех, царил полный разброд. Импозантные представители США и Великобритании, В. Вильсон и Д. Ллойд-Джордж, на словах выступали против румынского пограничного максимализма, последний даже уподобил И. Брэтиану "разбойнику, выжидающему удобного случая, чтобы стащить территорию" [19]. Ж. Клемансо, занятый оружием "санитарного кордона" вокруг Советской России и крайне заинтересованный в участии в нем Бухареста, занимал более снисходительную позицию. Влиятель-

ные адвокаты из военной среды во главе с маршалом Фошем утверждали, что без румын погасить "красный очаг" в центре Европы вообще не удастся. В результате, И. Брэттиану оказался хозяином положения, хотя в знак обиды он и ушел в отставку (линия разграничения в Трансильвании прошла все же восточнее требуемой им).

Как заключительный аккорд своих притязаний, румынские правители добились, в обмен на оказанные "Европе" услуги, заключения с представителями Англии, Франции и Италии так называемого Бессарабского протокола (октябрь 1920 г.), санкционировавшего отторжение Бессарабии от России, с чем никогда не соглашались ни советское правительство, ни руководители белого движения.

В отношении побежденной Болгарии "большие" и "малые" участники Антанты действовали с редким единодушием. С ее представителями в Париже не разговаривали, им диктовали условия. Болгарскую делегацию в столицу Франции вызвали в июне 1919 г. – чтобы она выслушала приговор. Тщетно ее глава Т. Тодоров указывал на неправомерность лишения страны выхода к Эгейскому морю, протестовал против линии разграничения в Македонии, жаловался на тяжесть экономических условий. С таким же успехом он мог говорить перед голыми стенами. Правда, в начале конференции президент В. Вильсон попытался было выдвинуть более снисходительные условия, но под дружным натиском коллег по Совету, поддержанных с редким единодушием делегатами Греции, Румынии и Югославии, он уступил по всем пунктам [20].

"Верховные жрецы" Антанты никогда не "прирезывали" по своей инициативе какой-либо территории к балканским государствам. Напротив. Они несколько умерили румынские притязания; способствовали более благоприятному для югославов решению их территориального спора с итальянцами в Далмации. Греческий премьер, златоуст Э. Венизелос убедил Совет четырех предоставить ему карт-бланш в районе Измира в Малой Азии – итогом стала греко-турецкая война, разгром греческого экспедиционного корпуса и отказ от воплощения в жизнь Великой (Мегала) идеи. Так что территориальное разграничение в Юго-Восточной Европе на завершающем этапе первой мировой являлось делом прежде всего и больше всего местных правительств.

Корни всех конфликтов в межвоенные годы и во время второй мировой войны, а частично и ныне затуманивающих балканский горизонт, то вспыхивающих, то затухающих (Босния и Герцеговина, Сербская Краина, Косово, Добруджа, Македония, венгеро-румынские отношения), обнаруживаются в мирном урегулировании 1919–1920 гг.

Положение на юго-востоке Европы сейчас внушает тревогу, но проводить сравнение с началом века и именовать регион "пороховой бочкой Европы" нет оснований. Тогда на континенте противостояли друг другу две группировки держав, скопилась масса горячего материала в виде англо-германских, франко-германских, австро-российских противоречий, и балканской вспышки оказалось достаточно, чтобы произошел европейский взрыв. Австро-сербским конфликтом воспользовались как предлогом для сведения счетов между великими державами. Теперь в таком предлоге нет нужды, ситуация, несмотря на внушающее беспокойство расширение НАТО на Восток, принципиально иная. Народы научились жить в мире и ощутили его блага, далеко зашли процессы экономической, политической, культурной интеграции. Преодолен фетишизм, связанный с границами, которые будто-бы непременно надо расширять, Хельсинкский акт 1975 г. запечатлел признание всеми его участниками их незыблемости. Исчезло, наконец, фатальное переплетение притязаний великих держав с соперничеством балканских стран, нашедшее свой выход в ряде кровопролитных столкновений и "увенчавшееся" первой мировой войной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Нотович Ф.И.* Дипломатическая борьба в годы первой мировой войны. М.-Л., 1947. Т. 1.
2. *Нотович Ф.И.* Бухарестский мир 1918 г. М., 1959; *Писарев Ю.А.* Сербия и Черногория в первой мировой войне. М., 1968; *Писарев Ю.А.* Тайны первой мировой войны. М., 1990;

- Писарев Ю.А.* Сербия на Голгофе. М., 1993; *Писарев Ю.А.* Образование Югославянского государства. М., 1975; *Емец В.А.* Очерки внешней политики России в период первой мировой войны. М., 1977; *Шеремет В.И.* Босфор. М., 1995; *Соколовская О.В.* Греция в годы первой мировой войны. М., 1990.
3. *Писарев Ю.А.* Великие державы и Балканы накануне первой мировой войны. М., 1986.
 4. *Виноградов В.Н.* Румыния в годы первой мировой войны. М., 1969.
 5. Первая мировая война. Дискуссионные проблемы истории. М., 1994; WWI and the XX-th Century. М., 1995; Первая мировая война – пролог XX века. М., 1998.
 6. Первая мировая война и ее воздействие на историю XX в. // Новая и новейшая история. 1994. № 4–5.
 7. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч.
 8. România în primul război mondial. Bucureşti, 1979. P. 11.
 9. *Марков Г.* Голямата война и българският ключ за европейския погреб, 1914–1916. София, 1995. С. 289; *Илчев И.* България и Антантата през първата световна война. София, 1990. С. 304.
 10. *Екмечић М.* Ратни циљеви Србије. 1914. С. 1.
 11. Александр I, Наполеон и Балканы. М., 1997; Международные отношения на Балканах 1815–1830. М., 1983; Международные отношения на Балканах 1830–1856. М., 1990.
 12. Международные отношения на Балканах 1856–1878. М., 1986.
 13. *Виноградов В.Н.* Юго-Восточная Европа в международных отношениях (конец XVIII–XIX вв.) // Материалы к VI Международному конгрессу по изучению Юго-Восточной Европы. М., 1989. С. 78.
 14. Новая и новейшая история. 1960. № 1. С. 117.
 15. *Cutright L.* Muddle, Indecision and Setback, Thessaloniki, 1986.
 16. *Churchill W.* The World Crises. New York, 1931. P. 286.
 17. *Spector Sh.D.* Rumania at the Paris Peace Conference. New York, 1962. P. 106.
 18. Desavîrşirea unităţii naţionale-statale a poporului român. Bucureşti. 1986. Vol. 3. P. 332–333.
 19. *Mantoux P.* Les deliberations du Conseil des quatre. I. Paris, 1955. P. 349–352.
 20. Conditions of Peace with Bulgaria. Paris, 1919. P. 21–26.



© 1998 г. МИЛЯКОВА Л.Б.

ПЛАН МАРШАЛЛА И ПОЛЬША: УЧАСТИЕ В ПЛАНЕ БЕЗ ФОРМАЛЬНОГО УЧАСТИЯ¹

5 июня 1947 г., когда госсекретарем США Дж. Маршаллом было сделано предложение о широкомасштабной помощи европейским странам при условии разработки ими единой программы восстановления своих экономик и многостороннего участия в возрождении хозяйственной жизни друг друга, руководящие круги Польши, в которых определяющую роль играли коммунисты, стояли перед необходимостью поиска внешних источников финансовой поддержки для реализации в полном объеме задач трехлетнего плана по возрождению и модернизации польской экономики. СССР, с которым страна имела наиболее многоаспектные и широкомасштабные экономические отношения, был занят восстановлением собственной экономики и не имел свободных средств в необходимом для Польши объеме. В этих условиях руководство страны обратилось к поиску источников получения инвестиционных кредитов, в первую очередь к странам и финансовым организациям, имевшим в тяжелые послевоенные годы свободные валютные запасы – к США, Экспортно-Импортному банку, Международному банку реконструкции и развития и т.д. Несмотря на обозначившиеся в 1946 г. сложности, а к лету 1947 г. – тупики в деле получения Польшей кредитов на Западе, польское руководство, подогреваемое своими дипломатическими представителями в Вашингтоне, Лондоне, Париже, не оставляло надежд на получение соответствующих кредитов. В обстановке этих надежд (со стороны Польши) и прозвучало предложение Маршалла.

С экономической точки зрения у польского руководства были все основания считать, исходя из реального вклада страны в энергетическое обеспечение Европы, что Польша может на "равных" принять участие в плане восстановления Европейского континента. Одной из центральных проблем, которую должны были решить государства-участники плана Маршалла, являлось снабжение континента топливом. Дефицит угля колебался в 1946–1948 гг. в границах от двух до нескольких десятков миллионов тонн. Его недостаток заставлял иногда останавливать целые отрасли хозяйства отдельных стран [1]. Попытки более широкого применения других источников энергии, в том числе нефти, не привели к уменьшению потребности Европы в угле. Необходим был известный период времени, чтобы европейская экономика перешла на использование других видов топлива.

После второй мировой войны положение Польши как производителя и экспортера

Милякова Лидия Борисовна – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

¹ Работа выполнена при поддержке фонда им. Й. Мянковского (Польша).

каменного угля изменилось. В результате обретения всей Силезии (Шленска) со вторым по величине после Рура месторождением каменного угля значительно выросла его добыча в Польше. В 1946 г. она достигла уровня 47,29 млн т, в 1947 г. – 59,13 млн т, в 1948 – 70,26 млн т (в 1938 г. – 38,1 млн т) [2; 3. 1948. № 4–5, 9]. Большую важность играл и тот факт, что Польша – одна из немногих в послевоенный период – имела свободные излишки этого полезного ископаемого для экспорта [4].

После войны Великобритания и Германия, которые являлись главными экспортерами угля в межвоенный период, сошли в качестве поставщиков с европейского угольного рынка. Их место заняли США и Польша [5]. Импорт европейскими странами угля из США был в длительной перспективе невыгодным для Европы. Это объяснялось не только высокой ценой (из-за транспортных расходов), но прежде всего тем, что импорт угля вел к дальнейшей потере долларовых запасов европейских государств. В связи с этим западноевропейские страны стремились к ликвидации своей зависимости от поставок американского угля. В начале 1947 г. Польша, являясь членом Европейской организации угля, выступила с концепцией так называемых двусторонних договоров, с помощью которых можно было независимо от этой организации налаживать контакты с отдельными странами. Данное предложение было принято и нашло отражение в практике [3. 1947. № 1–2. S. 30; 6].

Послевоенными потребителями польского угля являлись, как и в межвоенный период, главным образом, европейские страны. Значительное изменение в географической структуре "угольного" экспорта было вызвано появлением нового, "восточного" рынка сбыта в лице Советского Союза, который в 1946–1948 гг. превратился в самого крупного потребителя польского угля. Однако постепенно значение этого рынка ослаблялось. На советско-польских переговорах 25 февраля – 5 марта 1947 г. была достигнута договоренность об уменьшении наполовину поставок угля, причитавшегося СССР и являвшегося частью соглашения Советского Союза и Польши о разделе немецких репараций между двумя странами (от 16 августа 1945 г.). По этому соглашению Польша должна была получать 30% всех поставок, получаемых СССР из западных зон, и польское правительство обязывалось ежегодно в течение всего периода оккупации Германии поставлять СССР уголь по специальной договорной цене. Последний пункт был внесен в соглашение по настоянию советской стороны, которая стремилась снизить негативные последствия выделения из собственной оккупационной зоны Верхне-Силезского угольного бассейна [7]. Вопрос о сокращении поставок угля возник на переговорах 1947 г. в связи с уменьшением и перебоями в репарационных поставках из западных зон, вызванных политико-экономическими причинами. Участвовавший в переговорах с польской стороны министр промышленности Г. Минц привел данные, что продажа поставляемого Польшей угля по мировым ценам превысила бы стоимость полученных Польшей репараций и поставил вопрос об изменении условий соглашения от 16 августа 1945 г. Сталин согласился на снижение вдвое поставок угля при соответствующем уменьшении доли причитающихся Польше репараций без изменения цены угля. Это открывало возможности по интенсификации экспорта польского угля в западные страны для получения валюты [8].

В 1945–1948 гг. важными потребителями польского угля стали западные страны: в 1947–1948 гг. около половины его объема приходилось на данный рынок. В этот период наибольшая динамика поставок приходилась после СССР на центрально-европейский рынок – Чехословакию, Австрию, Германию (увеличение в пять раз); высокая – на западноевропейский – Голландию, Бельгию, Люксембург, Францию, Великобританию, Ирландию, Швейцарию и Италию (увеличение в четыре раза) и на скандинавский рынок – Финляндию, Норвегию, Швецию и Данию (в 2,5 раза). В 1948 г. на первое место среди потребителей польского угля выдвинулся как раз скандинавский рынок [9]. Таким образом, Польша, опираясь на свой весомый вклад в европейское восстановление, проявившийся уже в 1945–1947 годах, еще до речи Дж. Маршалла, считала, что Европа не сможет обойтись в дальнейшем без ее энергетических ресурсов, которые она рассматривала в качестве достаточного экономи-

ческого условия для получения помощи по американскому плану. Как покажет экономическая практика развития европейских "угольных" контактов Польши в дальнейшем, первая часть ее расчетов оправдалась.

В случае сохранения в послевоенном мире рузвельтовской идеи сотрудничества великих держав Польша могла бы надеяться на то, что ее интересы будут учитываться при решении таких проблем, как – в первую очередь – проблема гарантий западной границы страны, при решении вопросов о финансово-экономической помощи США и т.п. Однако в послевоенной обстановке формирования биполярного мира и двух блоковых структур в Европе, когда основная линия "фронта", по признанию самого Дж. Маршалла, проходила по Германии [10. V.IV. P. 427], значение Польши начало сводиться к одному из "элементов" в битве за контроль над этой страной [11]. Укрепление связей Польши с Советским Союзом, нашедшее отражение в договоре о "дружбе, взаимной помощи и сотрудничестве", сомнение в результатах референдума, принесшего победу коммунистам и являвшегося частью процесса утверждения господствующего положения компартии, а также ухудшение общего климата взаимоотношений между Западом и Востоком, отразились в трактовке Польши Вашингтоном как "потерянной для дела демократии" уже с 1946 г. [12. W 86. T. 1348].

В создавшихся условиях она не могла рассчитывать на то, что политически США будут ставить ее интересы выше интересов той части Германии, которая была связана с западными странами; также и возможность их экономической помощи становилась все более проблематичной. Отход США в 1946–1947 гг. (а именно подобным образом польская сторона трактовала американскую позицию) от принятых в Потсдаме решений по данному вопросу привел к тому, что широкие политические круги страны, вне зависимости от их ориентации, рассматривали СССР как единственного гаранта незыблемости этой границы [13].

В Потсдаме США предложили СССР компромисс: взамен на принятие Советским Союзом американского принципа выплаты репараций². Запад соглашался на признание линии по рекам Одере и Нейсе в качестве немецкой восточной и соответственно польской западной границы. Концепция "переноса Польши на запад" была сформулирована У. Черчиллем еще в Тегеране [14]. К Потсдаму позиция Черчилля изменилась, и англичане безуспешно стремились удержать американцев от "обмена" западной польской границы на советские уступки в вопросе репараций [15]. В основе изменения взглядов премьера лежала новая политическая реальность: с одной стороны, усиление власти коммунистов в странах Центральной и Восточной Европы, а с другой – перспективы обустройства в западных секторах Германии миллионов переселяемых немцев из отошедших к Польше районов.

Как показала потсдамская дискуссия, решение Трумэном "польских" вопросов было подчинено решению германских проблем. Следует отметить, что есть две реки – Западная и Восточная Нейсе. Президент Трумэн выступал за "восточный" вариант, при котором значительная часть территории Силезии оставалась за Германией (приращения на западе не должны были простираться за линию восточнее г. Коллбжега, а на северо-западе включали лишь Нижнюю Силезию), а Сталин – за "западный". (При этом он исходил из того, что в свете неясного будущего Германии граница Польши со всей очевидностью становилась западным рубежом советской сферы влияния [10. VII. P. 142, 151–152].) В результате обсуждения Трумэн согласился на "западный" вариант польской границы в обмен на советские уступки в вопросе репараций с Германией [10. V. IV. P. 427–429].

Принятый в Потсдаме компромисс в вопросе о границе нашел выражение в одном из наиболее спорных документов международного права. Пункт IX b, касавшийся границы по Одере и Нейсе, был сформулирован таким образом, что исключал однозначную трактовку вопроса. Однако решающее значение для судьбы отошедших

² Великие державы должны были получить репарацию каждая со своего сектора Германии, а СССР как наиболее пострадавшая в результате войны страна дополнительные 15% от выплат из западных секторов и 10% – в обмен на поставки, в основном продовольствия, из восточного сектора страны.

к Польше территорий на западе страны сыграло сложившееся нормативно-фактическое положение вещей: выселение немцев и наплыв польского населения, а главным образом – общее соотношение сил в Европе после войны.

В свете всего вышесказанного речь государственного секретаря США Р. Бирнса в Штутгарте 6 сентября 1946 г., где тот поставил под вопрос постоянный характер западной польской границы, рассматривалась Польшей как отход Соединенных Штатов от решений, принятых в Потсдаме. Что касается Америки, вопрос стоял о продолжении в послевоенных условиях линии на построение европейской политики вокруг "германского" центра; речь шла о включении проблемы Одера и Нейсе в пропагандистский комплекс вокруг Германии, о стремлении завоевать симпатии немцев (в том числе, и ослабив влияние Советского Союза и немецких коммунистов, заставив их выступить в поддержку польской границы). Одновременно США стремились держать под контролем возможные в будущем проявления германского ирредентизма. Кроме того, эта проблема становилась аргументом в "торговле" с Польшей и через нее – с СССР по другим, касающимся этих стран, вопросам [16]. Составным элементом этой стратегии являлась постановка вопроса о возврате Германии части полученных Польшей территорий на западе страны на ряде международных встреч бывших союзников – на Московской и Лондонской сессиях министров иностранных дел. Суть используемой США аргументации сводилась к ряду пунктов, а именно: Соединенные Штаты соглашались с необходимостью получения Польшей территориальных компенсаций на севере и западе страны в счет отошедших к СССР земель на востоке; одновременно ставился вопрос о необходимости возврата Германии аграрных районов на западе Польши со ссылкой на необходимость экономического восстановления Европы и соблюдение интересов западной оккупационной зоны Германии, "лишенной сельскохозяйственных земель" и вынужденной в связи с этим экспортировать продовольствие в обременительных для своей экономики масштабах [17. Л. 5]. Предложения США (которые сами считали их не реализуемыми на практике) не приняли форму дипломатической проблемы благодаря позиции СССР, который считал, что перенесение в Потсдаме вопроса о западной границе страны на мирную конференцию "носило формальный характер" и рассматривал его решение как "окончательное и не подлежащее ревизии" [12. W86. Т. 1348]. Польское правительство резко отрицательно реагировало на каждое заявление западных союзников по данному вопросу, рассматривая их как угрозу национальным интересам страны.

В этих сложных условиях польское руководство выбрало политическую линию, которая была отражена в донесениях посла Й. Виневича из Вашингтона министру иностранных дел З. Модзелевскому (оба коммунисты). Так, в середине 1947 г. он писал в одном из докладов, что "Соединенные Штаты в любом случае останутся государством, с которым мы должны стараться быть, если не в наилучших, то в наиболее нормальных отношениях. Я пишу – "в любом случае" – но, естественно, я исключаю из этой трактовки возможность принципиального конфликта... Основа для нормальных отношений между Вашингтоном и Варшавой может существовать даже тогда, когда дело дойдет до совершенно отчетливого разделения мира на два лагеря. Мы будем в этом случае для Соединенных Штатов небольшой страной, находящейся в другой "зоне", мы будем страной, с которой Вашингтон наверняка захочет сохранить какие-либо отношения" [12].

Спустя некоторое время, тоже в середине 1947 г., когда климат в отношениях между Востоком и Западом ухудшился, Виневич продолжал считать необходимым, чтобы власти в Варшаве: 1) не отказывались от попыток получения различных форм финансово-экономической помощи США; 2) чтобы продолжали предпринимать усилия, направленные на получение займов и кредитов в Мировом банке, Международном валютном фонде и других организациях, где мнение США оказало бы решающее влияние на их предоставление; 3) чтобы стремились иметь поддержку польской позиции касательно западной границы Польши со стороны правительства Соединенных Штатов и американского общественного мнения" [18]. Первостепенное

значение имела здесь оговорка Виневича о гипотетической ситуации "принципиального конфликта" в отношениях между США и Польшей, возникновение которого он не исключал и в результате которого Польша, по его мнению, должна была бы занять позицию, противостоящую Соединенным Штатам. В контексте следующей фразы о "разделении мира" в результате такого конфликта на "два лагеря" становится ясно, насколько глубоко к середине 1947 г. в мышлении польского руководства укоренился "блоковый" подход, где Польше безоговорочно отводилось место в формирующемся под эгидой СССР советском блоке.

В русле намеченной линии и находилась реакция польских официальных лиц на предложение Маршалла об американской помощи Европе. История отношения польского правительства к плану Маршалла претерпела, согласно ежегодному (за 1947 г.) отчету посольства СССР в Польше, два этапа. Первый этап: с 5 июня – даты провозглашения плана американской помощи Европе до 9 июля – отказа польского правительства от участия в нем. Второй этап – это период, когда негативная позиция была обнаружена, но Польша продолжала попытки неформального участия в плане экономического восстановления Европы.

С одной стороны, на первом этапе стратегия польского правительства в отношении плана Маршалла состояла в том, чтобы получить необходимую для восстановления страны американскую экономическую помощь; а с другой – тактика, продиктованная Москвой, сводилась к выяснению политических условий ее предоставления при соблюдении тщательной координации действий со своим союзником. Правительство начало проводить консультации с польскими дипломатическими представительствами в Вашингтоне, Лондоне и Париже (послами в этих странах были представители ППР – Польской рабочей партии. – *Л.М.*). Параллельные консультации осуществлялись Политбюро ЦК ППР с Москвой. Таким образом, межгосударственные отношения в формирующемся советском блоке начали подменяться межпартийными связями, что сразу же проявилось в таком "конфликтном" вопросе, каким оказался план Маршалла. Направление указаний (СССР Польше) свидетельствовало о ключевой роли Советского Союза в возникающем под его эгидой блоке. Положение СССР как центра мирового коммунистического движения, практически закрепленное в иерархической структуре этого движения, в первые послевоенные годы особенно усиливалось для восточноевропейских компартий той важной ролью, которую играл Советский Союз в установлении и поддержании коммунистических режимов в странах региона.

К участию в плане Маршалла были приглашены, как формулировалось в речи государственного секретаря США, все страны, "терпящие нужду и голод". В западной части континента большая часть общественного мнения приняла американскую инициативу с энтузиазмом; французское и английское правительство ответили на нее позитивно. На востоке Европы этот ответ не мог быть простым для советского правительства. Ему сложно было открыто отказаться от предложенной помощи, так как сам Советский Союз в ней остро нуждался. Но одновременно, даже "если бы можно было придумать какую-либо безопасную форму американских кредитов для Советской России, – писали западные исследователи, – то разрешение на оказание непосредственной американской помощи для Восточной Европы было, с его точки зрения, делом опасным" [19. 16 VI].

Напомним хронологию событий, связанных с планом Маршалла. Первая полуофициальная реакция советского руководства на заявление Дж. Маршалла от 5 июня последовала в рубрике "Международное обозрение" газеты "Правда" от 16 июня 1947 г. Она была негативной: в ней план Маршалла характеризовался как "все тот же трумэновский план политического давления при содействии долларов...", а также ставилось под сомнение разъяснение государственного секретаря от 12 июня, что США приглашают к участию в плане все европейские страны, включая СССР и Восточную Европу. "Похоже на то, – писала газета, – что американскому народу хотят представить дело так, будто Маршалл и готов бы участвовать в "экономическом восстановлении всей Европы", но СССР и страны Восточной Европы "сами

исключают себя" из Европы, поскольку условия американской "помощи" оказываются для них неприемлемыми" [19. 16 VI]. Следующая статья в "Правде" от 19 июня 1947 г., касающаяся плана Маршалла, была посвящена неофициальным переговорам в Париже (17–18 июня) министров иностранных дел Великобритании Э. Бевина и Франции Ж. Бидо о выработке позиции этих стран касательно американского предложения и также содержала отрицательные идеологические оценки самих переговоров как "сговора за спиной Советского Союза и других европейских стран" [19. 19 VI]. 17 июня В. Молотов в беседе с послом Великобритании Петерсоном пытался узнать подробности о плане Маршалла и условиях предоставления американской экономической помощи. (К этому времени Москва уже знала о неофициальном присутствии на переговорах заместителя госсекретаря США У. Клейтона.) Посол сослался на незнание этих вопросов и подчеркнул, что европейские страны должны сами взять на себя подготовку проекта плана экономического восстановления Европы для дальнейшего обсуждения его с США и что Америка "в рамках возможного будет готова оказать свою помощь в выполнении этих программ" [20]. 19 июня СССР получил приглашение от Великобритании, взявшей на себя роль доверенного лица США, на совещание министров иностранных дел трех ведущих держав Европы, созываемое в Париже для обсуждения предложения Маршалла. Москва ответила согласием и 27 июня – 2 июля в Париже проходили переговоры министров иностранных дел Великобритании, Франции и СССР, окончившиеся отказом советской делегации участвовать в разработке и осуществлении плана Маршалла.

Хронология движения СССР к отказу от участия в американском плане восстановления Европы показывает, что первый период времени, до 17–18 июня, советское руководство занимало выжидательную позицию и различными путями через дипломатические каналы пыталось определить политические условия плана Маршалла. В целом оценка плана носила отрицательный характер. Одновременно проходил скрытый процесс подготовки Советского Союза к возможному участию в переговорах по плану Маршалла. Уже 15 июня появляется резолюция Молотова: "Надо готовиться!" [21. Д. 234а. П. 19. Л. 8]. Полученная секретная информация, а также имевшая место сознательная утечка информации со стороны Великобритании и Франции о имевшем место в действительности стремлении этих стран сепаратно от СССР договориться с США о плане Маршалла (расчет делался на то, чтобы подтолкнуть Советский Союз взять на себя ответственность за отказ от участия в нем) заставили советское руководство принять приглашение на совещание трех министров иностранных дел в Париже. Анализ подборок из иностранной печати, появившихся в "Правде" в дни, предшествовавшие совещанию (19, 21, 22 июня 1947 г.), показывают, какие вопросы поднимались на секретных переговорах Бевина – Бидо и что для СССР представлялось потенциально неприемлемым в позиции Великобритании, Франции и стоявших за ними США. Это, во-первых, просочившаяся в печать информация о стремлении Запада включить в план реконструкции Европы вопрос о восстановлении германской экономики как части западноевропейской, что вызвало раскол во мнениях между СССР и его партнерами на Московской сессии министров иностранных дел (весна 1947 г.). Во-вторых, "Правда" выделяла информацию об англо-французском желании создать надгосударственный орган (где СССР был бы в меньшинстве) – европейскую экономическую комиссию для реализации плана Маршалла. В-третьих, московскую печать, т.е. кремлевское руководство, беспокоил и им до конца не был выяснен вопрос о форме предоставления экономической помощи: кредиты (что было для СССР желательно) или "замена их новым европейским сотрудничеством" (что характеризовалось советским послом в США Н.В. Новиковым в телеграмме от 9 июня 1947 г. как прообраз "направленного против нас западно-европейского блока" [22. Д. 236. П. 20. Л. 1]). К чему должно было привести в этих условиях участие СССР на совещании трех министров иностранных дел в Париже? Советский Союз хотел предложить иной принцип реализации плана Маршалла, предусматривающий поддержку стран, экономика которых наиболее пострадала в

годы войны (имея в виду *всю* Восточную Европу) на основе двусторонних отношений.

Возвращаясь к Польше, следует отметить, что результатом консультаций правительства и руководства ППР с СССР, а также с польскими посольствами в Вашингтоне, Лондоне и Париже стало решение заседания Политбюро ЦК ППР от 14 июня 1947 г. (девять дней спустя после выступления Маршалла), состоящее из следующих положений: 1) "после слушания выступлений о плане Якуба Бермана и Хилари Минца решено обсудить [вопрос] с СССР"; 2) "наша позиция в отношении плана Маршалла должна быть выжидательной" [19. 22 VI].

Приглашение СССР к предварительному обсуждению в составе трех министров иностранных дел предложения Маршалла, решение об участии в нем В. Молотова совпало по времени с сообщением в "Правде" о заявлении (от 21 июня) представителя английского МИДа о наличии в портфеле Уайт-холла запросов об участии в американском плане ряда западноевропейских стран и отсутствии информации о позиции восточноевропейских государств [22. Д. 214. П. 18. Л. 19]. 22 июня 1947 г. советским послом в Варшаве, Праге и Белграде была передана телеграмма. Послы должны были передать лично Б. Беруту, К. Готвальду и И.Б. Тито следующее: "Мы считаем желательным, чтобы дружественные союзные страны со своей стороны проявили соответствующую инициативу по обеспечению своего участия в разработке указанных экономических мероприятий и заявили свои претензии, имея в виду, что некоторые европейские страны (Голландия, Бельгия) уже выступили с такими пожеланиями" [22. Д. 236. П. 20. Л. 2]. При этом СССР предлагал выдвинуть требование об оказании предпочтения при получении американских кредитов европейским странам, в наибольшей степени пострадавшим от нацистской агрессии.

Здесь для Польши начался определенный этап, связанный с ее дипломатической активностью за несколько дней и в течение самого совещания трех министров иностранных дел в Париже по вопросу разработки позиции СССР, Великобритании и Франции по отношению к предложению Маршалла (27 июня – 2 июля 1947 г.). Первая официальная польская реакция на план Маршалла прозвучала 23 июня, когда глава польского внешнеполитического ведомства ПНР З. Модзелевский обратился с официальными посланиями к правительствам СССР, Великобритании и Франции, где заявлял о заинтересованности Польши в плане Маршалла; о стремлении польского правительства быть информированным о ходе конференции трех министров в Париже; о готовности принять участие в обмене мнениями и предложениями по этому вопросу на международном форуме. На следующий день в интервью Модзелевского корреспонденту "Polska agencja Prasowa" эти же тезисы были представлены в более широком варианте. Появились первые (аналогичные – в советской печати), хотя и носившие косвенный характер, упреки относительно предложения Маршалла – это касалось вопроса о неясности самого плана. "Случайная информация, поступившая в основном через прессу", – так формулировал свои претензии министр. Затем в выступлении Модзелевского можно выделить мысль о необходимости при восстановлении Европы "прежде всего" обратить внимание на страны, "которые испытали германскую оккупацию". В заключение подчеркивалось, что Польша "хочет участвовать в восстановлении Европы" и что составной частью восстановления Европы должно стать восстановление Польши [18].

Мы не знаем всех перипетий подготовки советской делегации к совещанию министров иностранных дел трех держав в Париже. В архиве МИДа, в документах секретариата Молотова в папке с директивами Советской делегации для этого совещания отсутствуют обозначенные в перечне "указания советским послам в Польше, Чехословакии и Югославии". Поэтому мы не можем с необходимой мерой точности определить, как осуществлялась координаторская деятельность советского посла в Варшаве В.З. Лебедева, однако, следы этой активности видны в заявлениях Модзелевского, в частности ряд вышеназванных положений его речей совпадает с аналогичными положениями готовившихся в ведомстве Молотова проектов "Директив

Советской делегации на Совещании министров иностранных дел СССР, Великобритании и Франции в Париже" [22. Д. 217. Л. 8–12].

В переданном 22 июня сообщении варшавского корреспондента "Manchester Guardian", основанном "на сведениях из полуофициальных источников", содержались четыре условия участия Польши в обсуждении плана Маршалла. "...1) Страны, стремящиеся получить помощь, должны сами решать вопрос о характере этой помощи; 2) оказание помощи не должно сопровождаться какими-либо политическими условиями; 3) никакой вид помощи, которую США намереваются оказать, никогда не должен использоваться для оказания какого-либо политического нажима и 4) обсуждение плана Маршалла должно быть связано с деятельностью Экономической комиссии для Европы". Эти пункты, так же как и речи Модзелевского, повторяют аналогичные разделы проекта "Директив" [22. Д. 214. П. 18. Л. 8–13]. Кроме того, подобные свидетельства из "полуофициальных источников", помимо сохранения следов координации действий со стороны Москвы в отношении Варшавы в такой важной проблеме, каковой являлся план Маршалла, выполняли еще и функцию обозначения для Запада тех пунктов предложения Маршалла, которые в перспективе были бы неприемлемы для Польши, а через нее – и для СССР.

Если официальный тон Польши в отношении плана Маршалла был в целом выходящим и сдержанным, то тон коммунистической печати (на что обращали внимание западные комментаторы) был откровенно негативным. Так, лондонское радио в обзоре польских газет от 23 июня выделило коммунистическую "Głos ludu", где содержались негативные оценки выступления министра иностранных дел Великобритании Бевина. Последний обвинялся в том, что его предложения в развитие плана Маршалла привели бы к расколу Европы; а его идеи о возрождении промышленного потенциала Германии, "в результате чего Германия должна была стать господствующей страной Европы", обозначались как неприемлемые для национальных интересов страны [23. 25 VI].

Наиболее развернутый идеологический анализ и одновременно план по использованию и переориентации предложения Маршалла в интересах нарождавшегося "советского блока", и Польши в том числе, были даны в депеше от 26 июня крупного польского экономиста, постоянного представителя страны в ООН О. Ланге министрам Модзелевскому и Минцу. В ней Ланге писал: "Все еще трудно понять, является ли так называемый план Маршалла добросовестным планом восстановления всей Европы или же закамуфлированной попыткой создания экономического западного блока. С одной стороны, длительное время существует тенденция переосмысления доктрины Трумэна в политику вмешательства с помощью экономических средств. С другой стороны, во многих правительственных кругах существует убеждение, что восстановление Западной Европы невозможно без восточной ее части. Это объясняется тем, что на восточноевропейских рынках Западная Европа или будет конкурентом Америки, или ее нужно будет финансово поддерживать.

У меня создалось впечатление, что обе эти тенденции пересекаются в плане Маршалла. Я хотел бы, однако, добавить, что план, который не имел бы антисоветской направленности, с трудом получит одобрение Конгресса... Независимо от того, задуман ли он честно или же нет, он нам может оказать важные услуги..."

Ланге считал, что план Маршалла опосредованно может привести к усилению экономического сотрудничества между европейскими странами. Польша, по его мнению, должна была бы в случае обсуждения американского предложения на международном форуме требовать: 1) чтобы все финансовые проекты касались исключительно производственной сферы; 2) чтобы финансовые проекты не использовались в политических целях; 3) реализация плана проходила под эгидой ООН, для предотвращения его использования в целях создания западного блока [18].

После того как советская делегация покинула 2 июля парижскую конференцию трех министров, для Польши кончился начатый по указанию СССР 21 июля этап, который польский посол в Лондоне Т. Лыховски определил как попытку "любой

ценой проскользнуть на европейские экономические переговоры". Е. Путрамент, посол Польши в Париже, докладывал 2 июля в Варшаву о беседе с В. Молотовым: "Он считает, что франко-английский план будет иметь целью подчинение и ослабление малых европейских государств... Заключительный тон советского заявления очень решительный" [24]. Таким образом, завершился этап, когда усилия Польши были направлены на то, чтобы посредством участия в плане восстановления Европы получить американские кредиты на реализацию трехлетки и восстановления хозяйства: именно как "кредиты", "долларовые или товарные", понимали или стремились толковать американскую экономическую помощь в Варшаве. Именно в направлении превращения плана Маршалла в план "распределения кредитов" по потребностям отдельных стран и была направлена активность польской дипломатии. Так, в польском меморандуме, переданном 24 июня Виневичем помощнику государственного секретаря США У. Ловетту "предоставление подробной информации об экономическом положении" страны в связи с планом Маршалла рассматривалось как условие предоставления экономической помощи, т.е. помощь трактовалась как часть двусторонних польско-американских отношений [25. S. 396]. Такая трактовка позволяла строить контролируемые экономические отношения с Западом и избежать втягивания в систему многосторонней европейской и мировой торговли, что неизбежно внесло бы коррективы в амбициозные планы "восстановления и развития" экономик "народных демократий" и грозило бы создававшимся в этих странах режимам.

Кроме того, думается, жесткая позиция Кремля в отношении предложения Маршалла, вынудившая Польшу отказаться от линии действий, разработанной О. Ланге, объяснялась также чисто политическими соображениями: стремлением не позволить Западу получить возможность влиять на положение в странах Восточной Европы, рассматривавшихся как советская сфера влияния.

Отказ Советского Союза от участия в плане Маршалла по существу предопределил отрицательную позицию ориентировавшихся на него коммунистических партий и правительств стран Восточной Европы. Однако этим странам отводилась определенная роль и на этапе после провала Парижского совещания и ухода с него советской делегации – этапе созыва общеевропейского совещания по плану Маршалла, открытие которого намечалось на 12 июля 1947 г. в Париже. 4 июля Польша получила приглашение Англии и Франции участвовать в нем. В связи с предложением Маршалла на конференции должны были быть созданы комиссия и четыре подкомиссии для реализации плана [24]. На данном этапе разработки отношения Польши к предложению Маршалла ее поведение напрямую реагировало на изменяющуюся и колеблющуюся позицию Москвы. 4 июля в секретной телеграмме от ЦК ВКП(б) Беруту, Дежу, Димитрову, Ракоши, Готвальду, Куусинену, Ходже намечалась линия поведения, которой они должны были руководствоваться при принятии правительством своих решений. "Мы думаем, – передавалось в телеграмме, – что лучше было бы не отказываться от участия в этом совещании, а послать туда свои делегации с тем, чтобы на самом совещании показать неприемлемость англо-французского плана, не допустить единогласного принятия этого плана и потом уйти с совещания, уведя с собой возможно больше делегатов других стран" [22. Д. 236. П. 20. Л. 2].

В связи с этим указанием министр иностранных дел Польши Модзелевский писал 7 июля Виневичу в Вашингтон, что "в Париж мы склонны поехать. Окончательное решение правительства будет принято в ближайшее время" [18]. Также и в протоколе Политбюро ППР от 3 июля отмечалось, что "наша [польская] позиция в вопросе плана Маршалла требует еще осторожности. Мы не будем сразу негативно выступать по этому вопросу" [26].

9 июля новый американский посол в Польше У. Гриффит, вручая свои верительные грамоты, выразил удовлетворение в связи с предполагаемым участием Польши в конференции в Париже. Он даже назвал это решение "поворотным пунктом в польско-американских отношениях". Однако к этому времени советское руководство

осуществило крутой вираж в вопросе присутствия "народных демократий" на конференции: оно "отменило" в очередной телеграмме от 7 июля "свою телеграмму от 5 июля и предложило отказаться от участия в совещании, т.е. не посылать делегаций на совещание". При этом в качестве "вновь открывшихся обстоятельств", требовавших подобного поворота событий, приводились старые аргументы: несоблюдение в плане Маршалла суверенитета малых стран и стремление с помощью "плана" создать западный блок с включением в него Западной Германии [22. Д. 236. П. 20. Л. 5]. На самом же деле это обусловили все те же соображения о неприкосновенности сферы влияния в Восточной Европе, которую СССР считал своей, а также опасения возможной непредсказуемости поведения делегаций восточноевропейских стран в Париже.

В рамках своего указания от 7 июля Москва начала осуществлять нажим на Польшу, чтобы получить от нее официальный отказ от участия в конференции. 6 июля В.М. Молотов имел телефонный разговор с президентом Польши Б. Берутом, во время которого тот сообщил советскому министру иностранных дел проект ответа польского правительства на англо-французское предложение принять участие в совещании всех европейских стран для обсуждения предложения Маршалла. Проект был подготовлен руководством ПНР и носил уклончивый характер: "Принимаем приглашение, оставляя за собой право выдвинуть свои соображения как по существу, так и по процедурным вопросам, затронутым в приглашении". Через час после телефонного разговора Берут пригласил к себе советского посла В.З. Лебедева и подчеркнул, что сообщенный Молотову проект ответа носит предварительный характер, так как еще не принят правительством. Берут просил сообщить ему московский вариант ответа. Он интересовался: может быть, лучше другой вариант: "Принимаем приглашение, оставляя за собой право выдвинуть свои соображения по вопросам, затронутым в приглашении". В беседе с Лебедевым польский президент отметил, что возможно принятие какого-либо третьего варианта, рекомендованного Молотовым, т.е. каждый шаг Варшавы согласовывался с Москвой.

Однако уклончивая позиция польского руководства явно не устраивала Кремль. Москва пошла на явную дезинформацию и грубый нажим. 7 июля агентство ТАСС передало сообщение из Парижа: "Здесь стало известно, что правительства Польши и Югославии решили не принимать участия в Парижском совещании 12 июля. Указывают, что Польша и Югославия охотно приняли бы кредиты от Соединенных Штатов и аккуратно выполнили бы справедливые условия кредита. Но они предпочитают иметь дело непосредственно с кредитором и по возможности без посредников" [22. Д. 236. П. 20. Л. 6-7].

Публикация этого сообщения ТАСС поставила польское руководство в чрезвычайно неудобное положение. На следующий день советский посол Лебедев передал Молотову срочную телефонограмму: "8 июля в 6 часов вечера по варшавскому времени президент Берут пригласил меня к себе и в присутствии Модзелевского официально заявил, что в связи с публикацией агентством ТАСС сообщения об отклонении Польшей в числе других стран предложения участвовать на конференции в Париже, созываемой 12 июля по поводу американской помощи в восстановлении Европы, он обращает внимание Советского правительства на то обстоятельство, что польское правительство никакого решения по этому вопросу не принимало, вследствие чего было бы желательным, чтобы агентство ТАСС как можно скорее внесло надлежащую поправку в свое сообщение. Делая мне это заявление, Берут был очень взволнован, так как такое сообщение ТАСС, по его мнению, ставит руководство ПНР в очень трудное положение в отношении их партнеров по демократическому блоку" [22. Д. 236. П. 20. Л. 7]. Поправки к сообщению ТАСС опубликовано не было.

Очевидно, процесс выработки польского ответа, который удовлетворил бы Москву, был нелегким делом. Соответствующее решение правительства было принято только 9 июля. В отчете советского посольства в Польше докладывалось, что "на первой стадии, когда вопрос обсуждался в узком кругу руководства ПНР, имели место

серьезные колебания, обусловленные боязнью того, что польский народ не поймет отказа Правительства от помощи, когда ему ее предлагают. Было также опасение, что другие партии, в первую очередь ППС (Польская социалистическая партия) не поддержат взглядов ППР, исходящих из невозможности принятия плана Маршалла для Польши. Вопрос очень удачно разрешился из-за того, что одновременно было обнаружено ядро плана Маршалла в отношении Германии. Тезис о том, что план Маршалла является планом восстановления промышленной мощи Германии, оказался наиболее убедительным как для самого руководства ППР, так и в аргументации, представленной этим руководством другим партиям..." [17. Л. 3].

Отказ от участия в плане Маршалла не означал для Польши окончания истории этого вопроса. Для правительства начался этап борьбы за неформальное участие в экономическом восстановлении Европы. Важнейшим его козырем, как говорилось выше, являлось наличие в стране вторых по величине после Рура запасов каменного угля на континенте. Потребность в польском угле в Западной Европе была так велика, что Польша могла рассчитывать на кредиты Международного банка реконструкции и развития (МБРР) для помощи своей угольной промышленности, без которых экспорт угля на Запад континента был бы затруднен [21. Д. 237. П. 20. Л. 9]. После отказа страны от участия в плане Маршалла кредиты МБРР являлись последней надеждой на серьезную помощь Польше в вопросах восстановления. Польша являлась членом МБРР с его основания в 1946 г. и имела золото и твердую валюту на депозите банка. Поляки рассчитывали на то, что устав банка, запрещавший дискриминацию по политическим мотивам, открывает им дорогу для получения займов.

Просьбы о кредитах со стороны Польши для целей восстановления, в том числе для развития своей угольной промышленности, начались еще в 1946 г. На объединенной сессии МБРР и Международного денежного фонда в г. Саванне в 1946 г. президент Польского национального банка Э. Дрозняк говорил, что "мы везде встречали большой интерес в вопросе восстановления экономической жизни в нашей стране". У. Клейтон, глава экономического отдела в госдепартаменте и один из будущих авторов плана Маршалла, в тот период поддерживал польские обращения (особенно после тяжелой для страны зимы 1946/47 г.) Его расчеты строились на том, что Польша обеспечивала около 15% западноевропейских потребностей в угле в 1946 г. и была надежда на увеличение этого процента с помощью предоставления кредита. Клейтон также надеялся, что кредиты сделают Польшу более экономически независимой от СССР [27; 28. Р. 481].

Со своей стороны польское руководство готово было пойти на определенные компромиссы, чтобы получить кредиты МБРР. Так, один из депутатов от Социалистической партии весной 1946 г. заявлял на заседании, что в этих целях Польша "должна говорить языком (капиталистических) стран и обеспечить им минимум экономического дохода, что оправдает вложение их средств в реконструкцию" страны [29]. Кредитные вливания в экономику были необходимы для выполнения трехлетнего плана в полном объеме. Правительство предполагало, что на эти цели требуется 600 млн долл. иностранных кредитов, из которых 375,5 млн долл. оно рассчитывало получить в МБРР [28. Р. 482]. Летом 1947 г. Польша просила от этого банка кредит в 130 млн долл. специально для развития угольной промышленности и смежных отраслей, мотивируя свою просьбу тем, что кредит необходим для увеличения экспорта в Европу³. Польша также ожидала получить и дополнительные займы от МБРР под развитие сельскохозяйственной промышленности, которую Минц рассматривал в качестве одной из приоритетных отраслей экономики страны.

Для ознакомления с фактическим положением дел в Польшу была приглашена в июне 1947 г. миссия МБРР. На пресс-конференции представители банка обозначили

³ Вначале министр промышленности Г. Минц обратился с просьбой о кредите в 600 млн долл., считая, по-видимому, что он получит гораздо меньше [28. Р. 482].

двойственный подход к вопросу о кредитах Польше: с одной стороны, они ясно дали понять, что восстановление Западной Европы имеет для них приоритетное значение, а с другой – что важность увеличения экспорта польского угля на Запад континента превышает для них все идеолого-политические соображения [23. 11 V]. В течение месяца миссия изучала экономическое положение в стране, обращая особое внимание на положение в угольной промышленности Силезии. Визит миссии по времени совпал с обсуждением, а затем и отказом от участия в плане Маршалла. Хотя польское правительство использовало тезис об опасности нарушения экономического суверенитета страны как предлог для своих действий, в вопросе об условиях предоставления кредитов оно со своей стороны было очень гибким: Минц обещал банку "определенный голос" в вопросе о размерах и направлениях при распределении экспорта угля и давал гарантии, что часть полученной выручки от этих операций пойдет на уплату по займу [28. Р. 482]. К августу 1947 г. Варшава начала проявлять нетерпение в связи с затягиванием МБРР решения о предоставлении Польше кредитов. Польский министр финансов К. Домбровский заявил, что в случае отказа Польше в займе она выйдет из МБРР [30].

В целом после отказа Польши от участия в плане Маршалла позицию МБРР по вопросу предоставления стране кредитов можно охарактеризовать как двойственную и колеблющуюся. Наряду с признанием руководством банка обоснованности польской просьбы и необходимости увеличения польского угольного экспорта в Европу, отношение банка к этому вопросу все больше и больше определялось политическими мотивами и позицией США. Затяжной характер переговоров по польскому кредиту определялся именно двумя этими причинами, и поведение на переговорах банка можно определить двумя словами: "хочется и колется". Кредит Польше носил исключительно экономический характер, поэтому ряд высокопоставленных представителей банка его поддерживал (хотя и с политическими оговорками). Именно такую позицию занимал президент банка Дж. МакКлой на протяжении 1947–1948 годов; аналогичной, но с большими оговорками касательно уменьшения общей суммы кредитов, являлась позиция вице-президента МБРР Р. Гарнера.

Кроме того, осенью 1947 г. сам банк официально давал польскому правительству авансы в вопросе о предоставлении кредитов. Так, 11 сентября 1947 г. банк информировал польского посла в Вашингтоне Виневича, что шансы Польши на получение займа улучшились, так как в деловых и политических кругах укрепилось понимание того факта, что европейское восстановление будет торжеством без увеличения поставок польского угля. В связи с этой информацией Виневич рекомендовал, чтобы польское правительство активизировало свою позицию и усилило давление на банк для получения кредита [28. Р. 485]. В ответ на переданную Виневичем информацию министр иностранных дел Польши Модзелевский лично обратился к государственному секретарю США Маршаллу во время своего визита в страну в сентябре 1947 г. с вопросом о кредитах. Он подчеркнул, что Польша строит свою политику, основываясь на поддержании хороших отношений как с Западом, так и с Востоком, и заверял, что дружественные отношения страны с Советским Союзом не исключают сохранения плодотворных связей с Соединенными Штатами [28. Р. 486]. Модзелевский также информировал, что Польша планирует экспортировать 35 млн тонн угля в 1949 г., но текущий экспорт угля достигает лишь 20 млн тонн из-за отсутствия средств на покупку новых машин: 1/3 добываемого угля шла в Советский Союз, 2/3 – в остальные страны Европы. Для увеличения экспорта – резюмировал Модзелевский – Польше были необходимы кредиты и займы Соединенных Штатов и МБРР. Маршалл на словах уверял Модзелевского в заинтересованности США в получении кредитов через МБРР. В действительности он прекрасно понимал, что предоставление Польше кредитов как банком, так и Соединенными Штатами серьезно осложнило бы позицию администрации при прохождении и утверждении плана Маршалла в Конгрессе, учитывая антикоммунистическую аргументацию плана [10. V. II. Р. 446–452].

Следующим шансом для поляков в лоббировании "угольного" кредита явился визит МакКлоя в Силезию в начале октября 1947 г., в ходе которого он занял чрезвычайно осторожную позицию в вопросе предоставления кредитов: к этому времени ему была известна негативная реакция госдепартамента США в данном вопросе. При обсуждении итогов визита с послом Польши в США Виневишем его уклончивая позиция, однако, была окрашена в излишне мажорные тона. Первый вывод МакКлоя состоял в том, что Польша успешно самостоятельно осуществляет восстановление экономики страны; второй – что польское обращение к МБРР о кредитах "наиболее обосновано" среди множества других просьб [25. S. 397]. Такую же двойственную (хотя и более идеологизированную) позицию в вопросе о кредитах Польше занял и американский посол в Варшаве У. Гриффит, когда 15 октября 1947 г. было затребовано его мнение по этому вопросу. С одной стороны, он считал опасным выделение денежных средств стране, "находящейся под властью Советов", полагая, что эти средства могут попадать через Польшу в СССР; а с другой стороны, он рекомендовал поддержать предоставление стране кредитов из-за потребностей Западной Европы в польском угле [28. P. 486].

В январе 1948 г. МакКлой, чувствуя, что банк не может дольше затягивать решение о предоставлении кредита, заявил в госдепартаменте, что решение должно быть немедленно принято и что банковский устав решительно запрещает отказывать в кредитах по политическим соображениям. К этому времени он уже знал об отрицательной позиции министра финансов в вопросе предоставления кредита Польше. Согласие госдепартамента взять на себя ответственность за негативное отношение в вопросе о кредите Польше дало возможность МакКлою отложить вопрос о кредите и избежать обвинений в политической дискриминации страны.

Негативное отношение госдепартамента к вопросу о предоставлении кредита Польше объяснялось, как указывалось выше, не только необходимостью согласования принципов плана Маршалла с возможностью получения кредитов коммунистической страной, не являвшейся участницей плана, но также углублением раскола мира на два противоположных блока после прихода к власти коммунистов в Чехословакии в феврале 1948 г. и ускорившимся процессом структурирования обоих блоков. В экономической области структурирование проявилось в появлении и оформлении на Западе, в первую очередь в США, системы лицензионного контроля на торговые операции со странами формирующегося на Востоке блока. Эта система была тесно связана с идеологией и практикой плана Маршалла. Один из основных принципов плана – национальное использование и распределение ресурсов, а также регулирование экспорта недостающих в послевоенных условиях в Западной Европе товаров – в обстановке нарастания межблоковой конфронтации привел к появлению системы получения разрешений (лицензий) на торговлю теми или иными товарами со странами блока. Кроме того, приостановка Соединенными Штатами рассмотрения вопроса о предоставлении кредитов Польше была вызвана тем фактом, что успехи в восстановлении, которых добилась страна, давали надежду, что ей удастся сохранить и без кредитов темпы поставок угля в Западную Европу. В 1946 г. Польша поставила в этот регион около 15% угля, в 1949 г. – уже 25%.

Замораживание вопроса о кредитах Польше с помощью МБРР и введение системы лицензирования в торговле Западом со странами восточного блока не означали прекращения торговых, в первую очередь – "угольных", отношений Польши с западноевропейскими государствами и США. Приостановка рассмотрения этого вопроса просто означала начало нового этапа в поисках стимулирования экспорта польского угля в западноевропейские страны.

Отдел угля при Маршалловской Администрации по экономическому сотрудничеству имел полное представление о размерах потребности Европы в польском угле. По расчетам отдела, потребность стран, принявших план Маршалла, в угле должна была достичь 58 млн тонн в 1948 г., 50 млн тонн в 1949 г., 42 млн тонн в 1950 г. и 37 млн тонн в 1951 г. Экспорт английского и западногерманского угля не мог

восполнить эти нужды, поэтому Администрация по экономическому сотрудничеству включала польский уголь в качестве одного из факторов процесса западноевропейского восстановления [12. W 80. T. 1376. S. 11–19]. Важность поставок польского угля была так велика, что Администрация плана разрешила выделить в 1948 г. 11,2 млн долл. из фонда Европейской программы восстановления (официальное название плана Маршалла) и еще несколько миллионов – к середине 1949 г. на закупку польского угля [31].

Однако как в руководстве Администрации плана Маршалла, так и в госдепартаменте США не было однозначного отношения к этому вопросу. Как отмечалось выше, процесс западноевропейского восстановления значительно тормозился, а по некоторым современным оценкам, был поставлен под угрозу из-за необходимости закупки странами-участницами плана Маршалла высококачественного американского угля [28. P. 489]. Отдел экономических отношений госдепартамента, Объединенный комитет начальников штабов и отдел угля при Администрации Маршалла стремились заменить польский экспорт американским угольным экспортом. Однако уже в конце 1948 г. госдепартамент начал занимать более реалистическую позицию: результатом явился доклад президенту Трумэну, в котором рекомендовалось, учитывая избыток запасов хлопка в США, начать продавать хлопок в Польше в ответ на увеличение польского экспорта угля в Западную Европу. При этом американцы советовали Варшаве действовать через европейские страны-участницы плана Маршалла, получавшие через европейские структуры плана американский хлопок. Со стороны Москвы не наблюдалось давления на Польшу по этому вопросу. Можно предположить, что в условиях обострения конфронтации между двумя сформировавшимися лагерями Советский Союз был заинтересован в сохранении внутри страны стратегического сырья – хлопка и в пополнении запасов польских текстильных фабрик не за счет собственных ресурсов, а за счет Запада. Таким образом, при согласии, с одной стороны – США, а с другой – СССР, Польша продолжала развивать свои торговые отношения с западноевропейскими странами, несмотря на утверждение в 1948–1949 гг. в США политики экономического эмбарго на торговлю со странами коммунистического блока и постепенное охватывание ею Западной Европы. Западноевропейская торговля с Польшей постоянно росла до тех пор, пока США не потребовали в период Корейской войны от стран-участниц плана Маршалла осуществления политики строгого торгового эмбарго в отношениях с восточноевропейскими странами, в том числе и с Польшей, что привело к значительному снижению в течение ряда лет, приходящихся на разгар "холодной войны" (в 1951–1953 гг.), товарооборота этих государств с Западом.

Таким образом, несмотря на фактический отказ Польши от участия в плане Маршалла и возникшие в связи с этим формальные затруднения в развитии экономических отношений страны с США и западноевропейскими государствами, энергетические потребности последних были столь велики, что ПНР, благодаря своим запасам каменного угля, оказалась задействованной в плане неформальным путем, внося значительный вклад в послевоенное восстановление континента.

Парадокс ситуации состоял в том, что это происходило именно на тех принципах, реализации которых и добивался СССР на Парижской встрече трех министров иностранных дел, т.е. на принципах получения от Запада кредитов без реорганизации собственной экономики. В то время, как запад континента начал переходить к промышленности тонких технологий, получаемые от торговли углем валютные поступления и кредиты на развитие данной области промышленности шли в конечном счете на развитие тяжелой индустрии, на реализацию "советской" экономической модели развития. Это предопределило архаизацию и отставание экономики страны, надеждам на альтернативное развитие которых был положен конец в результате отказа Польши от участия в плане Маршалла по полной его схеме.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Rzeczpospolita. 1945. 9 XII; 1947. 10, 12, 17 II; 18 IX.
2. *Jaroś J.* Historia Górnictwa węglowego w Polsce Ludowej (1945–1970). Warszawa; Krakow. 1973. S. 40.
3. Gospodarka Planowa.
4. Rzeczpospolita. 1947. 3 XII.
5. *Wieczorek E.* Więgiel polski na tle sytuacji światowej. Gdańsk, 1946. S. 19–20.
6. Życie Gospodarcze. 1948. № 20–21. S. 851.
7. Polska Ludowa – Związek Radziecki. 1944–1974. Warszawa, 1974. S. 86–88.
8. *Парсаданова И.С.* Советско-польские отношения 1945–1949. М., 1990. С. 94; ГАРФ. Ф. 4459. Оп. 24. Д. 425. Л. 123.
9. *Skoldarski J.* Międzynarodowe stosunki ekonomiczne Polski w latach 1945–1955. Łódź, 1990. S. 99–100.
10. Foreign Relation of the United States 1947. Washington, 1972.
11. The Departament of State Bulletin. 1947. February 16. P. 299.
12. Archiwum Ministerstwa Spraw Zagranicznych (далее – AMSZ). Z. 6.
13. *Lukas R.G.* Bitter Legacy. Polish – American Relations in the Wake of World War II. Kentucky. 1982. P. 9.
14. *Sharp T.* The Origins of the Teheran Formula on Polish Frontier // Journal of Contemporary History. 1977. № 12. P. 381, 393.
15. Bullock A. Ernest Bevin. Foreign Secretary 1945–1951. London, 1983. P. 25, 131, 267.
16. Zbiór dokumentow № 20. 1947. S. 213–220.
17. Архив внешней политики РФ (далее АВП РФ). Ф. 0122. Оп. 30а. Д. 3. П. 247. Л. 5.
18. AMSZ. Z.D. W 10. T. 113.
19. Правда. 1947.
20. АВП РФ. Ф. 059. Оп. 18. Д. 250. П. 39. Л. 209.
21. АВП РФ. Ф. 6. Оп. 9.
22. АВП РФ. Ф. 06. Оп. 9.
23. New York Times. 1947.
24. AMSZ. Z.D. W 9. T. 98.
25. *Winiewicz J.* Co pamiętam z długiej drogi życia. Poznań, 1985.
26. *Kaliński J.* Zmiana dekoracji // Przegląd Tygodniowy. 1988 14 II.
27. Rzeczpospolita. 1946. 30 IV.
28. *Anderson Sh.* Poland and the Marshall. Plan. 1947–1949 // The Diplomatie History. 1991. V. 15. № 4.
29. Przegląd Socialistyczny. 1946. Marzec. S. 8.
30. *Bobrowski Cz.* Wspomnienia za stulecia. Lublin, 1985. S. 54.
31. *Wexler I.* The Marshall Plan Revisited. The European Recovery Program in Economic Perspectiv. Westport, 1983. P. 79.



© 1998 г. СТЫКАЛИН А.С.

"ПРАЖСКАЯ ВЕСНА" 1968 ГОДА И ПОЗИЦИЯ ВЕНГРИИ

Предпринятая в Чехословакии весной–летом 1968 г. попытка реформировать социализм, придать ему более гуманный облик, вызвала, как известно, острую реакцию официальной Москвы. В чехословацком "социализме с человеческим лицом" руководство СССР увидело не только угрозу своему влиянию в одной из наиболее развитых стран советского блока, но и определенную альтернативу единственно приемлемой для него советской модели социализма, опасную в силу своей притягательности для коммунистов других стран. Военное вмешательство стран-союзников по Варшавскому договору в ночь на 21 августа 1968 г. положило конец одному из наиболее интригующих социальных экспериментов второй половины XX в.

События тех месяцев в Чехословакии и вокруг нее стали предметом обширной историографии. К свидетельствам их непосредственных участников, впервые опубликованным на Западе (см.: [1, 2]), и к написанным в 1970–1980-е годы работам западных авторов (см.: [3]) в последние пять-шесть лет прибавились исследования чешских, российских и американских историков, опирающиеся на рассекреченные документы из московских и пражских архивов (среди работ российских авторов см.: [4–9]). В них всесторонне анализируется советская политика, проливается свет на обстоятельства подготовки военного вмешательства, рассматривается международный отклик на действия СССР. Однако и по сегодняшний день тему нельзя считать исчерпанной, остаются без ответа многие конкретные вопросы. Иногда в литературе выдвигаются новые версии тех или иных уже давно, казалось бы, изученных событий "пражской весны" и горячего лета 1968 г., причем версии не всегда должным образом аргументированные и подкрепленные ссылками на источники. Так, например, вопреки устоявшемуся в историографии мнению о том, что Я. Кадар не в пример лидерам других стран-участниц совместной акции долгое время противился военным планам, упорно отстаивая политический способ урегулирования конфликта, историк Р.Г. Пихоя утверждает, что именно венгерский руководитель особенно рьяно побуждал Москву к решительным действиям и даже бежал "вперед паровоза", проведя, например, в Венгрии частичную мобилизацию еще до принципиального решения о военном вторжении [10]. Недостаток ссылок на документы он компенсирует безупречной логической комбинацией. Согласно его схеме, Кадар в 1968 г. был более других заинтересован в розыгрыше венгерского сценария 1956 г., ибо установление в Чехословакии "революционного" правительства по венгерскому образцу стало бы для него лучшим способом легитимации – пусть весь мир, а в первую очередь сами венгры, вкушающие первые плоды экономических реформ и уже склонные в

Стыкалин Александр Сергеевич – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

подавляющем большинстве своем к примирению с режимом, снова воочию увидят в действии железную историческую логику: любой, кто ослушался воли Москвы, будет неминуемо наказан, а потому высшее проявление государственной мудрости заключается не в конфронтации с великим восточным соседом, а в компромиссе, в том, чтобы, сначала завоевав доверие Кремля, постепенно, взамен за послушание в принципиальных вопросах международной политики, отвоевать для себя более широкое поле для самостоятельного внутривластного маневра, получить относительную свободу рук при проведении реформ. Советское вмешательство в Чехословакию, таким образом, должно было послужить для Кадара историческим оправданием, снять с него значительную долю ответственности за нелегитимный приход к власти и жесткую политику в первые годы своего правления. Что и говорить, такая версия меняет наши представления о соотношении в 1968 г. сил между сторонниками и противниками военного решения. Но подтверждает ли ее реальная картина венгеро-чехословацких отношений в те месяцы?

Отстранение А. Новотного от обязанностей первого секретаря ЦК КПЧ в начале января 1968 г. не было неожиданностью для советского руководства, спокойно был воспринят им и факт избрания на этот пост А. Дубчека. Нового лидера не только знали как человека, прошедшего выучку в СССР, в нем видели фигуру компромиссную, способную примирить умеренных чешских сталинистов с умеренными чешскими же либералами, и тех, и других со словацкой партократией, даже самые ортодоксальные представители которой (вроде В. Биляка) были вечно недовольны "прагоцентризмом" Новотного.

Брежневское руководство, знавшее о "ревизионистских" проявлениях в этой стране (съезд писателей 1967 г. и т.д.), вместе с тем было пока еще достаточно уверено в своей способности противостоять их влиянию на умы советской интеллигенции. Однако лидеры некоторых братских режимов, не обладавших таким же запасом прочности, отреагировали на избрание Дубчека более "кисло", подозревая в нем слишком уступчивого политика. Особенно откровенно выразил свое неудовольствие В. Ульбрихт. В Венгрии же, напротив, "смена караула" в ЧССР была встречена властью поддерживающими с известным энтузиазмом. 1 января 1968 г. в этой стране вступил в действие новый экономический механизм, предполагавший расширение самостоятельности предприятий, обеспечение некоторого простора для частнопредпринимательской инициативы. С приходом Дубчека резонно связывалось укрепление в руководстве КПЧ тех сил, которые с пониманием отнесутся к венгерским реформам и выступят в роли союзников в рамках СЭВ. Посольство ЧССР в Венгрии докладывало своему МИДу о поддержке официальным Будапештом произошедших в Праге кадровых перемен [8. С. 4].

Попытки реформ предпринимались в двух странах почти синхронно, еще при Новотном сложились тесные контакты венгерских и чехословацких экономистов-реформаторов. О. Шик, отмечая общность целей, указывает и на существенное различие: в Венгрии реформу поддерживал Кадар, нам же вплоть до начала 1968 г. приходилось преодолевать сопротивление [2. С. 210–211].

Свой имидж реформатора в глазах северных соседей Кадар подтвердил и в ходе встречи с Дубчеком на охоте в Словакии 20–21 января. Эта беседа, прошедшая в дружеской атмосфере, предшествовала поездке лидера КПЧ в Москву, первой в его новом политическом амбула. Поздравив Дубчека с избранием, многоопытный венгерский диктатор предупредил, что того ожидает на новом посту больше хлопот и забот, чем радости [11. С. 97]. Вернувшись в Будапешт, Кадар созвал 23 января Политбюро ЦК ВСРП. Решено было по возможности оказывать влияние на братские партии, формируя их мнение в пользу Дубчека [12. 36 old].

Следующая встреча лидеров двух стран состоялась 4 февраля в приграничном словацком городе Комарно. Первый секретарь ЦК КПЧ сообщил венгерскому коллеге о том, что встретил в Москве 30–31 января весьма доброжелательный прием, пожаловавшись вместе с тем на сохранявшееся недоверие со стороны руководителей

Польши, ГДР и Болгарии [12. 36 old.; 13. 38 old.]. Дубчек откровенно делился с Кадаром своими планами реформ, рассказывал о находившейся в процессе разработки Программе действий КПЧ.

21 февраля Кадар отбыл в Прагу на торжества в связи с 20-летием февральских событий 1948 г., когда коммунисты в Чехословакии единолично утвердились у власти. На широко отмечающийся юбилей прибыли представители большинства социалистических стран. В течение февраля реформаторские силы в ЧССР укрепили свои позиции в государственном аппарате и прессе. Зная об усилении "правых" тенденций, гости решили все же не омрачать юбилейных празднеств критикой в адрес хозяев. В Пражском Граде Кадар встретился не только с Дубчеком, но и с Новотным, пока еще Президентом ЧССР. Предчувствуя свой скорый уход с политической сцены и выражая недовольство своим положением, Новотный в то же время довольно сдержанно высказался о Дубчеке, заявив, что в сложившейся ситуации предпочел бы видеть во главе партии именно его, а не кого-либо из более радикальных реформаторов [13. 38 old].

Вернувшись в Будапешт и продолжая оттуда наблюдать за развитием событий в Чехословакии, Кадар стал находить основания для беспокойств. Как вспоминал он впоследствии, к этому времени в ЧССР "происходили странные вещи, звучали новые требования" [11. С. 97]. Правительство шло на уступки оппозиции, и это не могло не настораживать венгерского лидера, который сам часто прибегал к компромиссам, но при этом никогда не терял контроля за ходом событий в своей стране. В ЧССР, однако, пресса уже фактически вышла из-под партийного контроля. Возникают и очаги внепартийной оппозиции – разного рода интеллигентские клубы.

Озабоченность соседей происходящим в Чехословакии в течение марта заметно усилилась. В. Ульбрихт с "железобетонным" упорством "прусского унтера" (как называл его еще Л.П. Берия) продолжал выискивать в Праге идеологическую крамолу и прилагал очевидные усилия для установления железного занавеса уже не только на западной, но и на южной границе ГДР. "Дурной пример" чехов совершенно не давал покоя В. Гомулке, находившемуся в сложном положении – студенческие волнения в Польше достигли в марте критической точки.

В этой обстановке 23 марта руководители НРБ, ВНР, ГДР, ПНР, СССР и ЧССР съехались в Дрезден, чтобы обсудить ситуацию в Чехословакии. Дубчек и его товарищи попали под холодный душ: из уст ряда выступавших (прежде всего Ульбрихта и Гомулки) звучали заявления о том, что "контрреволюция в Праге разгуливает на свободе". Имели место и личные выпады в адрес Дубчека. Выступление Гомулки "звучало так, как будто до января никаких вообще проблем с Чехословакией не было. Беды начались в январе", – вспоминал позже Кадар [11. С. 98]. Л.И. Брежнев был в меньшей мере склонен драматизировать ситуацию, но все же указал на угрозу социализму в ЧССР: "надо действовать, что-то предпринимать", – резюмировал он [11. С. 98].

Выработка позиции Венгрии на предстоящей дрезденской встрече стала предметом обсуждения на Политбюро ЦК ВСРП 19 марта. Смысл этой позиции заключался в следующем: реформы в Чехословакии – ее внутреннее дело; руководству ВСРП следует продолжать поддерживать Дубчека и в то же время пытаться воздействовать на лидеров КПЧ, чтобы те проявляли больше осмотрительности в реформах, учитывали обеспокоенность друзей негативными явлениями [13. 39 old.]. Именно в таком духе Кадар и выступил в Дрездене. Его сдержанность особенно явно контрастировала с истерическими возгласами Гомулки. Контраст покажется тем более резким, если вспомнить, какую роль каждому из этих политиков пришлось сыграть в 1956 г. За 12 лет роли изменились. «С течением лет, – замечает польский публицист В. Ворошильский, – террор в Венгрии ослаб, обнаружился и исторический парадокс: в то время как обожаемый в Октябре (1956 г. – А.С.) "вождь нации" Гомулка постепенно загонял страну в состояние все большей политической и экономической зависимости от СССР, растущего угнетения, нищеты и лжи – ненавидимый (и справедливо)

Кадар как бы искал пути выхода из ловушки, довольно успешно пускался в экономические эксперименты, умеренно либерализировал режим, стремился прийти к соглашению с народом и его интеллигенцией» [14]. На каждом из этих двух незаурядных коммунистических политиков лежало, по выражению И. Дойчера, клеймо "Made in Stalinism" и каждый из них был готов пойти на удушение реформ, если видел в них угрозу социализму в его понимании. Однако, если Гомулка переживал весной 1968 г. острый кризис доверия, то Кадар, напротив, вознесся на пик своей внутренней популярности, а с успехом задуманной реформы рассчитывал на еще большее укрепление собственных позиций. Удар по начинаниям чехословацких коллег, менее искусных, чем он, в тактике политического маневрирования, мог отрицательно сказаться и на судьбе его реформы, а значит и на личном престиже венгерского лидера как в глазах соотечественников, так и в зарубежном общественном мнении. Все это предопределяло различия в действиях Кадара и Гомулки.

Кадар в Дрездене выразил солидарность с реформаторскими планами КПЧ. В то же время он обратил внимание и на "негативные явления", напоминающие пролог венгерской "контрреволюции" 1956 г., поскольку и контрреволюционеры "начинают с невинных студенческих демонстраций, с выдвижения рассчитанных на дешевый успех требований, легко вводящих людей в заблуждение" (цит. по: [5. С. 309]). Логика событий может привести в стан врагов и тех, кто, как Имре Надь, изначально не был контрреволюционером, отметил вождь ВСРП. Впрочем, Кадар высказал надежду, что продолжение будет не таким, как в 1956 г. в Венгрии [11. С. 99]. Он подчеркнул, что КПЧ способна справиться с трудностями собственными силами и без применения административных мер. При составлении коммюнике он просил коллег из братских партий воздержаться от положений, способных быть интерпретированными как вмешательство во внутренние дела КПЧ.

Представители КПЧ в ходе дрезденской встречи вежливо и, по мнению Кадара, "правильно отвергли те утверждения и обвинения, с которыми нельзя было согласиться" [11. С. 98–99]. Встреча прошла безрезультатно, преодолеть расхождения во взглядах на суть процессов, происходивших в ЧССР, не удалось. Особенно недовольны итогами встречи были сами хозяева. Главный идеолог СЕПГ К. Хагер 26 марта, выступая на научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения К. Маркса, положил начало открытой критике не только отдельных "ревизионистских" проявлений в ЧССР, но всей проводимой руководством КПЧ политики уступок. В справке Отдела ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран от 26 апреля отмечалось, что после дрезденской встречи товарищи из ГДР высказывались за "оказание коллективной помощи со стороны братских партий руководству ЧССР, вплоть до применения "крайних мер" для обеспечения социалистических завоеваний Чехословакии, если обстоятельства этого требуют" [15. С. 79].

В Венгрии официальная реакция на итоги встречи была иной. Член Политбюро ЦК ВСРП З. Комочин, выступая 26 марта по национальному телевидению, сказал о том, что для руководства ВСРП определяющими в оценке действий братской партии остаются решения январского пленума ЦК КПЧ, имевшие целью устранение из жизни партии и общества "недостатков" – ликвидацию пережитков культа личности, осуществление социалистической демократии, урегулирование экономических проблем. Он отметил, что в Чехословакии имеются и "нежелательные" явления (отсутствие единства в партийном руководстве, должного контроля за пропагандой, твердости в идеологической и культурной политике). Сама ситуация, заключил Комочин, требует от лидеров КПЧ ведения "борьбы на два фронта" – как против "догматических", так и против "ревизионистских" сил [15. С. 82].

Председатель Совета Министров ВНР Е. Фок, находясь 30 марта в Париже, заявил, что венгерское руководство разделяет цели, которые поставили перед собой партия, правительство и народ Чехословакии [15. С. 82]. Подобного рода заявления венгерских лидеров вызывали тем больший международный резонанс, что западные наблю-

датели уже всюду проводили параллели между развитием событий в Чехословакии и начальным этапом венгерского кризиса 1956 г. Среди прочих об этом говорил З. Бжезинский 13 марта в Колумбийском университете [8. С. 5]. Указывая на сходство процессов, западные эксперты выражали опасения и в связи с возможностью аналогичной реакции руководства СССР.

Основания для таких опасений действительно имелись, тем более, что венгерские события 1956 г. были памятные и кремлевским лидерам. Л. Брежнев, находившийся в Праге 8–9 декабря 1967 г., уже тогда указывал своим собеседникам на угрозу раскола в руководстве КПЧ, который положит начало неконтролируемому процессу, так что дело может дойти до "повторения в Чехословакии чего-то вроде венгерских событий 1956 г." (цит. по: [6. С. 161]). Весной–летом 1968 г. в ходе обсуждения на Политбюро ЦК КПСС чехословацкого вопроса Венгрия 1956 г. вспоминали постоянно. По свидетельству В.Л. Мусатова, работавшего в то время в аппарате ЦК КПСС, имевшееся в отделе по связям с компартиями социалистических стран досье с сообщениями ТАСС о венгерском кризисе было затребовано к руководству [16]. Очень веско звучал на Политбюро голос Ю. Андропова, в то время всего лишь кандидата в члены этого высшего партийного органа. В 1956 г. посол СССР в Венгрии, он так никогда и не оправился от своего "венгерского синдрома". По отзывам людей из его окружения, Андропов в течение весны и лета 1968 г. по дням сравнивал развитие событий в Чехословакии с тем, что происходило в Венгрии в 1956 г. [4. С. 171]. "Методы и формы, которыми ведется сейчас работа в Чехословакии, очень напоминают венгерские. В этом внешнем хаосе... есть свой порядок. В Венгрии тоже с этого начиналось", – заявлял Андропов на заседании Политбюро 15 марта [9. 1994. № 6. С. 9].

Венгерский опыт действительно присутствовал в сознании чехословацких реформаторов, однако выводы из него в большинстве случаев извлекались совсем не те, на которые обращал внимание Андропов. Осенью 1956 г., вспоминает З. Млынарж, сторонники обновления социализма в Чехословакии, наблюдая за ходом венгерских событий, испытали настоящий страх перед толпой, линчующей коммунистов. Этот страх помог тогда Новотному утихомирить критиков режима, он подсознательно жил в чешских реформаторах и позже, тем более, что противники перемен в свою очередь не давали этому чувству умереть [1. С. 47]. В отличие от О. Шика, поддерживавшего непосредственные связи с венгерскими экономистами, большинство чешских интеллигентов хотя и живо интересовалось происходящим у соседей, не столь уж много знало о сходных реформаторских начинаниях в Венгрии 1968 г. – мешал языковой барьер, гораздо более ощутимый, чем при контактах с польскими единомышленниками [17]. Венгерский опыт незримо присутствовал прежде всего как память о событиях 12-летней давности, в которых виделся не столько притягательный пример, сколько предостережение. Воспоминания о драматических эксцессах "будапештской" осени и жесткой реакции Москвы побуждали активистов "пражской весны" к максимальной взвешенности, продуманности каждого шага, напоминали им, насколько опасно провоцировать кремлевское руководство скоропалительными действиями, насколько важна для успеха реформ верность Чехословакии своим союзническим обязательствам.

Если реформаторы из КПЧ, усвоив уроки венгерской революции, вместе с тем в своих публичных выступлениях старались по понятным причинам всячески избегать проведения параллелей с событиями тех лет, то противники реформ, напротив, охотно воскрешали в памяти соотечественников сцены кровавых расправ над коммунистами. Аналогии с "контрреволюцией" в Венгрии проводились ими уже начиная по крайней мере с января и в беседах с советскими дипломатами [18].

Под влиянием событий, происходящих в соседней Чехословакии, воспоминания о собственном 1956 г. не могли не оживиться и в самой Венгрии. "В 1968 г. мы вновь почувствовали дуновение революции, мы – те, кто в пятьдесят шестом были пацанами – хотели теперь выработать законы чистой, бескровной революции", – вспоминает театральный режиссер И. Паал [19]. Важно подчеркнуть, что в обстановке начатых

реформ в сознании людей доминировали оптимистические ожидания и питательной почвой для широкой оппозиции режиму в стране не было. Это заметили и в аппарате ЦК КПСС. "Среди различных слоев населения ВНР чехословацкие события были восприняты спокойно, не вызвав какого-либо политического брожения. Вопросы, стоящие на повестке дня в ЧССР, считаются венграми либо уже решенными после 1956 г., либо находящимися в стадии решения... Одобрение хода событий в Чехословакии не выливается в критику руководства ВСРП", – отмечалось в записке от 26 апреля [15. С. 83].

"Пражская весна" предоставила кадаровскому руководству лишний повод четче обозначить собственные установки, дать свой ответ на вопрос о границах терпимости коммунистического режима, возникший в связи с развернувшимися в обеих странах реформами. Идеолог режима Д. Ацел в апреле выступил с программным заявлением, в котором развил тезис о том, что ВСРП стремится не к установлению монополии своей идеологии, а лишь к ведущей роли в обществе. Допускалось существование в определенных рамках и иных идейных течений. Хотя предпочтение в отношениях с оппонентами отдавалось открытым спорам, не исключалась и возможность административного вмешательства в тех случаях, когда поставлены под угрозу основы режима. "Если кто-либо под предлогом дискуссии предпримет попытку создания политической организации или начинает иные действия, нарушающие наши общественные нормы, мы отвечаем на это в соответствии с нашими законами... Против сознательно враждебных устремлений можно и нужно прибегать к административным мерам" [20]. Таким образом, было принципиально заявлено, что плюрализм мнений отнюдь не перерастает автоматически в политический плюрализм. Там, где возникала угроза режиму, кадаровский либерализм ставил себе границы. Четкое разъяснение венгерской интеллигенции основных постулатов его идейной платформы казалось Кадару тем более своевременным, что развитие событий в Чехословакии могло породить у кое-кого в Венгрии иллюзии.

Лидеры ВСРП сочли нужным продемонстрировать свою твердость именно в тот момент, когда их северные соседи этой твердости, по их мнению, не проявляли. С конца марта в ЧССР происходят одна за другой отставки функционеров догматического толка, партийные "либералы" овладевают целым рядом новых должностей. Преподносит очередные сюрпризы пресса. Чрезмерная, по мнению Кадара, уступчивость "чехословацких друзей" пока не побуждала его к корректировке своей прежней линии в отношениях с ними. Венгерская пресса освещала происходящее в ЧССР в позитивном ключе. 18 апреля Кадар к огромной радости чешских и словацких реформаторов публично поддержал опубликованную незадолго до этого Программу действий КПЧ, которую Брежнев несколько позже, на майской встрече представителей соцстран, оценил как "выражение мелкобуржуазной стихии", "программу, открывающую возможности для реставрации капитализма в Чехословакии" [9. 1994. № 6. С. 14]. 16 апреля Брежнев, по свидетельству тогдашнего члена Политбюро ЦК ВСРП экономиста-реформатора Р. Ньерша, в телефонном разговоре с Кадаром назвал Дубчеку честным, но слабым человеком, указал на опасность контрреволюции в Чехословакии [13. 40 old.]. Позиция Кадара, таким образом, все более отклонялась от курса Москвы.

Вопреки настояниям Кадара не обсуждать чехословацкие проблемы без участия представителей КПЧ, последние так и не были приглашены на встречу руководителей пяти стран (НРБ, ВНР, ГДР, ПНР, СССР) в Москве 8 мая. Как и в Дрездене, Кадар вновь высказал особое мнение. Смысл его выступления заключался в стремлении предостеречь друзей от поспешных, непродуманных действий в отношении Чехословакии. Вместе с тем Кадар не возражал против проведения на территории ЧССР крупномасштабных маневров стран ОВД. Такие маневры, ставшие не просто демонстрацией военной силы, но формой политического шантажа, состоялись в первой половине лета. Венгерские генералы докладывали Кадару о гнетущей атмосфере на командных пунктах, о том, что советский генералитет

открыто демонстрировал недоверие к чехословацким коллегам, отчасти перенесенное и на венгров, которых считали ненадежными союзниками и не посвящали в целостный план военных учений [21]. Среди советских военнослужащих вопреки усилиям политработников распространились слухи о том, что ВСРП в межпартийной дискуссии, которую уже невозможно было скрыть, заняла сторону КПЧ [22].

Серьезные разногласия с Москвой не могли не вызвать озабоченности руководства ВСРП. Реально оценивая место своей страны в мире, Кадар четко осознавал пределы возможного во внешней политике Венгрии. Он понимал, что геополитическое положение ВНР почти исключает для нее проведение внеблоковой политики, знал также, что те, кто помог ему прийти к власти в 1956 г., могут, если захотят, лишиться его руля. На основе своего большого опыта венгерский диктатор пришел к убеждению, что отсутствие напряженности в отношениях с Советским Союзом есть главный гарант успеха его реформаторских начинаний внутри страны. Он всегда хорошо чувствовал колебания в настроениях в Кремле, у него сложилась своя тактика при контактах с советскими партнерами – отстаивая интересы Венгрии, Кадар знал границы допустимых требований, старался не обострять разногласий. Не было ни одного важного международного вопроса, где вождь ВСРП хотя бы на йоту отступил от советской позиции (обо всем этом подробно пишет дипломат и историк В.Л. Мусатов: [23, 24]). Причем такая политика была не просто плодом здравого смысла прагматической натуры Яноша Кадара, она коренилась в национальной традиции – в свое время и некоторые хортистские правительства стремились в тени другой господствовавшей в регионе державы, Германии, сохранить определенное поле для самостоятельного маневра [25]. Знал Кадар и то, что далеко опережает Москву в реформах, судьба которых в первую очередь зависит от внешних факторов. Обозначившиеся разногласия с руководством КПСС поставили перед ним непростую задачу – найти возможности для максимального сближения позиций с СССР, не поступившись в то же время реформаторскими планами, успех которых в известной мере зависел и от успеха реформ в соседней Чехословакии, вызывавших в Кремле все более нескрываемое раздражение. Решение этой задачи неминуемо должно было обречь венгерских лидеров на далеко идущие компромиссы с Москвой.

24 мая Политбюро ЦК ВСРП констатировало, что различие позиций СССР и ВНР в оценке процессов, происходящих в Чехословакии, во многом предопределяется их расхождениями в более общих вопросах: о необходимости расширения экономических связей с Западом, характере отношений внутри ОВД и СЭВ. Поскольку и в Дрездене, и в Москве проявилось непонимание и даже недоверие к Венгрии, позицию ВСРП решено было прояснить. Вопрос о письме в адрес руководства КПСС был отброшен в ходе дискуссии, надежда на достижение большего взаимопонимания возложена на ближайшую двустороннюю встречу. Открытого спора с Москвой решено было ни в коем случае не затевать [13. 42 old.].

13–15 июня партийно-правительственная делегация ЧССР в главе с А. Дубчеком посетила Венгрию. Целью этого планового визита было продление договора об экономическом сотрудничестве. Напряженности в отношениях двух стран пока еще не было, при том, что наметившееся сближение Чехословакии с Румынией и Югославией не могло не оживить в венгерском политическом сознании синдрома начинающегося возрождения межвоенной Малой Антанты, имевшей антивенгерскую направленность. Особая позиция ВСРП все более противостояла генеральной линии ОВД, от которой по разным мотивам уже дистанцировались и Чехословакия, и Румыния. Сам факт продления Венгрийей договора с ЧССР в сложившейся обстановке был воспринят, особенно в ГДР, как своего рода политическая демонстрация.

Однако в тот самый день 13 июня, когда Дубчеку оказывались почести в Будапеште, в Праге журналист О. Махатка опубликовал в еженедельнике "Literární listy" статью "И это тоже юбилей" в связи с 10-летием вынесения смертного приговора И. Надю. "Благодаря критике тоталитарной диктатуры и гуманистическому толкованию социалистической идеи И. Надь стал выдающимся представителем демократиче-

ского и национального социализма", – писал он. Сохраняющим актуальность автор назвал тезис И. Надя о том, что для малых стран "залогом независимости является неучастие в военных блоках, нейтралитет". Эта статья, о которой Кадар, очевидно, узнал уже после отъезда чехословацкой делегации на родину, вызвала в Будапеште эффект разорвавшейся бомбы. Главная газета ВСРП "Népszabadság", до тех пор воздерживавшаяся от критики "негативных явлений" в ЧССР, разразилась гневной отповедью. Помимо Махатки объектом ее полемики стал опубликованный 27 июня программный документ внепартийной интеллигентской оппозиции "2000 слов", кстати, перепечатанный газетой, издававшейся в венгерском городе Дьере.

Для Кадара июньские публикации чехословацкой прессы были свидетельством того, что власть выпускает из рук контроль за ходом реформ, внепартийная оппозиция перехватывает инициативу у КПЧ, происходит сползание к венгерскому варианту 1956 г., в результате чего под угрозой могут оказаться не только "социалистические завоевания", но и отношения с союзниками [5. С. 306]. С этих пор руководство ВСРП считает необходимым скорректировать свой прежний курс поддержки чехословацких реформаторов. С 27 июня по 4 июля Кадар во главе венгерской делегации находился в СССР. Из документов явствует его стремление к максимальному сближению с точкой зрения Кремля. Запись заседания Политбюро ЦК КПСС от 3 июля, на котором Брежнев рассказывал о встрече с венграми, фиксирует жесткую позицию вождя ВСРП в чехословацком вопросе. Кадар согласился с Брежневым в том, что "2000 слов" – это "контрреволюционная программа", направленная на разложение партии. Сложившаяся обстановка, по его мнению, теперь не исключала и силового варианта разрешения кризиса: "если потребуется, мы пойдем на это без сомнения" [9. 1994. № 6. С. 20]. Пребывание Кадара в Москве завершилось митингом советско-венгерской дружбы 3 июля. Выступивший на нем Брежнев напомнил собравшимся о разгроме "контрреволюции" в Венгрии, сказал, что СССР и впредь никогда не будет равнодушен к судьбам социализма в других странах.

Заверить лидеров КПСС в своей верности интернациональному долгу Кадар считал тем более важным, что его реформаторские планы вызывали подозрение в Кремле – та же тактика повторялась и позже, в частности, в 1972 г., когда решалась судьба венгерской реформы. Но при всей однозначности и жесткости заявленной Кадаром на переговорах позиции его дальнейшие действия свидетельствуют о том, что линия, выдержанная в Москве, носила во многом характер тактического маневра.

Через день после своего возвращения в Будапешт, 6 июля Кадар направил в Президиум ЦК КПЧ письмо. Статья об И. Наде как провозвестнике демократического социализма была названа в нем попыткой вбить клин в отношения двух партий [13. 44 old.]. В это время уже происходила подготовка очередного, варшавского совещания представителей тех же 6 партий. Дубчек и его сторонники в Президиуме ЦК КПЧ, не без оснований ожидая от предстоящей встречи новой грубой проработки, стремились уклониться от участия в ней, предложив в качестве альтернативы серию двусторонних встреч [26]. Обмен телеграммами с Прагой и Москвой от 9–10 июля свидетельствовал о том, что в возникшем споре Кадар во многом по своей инициативе взял на себя посредническую миссию. Он считал целесообразным, чтобы коллективному совещанию предшествовала чехословацко-советская встреча, на которой каждая из сторон могла бы прояснить свою позицию. В Москве, однако, уже не питали иллюзий в отношении Дубчека и обвиняли реформаторов из КПЧ в стремлении оттянуть время до намеченного на сентябрь съезда партии, который мог бы закрепить позиции "ревизионистов". Предъявление чехам жесткого ультиматума считалось в этой ситуации задачей безотлагательной. Свести позиции к общему знаменателю не удалось: руководство КПЧ участвовать в варшавской встрече отказалось.

10 июля военный атташе посольства СССР вручил министру обороны ВНР Л. Цинеге письмо с сообщением о подготовке новых военных маневров "к северу от

Венгрии" с участием венгерских войск [13. 45 old.]. Политика силового давления на Чехословакию продолжалась.

12 июля Политбюро ЦК ВСРП, обсудив ситуацию, решило, что на варшавской встрече венгерская делегация будет выступать за политическое урегулирование конфликта. С другой стороны, было сочтено необходимым продолжать воздействовать на КПЧ, склоняя ее лидеров к компромиссу. 13 июля Я. Кадар и Е. Фок отбыли в Комарно на встречу с А. Дубчеком и председателем правительства ЧССР О. Черником. Их беседа впервые прошла в напряженной обстановке. Отказ лидеров КПЧ от поездки в Варшаву Кадар назвал грубейшей ошибкой, которая не только сводит на нет все его посреднические усилия, но и ставит его в неудобное положение перед союзниками [13. 45 old.].

Варшавская встреча состоялась 14–15 июля. Венгерской делегации "много радости она не принесла. Некоторые смотрели на нас как на штрейкбрехеров, потому что накануне мы встречались с Дубчеком" [11. С. 101]. К доводам Кадара избрать такой способ действий, который нашел бы поддержку большинства населения Чехословакии и общественного мнения за ее пределами, "не очень прислушались" [11. С. 101]. Если Гомулка выступил у себя дома умереннее, чем в Дрездене, то Ульбрихт был последователен в своем радикализме: "Если Вы, товарищ Кадар, считаете, что своими возражениями и оговорками служите делу социализма, то Вы глубоко заблуждаетесь... И не имеете ни малейшего представления о том, что случится. После того, как американские и западногерманские империалисты заграбастают в кулак Чехословакию, наступит и ваша очередь, товарищ Кадар. И этого-то Вы не можете или не хотите понять" (ссылка Ч. Гати на воспоминания переводчика Гомулки: [25. С. 80]). Кадар отверг эти обвинения, заявив, что он полностью контролирует положение в своей стране. Что же касается "югославизации" Чехословакии, то она, хотя и нежелательна для социалистического лагеря, все-таки, по его мнению, пока не давала оснований для военного вмешательства. Аргументируя свою позицию, Кадар, как это ни парадоксально, привел в пример советскую политику в Венгрии в 1956 г., когда, осознав свою "историческую ответственность", представители КПСС сделали единственно правильный, по его мнению, в тех условиях выбор [11. С. 101]. Венгерский опыт давал простор для самых разных интерпретаций. Дубчек, например, встречаясь 15 июля в Праге с советским послом С.В. Червоненко, напомнил о доверии, оказанном осенью 1956 г. со стороны КПСС Я. Кадару в Венгрии, В. Гомулке в Польше, которые изначально отнюдь не считались "людьми Москвы". "Он, Дубчек, считает, что и сейчас, когда в Чехословакии приведены в движение разные силы, было бы правильно, если бы КПСС и другие партии поддержали нынешнее руководство" [26. С. 69].

Можно согласиться с тем, что, оставляя за собой право на окончательное решение, советские лидеры всерьез прислушивались к мнению Кадара, зная, что за его плечами реальный опыт разрешения венгерского кризиса 1956 г. [10]. И напрашивается предположение, что отсутствие в Варшаве единодушия, обусловленное в первую очередь особой позицией Кадара, сыграло свою роль в отсрочке интервенционистского выбора. 15 июля варшавское совещание направило в адрес ЦК КПЧ письмо с требованием принять безотлагательные меры по отражению "натиска врага". Дубчек в ответном заявлении от 18 июля заверил союзников, что ЧССР не нарушит своих обязательств по ОВД.

После варшавской встречи в Москве прорабатывались оба варианта разрешения "чехословацкого кризиса": политический и силовой. 20 (по другим данным, 21) июля украинский партийный лидер П.Е. Шелест по поручению Политбюро ЦК КПСС по телефону сообщил Кадару о том, что руководство СССР отдает все же предпочтение силовому варианту. Кадар заверил его в своей готовности подчиниться блоковой дисциплине. По свидетельству Р. Ньерша, Брежнев 23 июля по телефону благодарил вождя ВСРП за согласие: "Никогда не забудем!" – говорил он [13. 48 old.].

В те же самые дни, однако, велась подготовка новой встречи представителей

КПСС и КПЧ. Она состоялась 29 июля – 1 августа на границе двух стран, в Чиерненад-Тисой, где руководству КПЧ были предъявлены унижительные требования (об отстранении ряда "ненадежных" функционеров, запрещении некоторых интеллигентских клубов, установлении контроля над прессой и т.д.). Дубчек и его соратники получили от Москвы последний шанс.

Состоявшееся вслед за этим 3 августа братиславское совещание представителей 6 стран дало новую отсрочку решению об интервенции. В это время создалось впечатление, что напряженность разрядилась, чехословацкий народ облегченно вздохнул, вспоминал О. Черник [27. 1989. 5 XII]. Аналогичен отзыв Кадара: в Братиславе "казалось, все должно нормализоваться... Но радость была преждевременной" [11. С. 101].

Вернувшись в Будапешт, лидер ВСРП в обращении к венграм от 5 августа заявил, что разногласия можно преодолеть, если сосредоточиться на поисках того, что объединяет братские партии. Сохранялось, однако, и осознание сложности ситуации. 7 августа на пленуме ЦК ВСРП Кадар заметил, что внутренние проблемы ЧССР остаются нерешенными. Необходимо сделать все для нахождения политического решения, "но если этого не получится, то не исключено применение других мер" [24. С. 138]. Поскольку обстановка в Чехословакии оставалась неизменной, вероятность силового выбора возрастала с каждым августовским днем.

С 12 по 15 августа Я. Кадар находился в Ялте, где встречался с Л.И. Брежневым, Н.В. Подгорным и А.Н. Косыгиным. Советские лидеры, вспоминая он позже, хотели побеседовать с нами о ситуации в Чехословакии отдельно, потому что видели, что у нас сложились хорошие отношения с руководством ЧССР, надеялись, что мы можем повлиять на него. Было решено, что 17 августа Кадар вновь увидится с Дубчеком. Но эта встреча "не привела к желаемым результатам" [11. С. 101]. Последняя из посреднических миссий Венгрии, как и предшествующие, завершилась неудачей.

Беседа лидеров ЧССР и ВНР в Комарно происходила 13 часов в тяжелой атмосфере. Кадар развеял все возможные иллюзии Дубчека, предупредил его о вероятных последствиях отказа пойти на компромисс с Москвой. Есть свидетельство, что о точном времени совместной акции он узнал только 18 августа [13. 49 old.]. У Дубчека сложилось впечатление, что Кадар хотел ему что-то сказать, но не сделал этого [3. С. 187]. В 1989 г. в интервью венгерскому телевидению бывший лидер КПЧ говорил, что до самого конца у него сохранялась надежда, что Кадар, а может быть, и Гомулка бойкотируют вооруженное вмешательство. Он полагал, что отказ Венгрии поставил бы руководство СССР в сложное положение и, возможно, предотвратил бы интервенцию. Сам Кадар в Комарно откровенно сказал Дубчеку: события переходят ту грань, когда что-то может зависеть от позиции Венгрии.

Из Комарно с заездом в Будапешт Кадар отбыл в Москву, где 18 августа состоялась новая встреча представителей пяти стран. Именно там и было принято окончательное решение. Операцию намечалось осуществить в ночь на 21 августа. Расчет был сделан на выступление "левых" сил, которые, получив большинство в Президиуме ЦК КПЧ, обратятся за помощью к братским странам. Кадар рассказал о встрече с Дубчеком, расценив ее как безрезультатную: руководство ЧССР не проявляет решимости осуществить согласованные в Братиславе меры, так что политические средства исчерпаны. Дубчек, этот *enfant terrible*, был в состоянии нервного истощения и зачастую высказывался не очень ясно. Когда мы говорили о военном решении как о самой крайней и нежелательной мере, "к нам уже не прислушались", – вспоминал позже Кадар [11. С. 102], которому, по словам американского историка Ч. Гати, по-прежнему приходилось идти "узкой тропкой, ведя корабль страны между Сциллой и Харибдой – желаемого и возможного" [25. С. 79]. С вооруженным вмешательством, объяснял он, мы согласились только тогда, когда выяснилось, что другого выхода нет: чехословацкие товарищи не сделали тех шагов, с помощью которых, вероятно, можно было бы избежать катастрофы, "а в Москве стало очевидным, что мы оказались в одиночестве с нашими только начинавшимися

реформами. Против нас было большинство социалистических стран" [11. С. 102; 24. Гл. II]. По свидетельству В.Л. Мусатова [24. С. 130], в обмен на участие венгерских войск в операции Брежнев обещал экономическую помощь. Сам Кадар отказывался признать этот довод решающим: "было бы бессмысленно предполагать, что мы так мелко торговались за счет наших чехословацких соседей. Именно мы, которые так много сделали для спасения ситуации" [11. С. 102]. Думается все же, что он лукавил: страх перед экономическими санкциями СССР и СЭВ сыграл решающую роль в позиции Кадара, осознававшего все издержки интервенции для своего престижа второго, но реформаторски настроенного коммунистического политика.

Советские лидеры избрали иную тактику, нежели в 1956 г. Если тогда они предпочли осуществить акцию собственными силами, то в 1968 г., напротив, стремились интернационализировать конфликт, связать союзников круговой порукой, разделить с ними ответственность за принятые меры. Вместе с тем при обсуждении конкретного плана действий за основу был взят апробированный в Венгрии сценарий приведения к власти сил, заявляющих о разрыве со старым правительством (как и в 1956 г., новое правительство хотели назвать Революционным рабоче-крестьянским). Когда после провала первоначального плана в конце концов решено было поставить на Г. Гусака, также сработала ассоциация с польскими и венгерскими событиями 1956 г.: Гусак подобно Кадару и Гомулке тоже предстал в общественном сознании как жертва прежнего режима и вместе с тем считался в Кремле человеком надежным.

Вернувшись в Будапешт, Кадар созвал 20 августа Политбюро ЦК ВСРП. По свидетельству Р. Ньерша, он был в тот день весьма критичен в отношении советского руководства. Ситуация, сложившаяся в Чехословакии, вызывала у него аналогии не с венгерскими, а скорее с польскими событиями 1956 г., когда неплохо сработал мирный сценарий. Соответственно и венгерский рецепт разрешения кризиса здесь, по его мнению, не подходил. Однако, если мы откажемся участвовать, рассуждал Кадар, это создаст еще большую напряженность, нервозность, еще более осложнит ситуацию, сделает ее непредсказуемой. К тому же, если Венгрия останется в стороне, она лишит себя возможности влиять на дальнейшее развитие событий. Речь, таким образом, идет о печальной необходимости. Политбюро, приняв к сведению эти доводы, санкционировало решение своего шефа [13. 49 old.; 11]. О том, что усилия окончились неудачей, искренне сожалел не только сам Кадар, но и все руководство партии [11. С. 102].

23 августа на совместном заседании ЦК ВСРП и Совета Министров Кадар подробно изложил ход событий с января 1968 г. Уже зная о неудаче с приведением к власти нового правительства, он не скрывал своего раздражения: "Даже если создастся только видимость, что СССР защищает вчерашний день, уже это будет означать конец мировому коммунистическому движению" [13. 50 old.].

Хотя военные сработали четко, политическая акция не удалась. "Левые" не сумели добиться большинства в Президиуме ЦК КПЧ, президент Л. Свобода отказался признать марионеточное правительство "друзей Москвы". Тактику пришлось менять на ходу. Вывезенных в СССР под конвоем членов и кандидатов в члены Президиума ЦК КПЧ А. Дубчека, Ф. Кригеля, Й. Смирковского, О. Черника, Й. Шпачека и Б. Шимона усадили за стол переговоров в числе представителей чехословацкой стороны и навязали им целый ряд новых, еще более жестких ультимативных требований.

Не будучи заинтересованным в том, чтобы чехословацкие реформы перешли определенные границы, Я. Кадар, озабоченный судьбой реформ в Венгрии, вместе с тем осознавал серьезные издержки интервенции, а потому до самого конца отдавал предпочтение политическому решению. В момент развязки, однако, он не осмелился открыто противопоставить свою страну союзникам по ОВД. По точному замечанию В. Мусатова, его вынужденный компромисс был свидетельством неблагоприятных условий и объективных исторических лимитов, в которых реализовывалась реформаторская программа кадаризма. Конец "пражской весны" еще раз напомнил венграм об

их ограниченном суверенитете, невозможности выйти за рамки советской модели. Попытка путем маневрирования перейти грань возможного не удалась [23; 24].

Посредническая миссия Венгрии в преодолении конфликта между пражскими реформаторами и Москвой (а в истории кадаровского режима это был, пожалуй, единственный случай, когда Венгрия взяла на себя столь активную роль во внешней политике) оказалась неудачной. Опасаясь, что подмывание устоев казарменного социализма неминуемо приведет к краху всей системы, руководство СССР задушило инициативы пражских реформаторов, грозившие по цепной реакции перекинуться в другие страны. Вероятно, можно спорить о том, какие реальные плоды могли бы принести эти реформы, не будь они пресечены на самом корню, какую эволюцию проделало бы чехословацкое общество, какие новые модели породило бы, возможен ли в принципе "социализм с человеческим лицом". Очевидно лишь то, что шаг, предпринятый 21 августа 1968 г., оказался роковым для судеб советской системы и всего мирового социализма. Решив довольно краткосрочную по эффекту задачу сохранения своих геополитических преимуществ в Чехословакии, правительство СССР в исторической перспективе утратило несравнимо большее – веру миллионов людей во всем мире в возможность реформирования социализма. Именно август 1968 г. положил начало тем необратимым процессам в духовной эволюции многих левых интеллектуалов как на Западе, так и на Востоке Европы, которые в конце концов привели к полному их отказу от социалистической идеи. Это касается и Венгрии. "60-е годы для нас были временем надежды и... иллюзий. Тогда нам показалось, что и при системе однопартийного государственного социализма... путем реформ можно создать социалистическое рыночное хозяйство, социалистическую демократию или демократический социализм. Нечто такое, что и не сталинизм, и не западный социализм. Эту иллюзию похоронила Пражская интервенция 1968 г.", – вспоминает венгерский писатель и политик Д. Конрад, одно время президент Международного ПЕН-клуба [27. 28.06.1990]. А известный философ, ученик Д. Лукача, М. Вайда признал, что для венгерских интеллигентов его поколения чехословацкие события 1968 г. были даже важнее, чем собственный 1956 г.

Правда, и после августа 1968 г. в Венгрии сохранялись определенные надежды на спасение собственных реформ. Однако изменение политического климата в Москве не оставляло шансов на их проведение в достаточно полном объеме. К 1973–1974 гг. венгерская реформа была свернута и не столько в результате внутренних трудностей и противоречий, сколько вследствие непрекращавшегося давления. Тем самым мечты о демократическом обновлении социализма для подавляющего большинства венгров были похоронены уже окончательно. Один из наиболее сильных и дальновидных политиков советской сферы влияния Я. Кадар признал перед кончиной: "В августе 1968 года мы оказались в глубоком кризисе – в личном и политическом. Я вижу, что кое-кто до сих пор не может выбраться из него, а страдает от этого все наше движение" [11. С. 97].

Решать надо было тогда, в тех конкретных условиях, и другого выбора у нас не было, скажет Кадар незадолго до смерти [11. С. 103]. Пример Румынии не подходил – там не надо было спасать реформы. Выбор, сделанный венгерским коммунистическим лидером, не смог, однако, гарантировать необратимости реформ. Скорее прав американский историк Й. Валента: ростки венгерской реформы были погребены в тот самый момент, когда Кадар уступил давлению Москвы [3. С. 229]. Но это уже предмет другого исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Млынарж З.* Мороз ударил из Кремля. М., 1992.
2. *Шик О.* Весеннее возрождение – иллюзии и действительность. М., 1991.
3. *Валента Й.* Советское вторжение в Чехословакию. 1968. М., 1991.

4. *Латыш М.В.* "Пражская весна" и реакция Кремля // Политические кризисы и конфликты 50–60-х годов в Восточной Европе. М., 1993. С. 146–182.
5. *Латыш М.В.* "Доктрина Брежнева" и "пражская весна" 1968 года (реализация тоталитарных принципов через партийную дипломатию) // Советская внешняя политика в годы "холодной войны" (1945–1985). Новое прочтение. М., 1995. С. 303–333.
6. *Волков В.К.* Инстинкт самосохранения: советская партократия и "пражская весна" // Конфликты в послевоенном развитии восточноевропейских стран. М., 1997. С. 157–184.
7. *Латыш М.В.* Легитимизация присутствия советских войск. Роль внешнего фактора в чехословацкой политике на начальном этапе "нормализации" // Конфликты в послевоенном развитии восточноевропейских стран. С. 185–209.
8. *Орлик И.И.* Запад и Прага в 1968 г. По документам министерства иностранных дел Чешской Республики // Новая и новейшая история. 1996. № 3.
9. *Пихоя Р.Г.* Чехословакия, 1968. Взгляд из Москвы. По документам ЦК КПСС // Новая и новейшая история. 1994. № 6; 1995. № 1.
10. Оценки прошлого должны соотноситься с реалиями прошлого // Сегодня. 1996. 23 VIII.
11. Янош Кадар о "пражской весне" // Коммунист. 1990. № 7.
12. *Vida I.* A magyar pártvezetés és a csehszlovák válság. 1968. január-október // História. Budapest, 1993. № 9/10.
13. *Nyers R.* Feljegyzések 1968-ból, a csehszlovákiai intervencióról // História. Budapest, 1993. № 9/10.
14. *Ворошильский В.* Венгерский дневник // Искусство кино. М., 1992. № 4. С. 145–146.
15. "От правды никуда не уйдешь..." Новые документы о событиях в Чехословакии в 1968 г. (Публикация А.Д. Чернева) // Кентавр. М., 1993. № 4.
16. *Мусатов В.Л.* Брежнев встретил утро ввода войск на командном пункте // Новое время, 1992. № 16.
17. *Havranek J.* Megújhdott szocializmus? // História. Budapest, 1994. № 5/6. 63 old.
18. Центр хранения современной документации. Ф. 5. Оп. 60. Д. 300. Л. 29.
19. *Якубова Н.О.* Венгерский "альтернативный театр": 60–80-е годы // Власть и интеллигенция (из опыта послевоенного развития стран Восточной Европы). М., 1993. Вып. 2. С. 83.
20. Népszabadság. 1968. 27.04.
21. *Pataky I.* A Magyar Néphadsereg és az intervenció / História. Budapest, 1993. № 9/10. 54–57 old.
22. *Колесников М.* Дневник офицера // Огонек. 1993. № 34.
23. *Мусатов В.Л.* Янош Кадар и время реформ в Венгрии // Новая и новейшая история. 1990. № 3. С. 138–156.
24. *Мусатов В.Л.* Предвестники бури. Политические кризисы в Восточной Европе (1956–1981). М., 1996.
25. *Гати Ч.* Москва и Янош Кадар после 1956 года // Мост. Будапешт. 1992. № 1/2.
26. Дипломатический вестник. М., 1992. № 3.
27. Известия.



© 1998 г. СМИРНОВ Л.Н.

ЙОЗЕФ ШКУЛЬТЕТЫ (25. XI. 1853 – 19. I. 1948)

19 января 1998 г. исполнилось пятьдесят лет со дня смерти выдающегося словацкого ученого, литератора, публициста, видного культурного и общественного деятеля Йозефа Шкультеты.

Шкультеты родился 25 ноября 1853 г. в деревне Поток (южная Словакия, район Римава-Собота) в семье словацкого ремесленника-меховщика. Окончив три класса начальной венгерской школы, учился в гимназии и учительском семинаре при гимназии; работал учителем в школе; летом 1872 г. получил диплом учителя. Однако и после этого Шкультеты считал необходимым продолжить образование. В 1874–1876 гг. он был слушателем Педагогического института в Будапеште, где и познакомился с основами историографии и языкознания. Снова работал учителем, затем актуарием школьной инспекции, чиновником филиала банка "Славия" в г. Мартин. Но основной деятельностью была, несомненно, научная, литературная и редакторская работа. В 1881–1921 гг. он редактировал газету "Národné poviny" (до 1916 г. вместе с известным писателем Светозаром Гурбаном Ваянским), в 1890–1916 гг. был редактором журнала "Slovenské pohľady" (с 1893 г. и издателем этого журнала). С 1879 г. Шкультеты жил и работал в Мартине. Следует напомнить, что во второй половине XIX – начале XX в. (до образования в 1918 г. Чехословацкой республики) Словакия находилась в составе Австро-Венгрии. Словаки жили в условиях национального гнета, им приходилось отстаивать свои национальные права, бороться с политической мадьяризацией (одним из ее проявлений было закрытие в 1875 г. Матицы словацкой). В этой борьбе активно участвовал и Шкультеты. За свои выступления в защиту прав родного народа он подвергался преследованиям со стороны венгерских властей. В 1899–1903 гг. и в 1910–1911 гг. его шесть раз арестовывали и приговаривали к различным срокам тюремного заключения (от двух недель до двух месяцев).

В 1921–1924 гг. Шкультеты был профессором философского факультета университета им. Коменского (Братислава), где читал лекции по словацкому языку и литературе. Большое значение для развития словацкой культуры и науки имела его многолетняя самоотверженная работа на посту директора вновь открытой Матицы словацкой (1919–1942). В эти годы, когда в политической жизни словацкого общества сталкивались и боролись различные концепции дальнейшего национального и социального развития, Шкультеты открыто и последовательно отстаивал свои мировоззренческие позиции и политические взгляды. Будучи горячим словацким патриотом (в частности, он выступал против теории единой чехословацкой нации), Шкультеты,

Смирнов Лев Никандрович – д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

вместе с тем, стремился избегать националистических крайностей. Эта линия была характерна и для его политической деятельности как одного из руководителей Словацкой национальной партии.

Шкультеты был членом Чешской Академии наук, словесности и искусства, членом-корреспондентом Королевского чешского научного общества, почетным членом Матицы сербской, а также членом ряда других научных учреждений и обществ. В истории словацкой науки и культуры Шкультеты занимает одно из самых почетных мест. Его многогранная научная и культурно-просветительская деятельность была направлена на благо родного народа, и он навсегда останется в памяти народной (подробнее о его жизни и творчестве см. [1–5]).

В предлагаемом обзоре мы затронем лишь некоторые аспекты его научного творчества. В трудах, органически связанных с его национально-будительской и просветительской деятельностью, Шкультеты большое внимание уделял истории словацкого народа. В центре его исследовательских интересов были вопросы этногенеза словаков, истории Великоморавской державы, эпохи словацкого национального возрождения, словацко-венгерских и словацко-чешских отношений. Для освещения этой проблематики он привлекал богатый фактический материал, почерпнутый им из малоизвестных источников, и подвергал его тщательному анализу. Помимо серии статей и заметок на исторические темы Шкультеты опубликовал капитальный труд "Сто двадцать пять лет из словацкой жизни" (1920), в котором освещалась история словацкого народа с 1790 по 1914 г., а также книги "Словакия в прошлом" (1926), "Не порочьте мой народ!" (1928), "Из прошлого словаков" (1936) и др. В этих работах ярко проявлялись патриотические устремления автора.

Большой вклад в развитие словацкой науки и культуры Шкультеты внес как прозаик, историк литературы, литературный критик, публицист, переводчик и редактор. Начало его литературного творчества относится к семидесятым годам XIX в. В течение 1871–1886 гг. он написал и опубликовал в разных словацких периодических изданиях свыше сорока рассказов, повестей и очерков, многие из которых характеризовались заметной национально-будительской направленностью, продолжали традиции романтиков штуровского поколения. Как историк словацкой литературы и литературный критик Шкультеты стремился раскрыть важность и ценность литературного творчества для развития национального самосознания и национальной культуры словаков. Не случайно очень большое внимание он уделял освещению литературы эпохи словацкого национального возрождения (Я. Коллар, Я. Ботто, С. Халупка, А. Сладкович, Я. Краль и др.). Он внимательно следил за литературным творчеством своих современников, которым также посвятил немало статей и рецензий (С. Гурбан Ваянский, П.О. Гвездослав, М. Кукучин, Я. Есенский и др.). В 1911 г. в рамках издаваемой в Будапеште истории мировой литературы был опубликован на венгерском языке его обобщающий труд "История словацкой литературы" (на словацком языке он вышел в свет в 1968 г.).

В своей литературно-критической и переводческой деятельности Шкультеты проявлял глубокий интерес к русской литературе. Вместе с С. Гурбаном Ваянским он принадлежал к той части патриотической словацкой интеллигенции, которая была тесно связана с русской культурой и литературой. Прекрасный знаток русской литературы, Шкультеты немало сделал для ознакомления словаков с творчеством русских писателей. Он перевел на словацкий язык Л.Н. Толстого, И.С. Тургенева, Н.В. Гоголя, М.Е. Салтыкова-Щедрина, А.П. Чехова, В.Г. Короленко и др. По его инициативе переводили А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова. Кроме того, Шкультеты написал ряд статей, заметок и рецензий, посвященных разным литературно-критическим и историко-культурным проблемам, связанным с изучением русской художественной литературы и словацко-русских литературных связей, а также очерков-портретов известных русских писателей и поэтов, см., например: "Смерть Лермонтова" (1891), «"Крейцера соната" Л.Н. Толстого» (1894), "Ода Горация Ehexi monumentum... у Державина, Пушкина и Гвездослава" (1897), «А.Н. Майков и стихо-

творение Халупки "Mor ho!"» (1897), "А.С. Пушкин" (1899), "А.В. Кольцов" (1909), "Лермонтов у словаков" (1914), "Ф.М. Достоевский" (1922).

Постоянный интерес проявлял Шкультеты к вопросам славянской филологии и истории, хорошо ориентировался не только в словацкой, но и в зарубежной славистической литературе, в частности русской. Он откликнулся, например, на труды К.Я. Грота ("Моравия и мадьяры с половины IX до начала X в.", 1881), Н.Я. Данилевского ("Россия и Европа", 1869) и др. Следует подчеркнуть, что в конце XIX – начале XX в. Шкультеты поддерживал с русскими славистами тесные контакты. Со многими из них он был лично знаком (А.И. Соболевский, Т.Д. Флоринский, И.С. Пальмов и др.). В мае–июне 1885 г. Шкультеты в составе словацкой делегации посетил Россию и принимал участие в кирилло-мефодиевских торжествах (по случаю 1000-летия со дня смерти Мефодия), которые происходили в Киеве. Делегация посетила также Львов, Москву, Петроград и Варшаву. С рядом русских славистов Шкультеты вел оживленную переписку, особенно с Флоринским и П.А. Кулаковским [6; 7], которая представляет значительный интерес в плане изучения истории русско-словацких культурных и научных связей.

Значительное внимание Шкультеты уделял также языковым вопросам. Не имея возможности систематически заниматься исследованиями в области языкознания, он тем не менее опубликовал ряд важных и интересных лингвистических трудов, множество статей, заметок, а также рецензий, в которых рассматривался широкий круг проблем словацкого и славянского языкознания [8]. Естественно, что большинство этих работ было связано с изучением актуальных, нередко просто злободневных, вопросов, касающихся структуры и функционирования литературного словацкого языка, по которым на разных этапах развития словацкого общества велись острые дискуссии. Дело в том, что на рубеже XIX–XX вв. словацким патриотам приходилось прилагать немалые усилия для обеспечения развития и нормального использования литературного словацкого языка, выполнявшего важную национально-репрезентативную функцию. В то время формировались, стабилизировались и закреплялись в кодификационных трудах литературные нормы словацкого языка, основой которых был так называемый "мартинский литературный узус" [9]. Шкультеты был одним из его "создателей" и последовательных защитников. И впоследствии, в новых исторических и общественно-политических условиях 20–40-х годов ему не раз приходилось отстаивать право литературного словацкого языка на самостоятельное развитие, бороться за его применение во всех сферах общественной практики, доказывать необходимость его нормативного и функционально-стилистического совершенствования. Именно в этом ключе были написаны многие его работы по правописанию, фонетике, лексике, словообразованию и грамматике современного словацкого языка, по вопросам языковой культуры.

Важный вклад в развитие словацкого языкознания Шкультеты внес своими исследованиями по истории словацкого языка. Одной из характерных особенностей данных работ было то, что лингвистические проблемы рассматривались в них, как правило, в органической связи с историей словацкого народа, с развитием его национального самосознания, культуры и литературы. В этом плане показательна, в частности, статья "Иностранные слова в словацком языке" (1902). В ней впервые была сделана попытка установить роль иностранных слов (латинских, немецких, венгерских, итальянских и др.) в истории словацкого языка, в истории контактов словаков с другими народами. Автор вполне правомерно рассматривал иностранные слова как "ценные исторические свидетельства" [8. С. 140]. Проблемы истории *литературного* словацкого языка также освещались им с учетом широкого социокультурного фона, в соотнесении с этапами развития национального движения словаков, что в значительной мере усиливало убедительность сделанных выводов. Шкультеты опровергает, порой довольно эмоционально, необоснованные выпады, встречавшиеся в прессе и научной литературе того времени, против таких видных деятелей эпохи словацкого национального возрождения, как А. Бернолак, Л. Штур и М. Гаттала, дает высокую

оценку их нормализаторским и кодификаторским усилиям, верно определяет их роль в истории литературного словацкого языка.

В некоторых работах Шкультеты освещал и более общие вопросы славянского языкознания, в частности его интересовали проблемы древнеславянской письменности, общеславянского литературного языка, межъязыковых контактов (например, роль славянских слов в венгерском языке), славянской этимологии, а также истории славянского языкознания, о чем свидетельствуют заметки о Й. Добровском, Б. Шулке, И.В. Ягиче и др. Он был автором развернутых рецензий на книги А.С. Будиловича "Общеславянский язык в ряду других общих языков древней и новой Европы", Т.Д. Флоринского "Лекции по славянскому языкознанию" и заметки о "Толковом словаре живого великорусского языка" В.И. Даля. В связи с этим отметим и такой малоизвестный факт, что Шкультеты перевел на словацкий язык статьи Г.А. Ильинского "Славянские этимологии" и А.И. Соболевского "Вопрос об общеславянском языке".

Своими исследованиями и публикациями по истории, литературе и языку словаков Шкультеты в немалой степени способствовал развитию словацкой науки и культуры, многие его работы явились существенным вкладом в славянскую историографию и филологию. Велика его роль также в развитии словацко-русских научных и культурных связей. Думается, что его богатое научное наследие заслуживает дальнейшего углубленного изучения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Mráz A.* Jozef Škultéty. Martin, 1933.
2. *Zborník na počesť Jozefa Škultétyho.* Martin, 1933.
3. *Jozef Škultéty. 1853–1948. Zborník materiálov z vedeckej konferencie pri príležitosti 20. výročia smrti.* Martin, 1970.
4. *Vongrej P.* Nestor národnej kultúry // *Slovenské pohľady.* 1983. Č. 11.
5. *Kocák M.* Jozef Škultéty (25 XI 1853 – 19 I 1948) // *Slovenské pohľady.* 1993. Č. 11.
6. *Z korešpondencie Jozefa Škultétyho s ruskými autormi // Zborník Filozofickej fakulty Univerzity P.J. Šafárika v Prešove.* R. IV. 1964. S. 37–62.
7. *Korešpondencia J. Škultétyho s T.D. Florinským // Zborník Filozofickej fakulty Univerzity P.J. Šafárika v Prešove.* R. V. *Zborník Ševčenkovský.* Bratislava, 1965. S. 191–217.
8. *Jozef Škultéty. Dielo. 7. Jazykoveda.* Zostavil a edične pripravil Juraj Chovan. Matica slovenská. 1992.
9. *Blanár V., Jóna E., Ružička J.* Dejiny spisovnej slovenčiny. T. II. Bratislava, 1974. S. 87.



W. KRIEGSEISEN. Ewangelicy Polscy i Litewscy w epoce saskiej (1696–1763). Warszawa, 1996. 307 S.

В. КРИГЗАЙЗЕН. Кальвинисты Польши и Литвы времен саксонской династии (1696–1763)

История реформации и контрреформации в Польше XVI–XVII вв. имеет весьма обширную историографию и представляет собой одну из важных исследовательских проблем как в польской, так и всеобщей истории. К сожалению, этого нельзя сказать применительно к XVIII в. Поэтому выход в свет книги В. Кригзайзена имеет большое значение, ибо она не только заполняет существенный пробел в исследованиях истории религиозных меньшинств в Польше последнего столетия шляхетской Речи Посполитой, но и вносит большой вклад в изучение социальной истории контрреформации.

По словам автора, рецензируемая работа посвящена анализу общественного положения протестантов-евангелистов (кальвинистов) периода правления саксонской династии в Польше и вносит вклад в исследование истории конфессиональных меньшинств "в обществе однозначно католическом", в тяжелейшее для польских иноверцев время, когда было уже забыто о веротерпимости эпохи Возрождения, а характерной чертой общественной жизни Речи Посполитой стал, начиная с 1736 г., перманентный политический кризис.

Уже сам подход В. Кригзайзена к избранной теме делает рассматриваемую книгу заметным явлением в современной историографии вероисповедальных меньшинств. Автор строго определяет предмет

исследования, во-первых, с конфессиональной точки зрения, во-вторых, в социальном и сословном отношениях, в-третьих, избирает период, представляющий самостоятельный и принципиально важный этап в истории сословного строя Польши, ее внутренней и внешней политики и в развитии международной ситуации вокруг Речи Посполитой первой половины XVIII в., когда страна переживала период политического упадка, а в Центральной Европе сложилась новая конфигурация отношений между великими державами в связи с усилением России и Пруссии. Все это позволило В. Кригзайзену достичь высокой степени научной корректности исследования и избежать возможного искажения его результатов за счет экстраполяции, хотя и близких, но разграниченных явлений.

Автор ставит в центр работы отнюдь не самую многочисленную группу некаатолического населения Польши XVIII в. – протестантов-кальвинистов, которые, однако, и в это время продолжали играть роль "элиты среди иноверцев". Такой подход избавляет от опасности смешения характерных черт социального положения представителей различных направлений протестантизма в Польше и вместе с тем позволяет выявить его особенности, изучить внутреннюю структуру отдельного сообщества протестантов. Это не означает, что В. Кригзайзен отказывается от

исследования смежных явлений. Поставленная задача решается им на широком фоне, позволяющем судить о социальном положении протестантской шляхты в целом.

Предмет исследования ограничен также и в сословном отношении. Главное внимание в книге уделено кальвинистской шляхте. Автор сознательно концентрирует на ней свое внимание, отделяя от мещанства и духовенства, что в точности соответствует сословной структуре польского общества XVIII в. и принципиально отличает рассматриваемую работу от многих трудов по церковной истории.

Наконец, Речь Посполитая в XVIII в., помимо Великой и Малой Польши и Литвы, включала в себя территории Королевской Пруссии, Курляндии, а также Инфлянты, в которых сословное положение и конфессиональный статус шляхты существенно отличались от остальных земель. Поэтому автор сосредоточил свое внимание на изучении кальвинистской шляхты Великой и Малой Польши и Великого княжества Литовского, что, с одной стороны, позволило проанализировать региональные особенности в положении кальвинистской шляхты, а с другой – не дало искажений за счет преимущественно протестантских областей Прибалтики, зачастую с преобладанием непопольского населения.

Характеризуя предшествующую историографию, В. Кригзайзен отмечает, что литература, посвященная истории не католиков в Польше, довольно богата, хотя и весьма разнородна с точки зрения ее научной ценности (С. 14). Причем наибольшее внимание уделялось истории Реформации и Контрреформации в Польше XVI–XVII вв. Работ, рассматривающих историю не католиков в XVIII в., относительно немного, а их авторы изучали либо историю тех или иных религиозных направлений, или общин на протяжении нескольких веков, начиная с XVI в., либо занимались историей протестантизма и православия в Польше в эпоху Просвещения в связи с проблемами истории внутренней и внешней политики, а также культуры. В связи с этим следует упомянуть круг работ, затрагивающих так называемый "диссидентский вопрос". В них социально-политическое и сословное положение не католиков мало привлекало внимание авторов, которые сосредоточились главным образом на политических взаимоотношениях великих держав и польского правительства по этому поводу.

Источниковая база исследования основана преимущественно на архивных материалах, в дополнение к которым были

использованы печатные издания XVIII в. (характеристику источников см. с. 14–18). Главное внимание автором было уделено сохранившимся фрагментам архивов кальвинистских объединений, действовавших в Польше в XVIII в., среди них фонды Центрального правления Малопольского объединения и аналогичных объединений Великой Польши и Литвы, акты евангелических консисторий, акты Объединения братьев Черских. Были исследованы также и архивные фонды других протестантских конфессий. Помимо польских библиотек и архивов, В. Кригзайзен обращался к рукописным собраниям Германии, Голландии, Литовской республики, Швейцарии. Он, правда, выражает сожаление, что во время работы над книгой не имел доступа к российским архивам. В указателе источников автором поименованы фонды четырех архивов Варшавы, Познани, Гааги и Ватикана, девяти рукописных собраний крупнейших библиотек, а также более ста старопечатных изданий (С. 285–288).

Монография состоит из введения и семи разделов, отражающих основные проблемы, рассмотренные автором: 1) Правовое положение евангелистов¹ в Речи Посполитой во второй половине XVII в. и в саксонский период; 2) Евангелические объединения Речи Посполитой, в котором выделено четыре части: а) церкви, общины, верующие, б) Малая Польша, в) Великая Польша, г) Великое княжество Литовское; 3) Экономические основы деятельности евангелических церквей; 5) Отношение католиков к евангелическому меньшинству, включающий три части: а) доктрина, б) позиция католической церкви по отношению к евангелическому меньшинству, в) права и бесправие евангелистов; 6) Евангелическая шляхта в борьбе за права иоверцев; 7) Евангелическая шляхта саксонского периода – некоторые отличительные черты.

Рассматривая в первом разделе постепенное ограничение прав шляхтичей-протестантов в Речи Посполитой, начиная с постановлений Варшавской конфедерации 1573 г. и до 1717 г., В. Кригзайзен отмечает, что уже Антиарианская конституция 1658 г. с последующими подтверждениями и дополнениями привела к обособлению кальвинистской шляхты. После урегулирования

¹ Термин "евангелисты" в соответствии с протестантской традицией обозначает кальвинистов. В этом значении он широко употребляется в зарубежной историографии, как и в рецензируемой книге. Мы будем использовать его в дальнейшем в аналогичном значении.

ситуации с личными переходами из одной конфессии в другую сложилась ситуация общественного отторжения иноверцев. Однако, как пишет автор, это не вызвало общественного протеста даже в протестантской среде (С. 25). Господствующее сословие, опасаясь покушений королевской власти на свои привилегии, в XVI в. приняло в значительной части протестантизм, но после установления шляхетской республики вновь обратилось к католицизму. Поэтому в Польше не осталось значительных социальных сил, за исключением бюргерства, связывавших бы свои интересы с Реформацией. Причем в XVII в. в значительной мере свои сословные права утратили как шляхтичи протестанты, так и протестанты горожане. Следовательно, отсутствие общественного протеста против ограничения прав некатоликов вполне объяснимо, а обособление иноверцев, не желавших переменить убеждения, представляется вполне закономерным.

Однако следует заметить, что протесты против ограничения прав некатоликов все же звучали. Так, в 1718 г. на Гродненском сейме некоторые сенаторы и послы-католики возражали против исключения из числа послов последнего из депутатов-диссидентов А. Пиотровского – посла велуньского [1]. Надо все же отметить, что их протесты на сейме были продиктованы сугубо конъюнктурными соображениями и вовсе не преследовали цели принципиальной защиты иноверцев. Поэтому В. Кригзайзен совершенно прав – общественного звучания эти протесты не находили, причем не только среди католической шляхты, но и у протестантов. И не только потому, что последние не в силах были возвысить голос в свою защиту, но и потому, что сложившаяся их обособленность среди польской шляхты при очевидной слабости протестантских объединений создавала условия для их самосохранения, ибо в противном случае процесс ассимиляции протестантской шляхты католическим большинством неизбежно повлек бы за собой полное исчезновение иноверческих общин гораздо быстрее, чем в обстановке гонений на некатоликов.

Как справедливо указывает автор, ограничения прав протестантов по своим социальным последствиям могут быть разделены на две группы: первая носила во многом формальный декларативный характер, например, лишение права занятия трона, которым протестанты никогда не смогли бы воспользоваться, вторая – непосредственно отразившаяся на их поло-

жении, запрещавшая строительство новых храмов или предусматривавшая рассмотрение духовных дел протестантов светскими судами, состоявшими из католиков. Вместе с тем, как показал В. Кригзайзен, некоторые правовые ограничения обратились на пользу евангелистам, как то запрещение апостазии (перехода в другую веру) и предоставленное трибуналом право толкования конституций сеймов (С. 20–21), что также свидетельствовало о двойственном влиянии политики отторжения иноверцев.

Говоря о правовом положении протестантской шляхты, автор справедливо обосновывает вывод о различиях в антидиссидентском законодательстве в Короне, Литве и в Королевской Пруссии, где со времен Сигизмунда Августа признавалась аугсбургская конфессия. Но и там в XVII в. права протестантов не избежали ограничений (С. 26–27). При анализе правового статуса иноверцев В. Кригзайзен уделит также внимание практике вмешательства в религиозное законодательство Польши иностранных государств, которые включали в свои договоры с Речью Посполитой положения о покровительстве диссидентам. Так было с Велявским трактатом, Вечным миром 1686 г. (договором Гжимултовского) или же трактатом Карла XII с Варшавской конфедерацией.

От исследования правового статуса протестантов автор переходит далее к анализу социального положения евангелистов и рассмотрению организационной структуры их объединений, причем не изолированно, а в сопоставлении с другими протестантскими церквями в Речи Посполитой первой половины XVIII в., что является несомненным достоинством рецензируемой книги. При этом ему пришлось разрешить целый ряд сложных источниковедческих проблем. Одна из них связана с ответом на вопрос о численности протестантских объединений. По данным, приведенным автором, в конце XVI в. в Польше насчитывалось около 800 евангелических парафий, а к 60-м годам XVIII в. их сохранилось не более 10% (С. 50–51). В. Кригзайзен приходит к выводу, что состояние источников не позволяет достоверно определить численность кальвинистской шляхты и в целом описать социальную структуру евангелических объединений в первой половине XVIII в. Только архивы городов Западного Поморья и Гданьска позволяют сделать это применительно к Королевской Пруссии. Исследователи, пытавшиеся ответить на этот вопрос, пришли к противоречивым выводам

(С. 51–52). Сохранившиеся источники, как констатировал автор, позволяють исследовать только историю отдельных объединений и общин. Их анализ приводит к выводу о наличии существенных особенностей быта, сословного положения и менталитета протестантской шляхты отдельных провинций, как и их населения в целом.

Исходя из этого, В. Кригзайзен сосредоточил внимание на изучении положения евангелической шляхты в Малой Польше, Великой Польше и Великом княжестве Литовском. В Малой Польше, которая в XVI в. была центром польской реформации, в конце XVII в. объединение евангелистов было, по словам автора, "просто тенью по сравнению с предшествовавшим столетием" (С. 57). Это было вызвано сокращением числа верующих и приходов, а также реорганизацией самого объединения евангелистов: ликвидацией дистриктов и связанным с этим сокращением числа почетных титулов духовных сеньоров и их доходов. Автор, разумеется, прав, указывая на это обстоятельство как на причину ослабления связей богатых шляхтичей-евангелистов с объединением и последующего их перехода в католичество. Думается, что сами организационные преобразования были вызваны упадком объединения, а его глубинные причины, из-за отсутствия источников, можно определить только гипотетически. Однако несомненно, что именно Малая Польша в XVIII в. по степени влияния католической церкви на все стороны жизни и по прокатолическим настроениям шляхты выделялась среди других провинций Речи Посполитой. Магнатское землевладение было там развито гораздо менее, чем в Литве или на Руси (Русью в Речи Посполитой называлась восточная окраина Малой Польши), а можновладцы не покровительствовали иноверцам. К тому же церковное землевладение играло здесь нередко ту же роль по отношению к средней и мелкой шляхте, которая в других областях Речи Посполитой принадлежала светской магнатуре. На Руси дело обстоит иначе: здесь борьба католичества и православия, по-видимому, исключала развитие заметного реформационного движения. Наконец, Малая Польша граничила с католическими землями монархии Габсбургов, что затрудняло для протестантов связи с зарубежными иноверцами и ограничивало возможности помощи с их стороны.

Позиции протестантов в Великой Польше были гораздо более прочными. Говоря о

численности великопольских протестантов, В. Кригзайзен приходит к выводу, что, как и для Малой Польши, источники не позволяют судить об этом достоверно (С. 71–74). Следует подчеркнуть мысль автора, что вопрос о численности протестантов в XVIII в. имел принципиальное политическое значение, особо существенное для иноверцев Великой Польши и Королевской Пруссии. Скрывая действительное положение вещей, они всячески стремились подчеркнуть свою многочисленность, чтобы выглядеть более внушительной силой как в политической борьбе внутри Польши, так и в отношениях с протестантскими государствами, поддерживавшими контакты со своими единоверцами в Речи Посполитой в надежде на их переселение в собственные владения и на поддержку с их стороны своего политического влияния и планов в Польше.

Анализируя внутреннюю структуру протестантского населения Великой Польши, В. Кригзайзен справедливо указывает на решающее преобладание в этой провинции лютеран аугсбургского направления, в то время как кальвинисты составляли меньшинство. Социальная и организационная структура протестантов, как лютеран, так и евангелистов, здесь не претерпела деформаций, как это произошло в Малой Польше. И лютеранские, и кальвинистские общины действовали под патронатом шляхты и подлежали ведению светских сеньоров. Под контролем протестантской шляхты находились и городские общины. Вероятно, как полагает В. Кригзайзен, существовали и крестьянские протестантские общины, хотя о них, по его словам, менее всего известно (С. 77).

Организация евангелистов Великой Польши состояла из двух уровней: общин и Синодального съезда, который в первой половине XVIII в. назывался еще Генеральным конвентом. Дистриктов как среднего организационного звена там не было.

Наибольший интерес в книге представляет анализ положения евангелической шляхты в Литве – и не только потому, что здесь кальвинисты составляли большинство среди протестантов, но и потому, что в Литве их общественная, сословная и церковная организация была наиболее развита и сохранила в первой половине XVIII в. наиболее сложную структуру. В. Кригзайзен приходит к выводу, что "литовское объединение представляло собой наилучший пример синодально-пресвитериальной церковной организации, в которой довольно выражено равное влияние светских и

духовных властей всех уровней" (С. 89). Во главе литовских кальвинистов стоял синод, пользовавшийся высоким авторитетом. В его ведении находились связи с границей, отношения со светскими и духовными властями Речи Посполитой. Очень важным является вывод автора о значении в истории организации литовских кальвинистов перехода на рубеже XVII–XVIII вв. от существовавшего ранее магнатского протектората над объединением (такими протекторами были, в частности, Радзивиллы) к ведущей роли в нем средней шляхты, которая принесла в структуру организации и в деятельность синода традиции и формы общественного поведения, характерные для шляхетского республиканизма (С. 89–93).

Говоря об отмеченных автором особенностях евангелической церкви Литвы, нельзя не указать, что ее общины были образованы на основе личного участия, а не только по признаку принадлежности к приходу. Поэтому широко распространенная в первой половине XVIII в. ликвидация иноверческих церквей в Речи Посполитой, когда не католикам было запрещено строить новые храмы, а также восстанавливать старые, "нанесла сравнительно меньший вред литовским протестантам, чем в Короне, и дала меньший эффект, чем в Малой Польше" (С. 99).

Раздел, посвященный Великому княжеству Литовскому, наиболее богат по привлеченным источникам и приведенному автором фактическому материалу. Тем не менее два, по нашему мнению, весьма существенных вопроса оказались не затронуты: это, во-первых, отношения протестантской шляхты с крестьянством своих имений и, во-вторых, контакты евангелистов с представителями православного духовенства.

Третий раздел в монографии В. Кригзайзена посвящен экономическим основам функционирования объединений кальвинистов. Надо сказать, что эта проблематика никогда прежде не рассматривалась в историографии. В книге приведены многочисленные факты экономической взаимопомощи протестантских объединений, их поддержки со стороны магнатов-доброхотов, которые одновременно нередко являлись и духовными сеньорами; приведены свидетельства финансовой помощи польским протестантам со стороны заграничных единоверцев, отражена практика создания специальных касс, в которых участвовали объединения разных протестантских конфессий, с целью ведения судебных процессов или же финансирования политических

мероприятий. Нередко денежные средства протестантских объединений хранились в заграничных банках.

Приведенный автором материал отражает, с одной стороны, особое значение мобилизации денежных средств для отстаивания протестантами своих прав в условиях развития польского внутреннего рынка и вовлеченности Речи Посполитой в европейскую систему товарно-денежных отношений, а с другой – свидетельствует о развитии всесторонних контактов протестантских церквей не только в Польше, но и в других европейских странах, об их стремлении к координации своих действий перед лицом церковно-политической системы католицизма во главе с Римской курией.

Однако, думается, что, несмотря на все значение подобных мер, решающим условием сохранения протестантских объединений, их сословного статуса как шляхетских было наличие в руках протестантов земельной собственности, которая служила основой их экономического положения и сословного статуса. К сожалению, из-за отсутствия источников, вопрос о структуре земельной собственности протестантов и их поземельных отношениях с магнатами и католической шляхтой остался нерассмотренным, за исключением очень ценных наблюдений о роли магнатов – покровителей и светских сеньорах.

Тема взаимодействия протестантских объединений различных конфессий специально была исследована В. Кригзайзеном в четвертом разделе, где он обратился не только к примерам сотрудничества, но и к истории противоречий и конфликтов. В итоге автор приходит к выводу, что "все попытки институционального объединения и неформального сотрудничества между церковными властями лютеран и кальвинистов были предприняты прежде всего, если не исключительно, вследствие угрозы со стороны католической церкви" (С. 168).

К анализу позиции католической церкви по отношению к кальвинистам автор обращается в следующем разделе, состоящем из трех частей. В начале В. Кригзайзен детально рассматривает католическую полемическую литературу, направленную против протестантов-кальвинистов. Обращает на себя внимание наличие в ней, по нашему мнению, трех основных тенденций: во-первых, преследования иноверцев представлены как форма защиты католицизма от якобы существующей угрозы протестантизма, во-вторых, отстаивания

вание и требование расширения сословных прав католического клира и церковной администрации и, в-третьих, утверждение, что антипротестантская доктрина не противоречит веротерпимости. На практике такие установки, как показал автор, выразились не столько в идейной полемике и пропаганде, сколько в стремлении католического духовенства установить собственную власть над протестантскими объединениями, что, добавим, сулило и определенные материальные выгоды. Эти попытки, естественно, встречали сопротивление со стороны евангелистской шляхты (как, впрочем, и других иноверцев), которая в борьбе за свои права, как показал автор, не только сотрудничала с другими протестантскими конфессиями в Польше, но и обращалась за помощью к другим протестантским государствам, направляя туда специальные миссии (С. 252–254). В наибольшей степени протестанты находили поддержку в Пруссии, в определенной мере – в Голландии. Обращает на себя внимание вывод В. Кригзайзена об отсутствии контактов литовских евангелистов с правительством Петра I. Говоря о политической активности евангелистов, в частности и в связи с их зарубежными контактами, автор высказывает мысль о двух поколениях диссидентских политиков в Польше в первой половине XVIII в., старшее из которых ориентировалось на поддержку Пруссии, а младшее после кончины в 1763 г. Августа III обратилось к сотрудничеству с Россией. Поэтому важным представляется вывод автора об осознании диссидентской элитой недостаточности собственных сил для защиты от давления католиков. Как показал В. Кригзайзен, пророссийская "диссидентская партия" сложилась уже летом 1764 г.

Заключительный раздел монографии посвящен анализу отличительных черт евангелической шляхты как социальной и сословной общности. По словам автора, в XVI–XVII вв. иноверческая шляхта в Польше представляла собой просто составную часть "сословия, создавшего шляхетскую республику, неотъемлемую его группу, связанную с обществом как землевладельцы". Со второй половины XVII в. это положение изменилось: на сословных границах шляхты возникла новая группа –

диссидентская шляхта, которая существенно отличалась от католического большинства, не только в правовой и политической сферах, "но и в трудноуловимой в источниках сфере ментальности" (С. 255). Этой последней сфере автор и уделил пристальное внимание, имея в виду, что сословные правовые и политические особенности положения иноверческой шляхты были детально проанализированы ранее. Специфические черты сознания иноверцев-протестантов В. Кригзайзен анализирует на основе источников, отразивших состояние в евангелических объединениях школы и просвещения, практики обучения за границей, библиотечного и издательского дела, общественной мысли в протестантской среде. При этом основное внимание автор уделит не собственно религиозным проблемам, а анализу протестантских концепций гражданской истории и истории права. Говоря о специфических чертах протестантской ("диссидентской") культуры в Польше, В. Кригзайзен приходит к обоснованному выводу, "что для культурного облика диссидентской шляхты была более характерна близость к североевропейскому типу, чем к традициям шляхетского сарматизма" (С. 284).

В заключение автор ставит вопрос, по нашему мнению, принципиально важный для исследования в целом: в какой мере сословная, политическая и культурная обособленность диссидентской шляхты повлияла на ее роль в структуре польского общества первой половины XVIII в.? Отвечая на него, В. Кригзайзен подчеркивает, что, хотя тенденции указанной обособленности и нарастали, диссидентская шляхта все же не утратила существенных связей в польском обществе "и не превратилась в изолированную группу как, например, менониты" (С. 255).

© 1998 г. Носов Б.В.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Hoensch J.K. Sozialverfassung und politische Reform. Polen im vorrevolutionären Zeitalter. Koeln; Wien, 1973. S. 188–189.

И.И. КОСТЮШКО. Аграрные реформы в Австрии, Пруссии и России в период перехода от феодализма к капитализму (сравнительный очерк). М., 1994. 142 С.

Изданная тиражом 200 экз. работа является частичным подведением итогов цикла четырех прежних публикаций автора. В 1954 г. в X томе "Ученых записок" Института славяноведения И.И. Костюшко опубликовал статью по вопросу разложения феодальных отношений и развития капитализма в сельском хозяйстве Королевства Польского, опираясь в значительной мере на издание "Roczniki Gospodarstwa Krajowego" (1842–1864). Предварительный подход к проблематике аграрной реформы в Королевстве Польском был осуществлен в конце 1958 г. на первом аграрном симпозиуме в Таллине. В 1962 г. им была защищена докторская диссертация, посвященная аграрной реформе, в широком ее понимании, на этой территории, основанная на полусотне польских и российских архивных фондах. Отзывы на диссертацию дали М.В. Миско, Н.Н. Лещенко, П. Вандыч (США) и автор настоящей рецензии.

В 1989 г. вышла в свет долго подготавливавшаяся монография И.И. Костюшко, посвященная прусской аграрной реформе. Автор обнаружил хорошее знание немецкой и польской историографии, а в III–VIII главах обратился к немецким материалам, а также выборочно к местным актам властей, проводивших реформу в Быгдожи и Вроцлаве.

Очередной публикации (1993), посвященной австрийской реформе, предшествовали архивные исследования, что частично объясняется ситуацией, в которой подготавливалась книга. Автор, может быть, еще в большей степени, чем в предыдущей книге, сделал упор на специфику отдельных провинций, не останавливаясь также перед сравнением с прусской реформой. Из польской историографии он обратился к львовской школе Ф. Буяка: Р. Роздольскому и С. Инглоту, а также к материалам, изданным М. Тыровичем; вне этого направления – к В. Грабскому. Австрийская реформа, наиболее радикально упразднившая феодальные пережитки, сыграла огромную роль в общей модели перемен, обрисованной автором. В этой ситуации кажутся неоправданными сокращения цити-

руемой литературы. Не хватает особенно книги Т. Мендля [1]. Определенное соприкосновение с тематикой работы И.И. Костюшко имеет, вероятно, книга С. Кеневича [2], являющаяся новой редакцией юбилейной статьи 1948 г. (это относится особенно к полемике между С. Кеневичем и цитируемой И.И. Костюшко украинской исследовательницей Е.М. Косачевской, которая из польской историографии использовала также работы Ф. Буяка, Ю. Бузека и В. Стыся [3]). В украинской историографии этой тематикой занимался также В.А. Борис. 70% примечаний книги И.И. Костюшко об австрийской реформе относится к первой главе, посвященной аграрным отношениям накануне реформы.

Рецензируемая работа не имеет примечаний, заменяет их краткая библиографическая информация во введении. В исследовании И.И. Костюшко большую роль играют великороссийские европейские губернии, о которых, кроме вступительных фрагментов, автор не писал прежде. И.И. Костюшко ссылается главным образом на фундаментальную работу академика Н.М. Дружинина [4]. К сожалению отсутствуют две позиции: П.А. Зайончковского "Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 г." (М., 1958), а также изданного в это время второго тома работы о реформе П.Д. Киселева того же Н.М. Дружинина. Я рецензировал ее в журнале "Kwartalnik Historyczny" (1960).

Относительно Королевства Польского и западных губерний автор старался учесть большую литературу, появившуюся после 1962 г. Здесь хотел бы ограничиться результатом Ч. Огризко-Влодарской, которая в октябре 1958 г. положила начало дискуссии о результатах реформы в докторской работе, опубликованной в 1972 г., и установившая увеличение крестьянского ареала земли вблизи промышленного текстильного центра в Лодзи на 9% [5]. Относительно Литвы меня наиболее убеждают расчеты Л. Мулявичюса [6]. Коррективы, сделанные поверочными комиссиями в Ковенской и Виленской губерниях, оценил В.И. Неупокоев [7].

Рецензируемая книга состоит из девяти глав. Наиболее обстоятельные из них посвящены аграрным отношениям накануне реформы, а также оценке упраздняемых повинностей. Они содержат обширный статистический материал (детальная конфронтация данных выходила бы за пределы рецензии). Глава III, о наделении крестьян землей, имеет очевидные диспропорции (Россия – 14 страниц, Пруссия – 8, Австрия – 2).

Основной тезис автора – это капиталистическая эволюция аграрных отношений средневосточноевропейского типа с его государственными вариантами и местной спецификой. К таким вариантам автор относит Вестфальскую и Рейнскую провинции, где почти вся земля оказалась в руках крестьян. Не подлежит сомнению существенное влияние Великой французской революции, последствия которой были, однако, различными.

Этой важной публикации не должен упустить из виду ни один исследователь общественной и правовой проблематики в Центрально-Восточной Европе.

© 1998 г. Гронеvский К.

1. *Mencel T.* Galicja Zachodnia. 1795–1809. Lublin, 1976. Rozd. III. P. 3. Chłopi. S. 82–138.
2. *Kieniewicz S.* Pomіęzy Stadionem a Gosławem. Wrocław, 1980. S. 5.
3. *Косачевская Е.М.* Восточная Галиция накануне и в период революции 1848 г. Львов, 1965. С. 10.
4. *Дружинин Н.М.* Русская деревня на переломе, 1861–1880 гг. М., 1978.
5. *Ohzyzko-Włodarska Cz.* Przemiany na wsi Królestwa Polskiego w latach 1846–1870. Warszawa, 1972. S. 276.
6. *Мулявичюс Л.* Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 г. в Литве. Вильнюс, 1964 (автореферат канд. диссертации).
7. Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М., 1963. С. 427.

Славяноведение, № 5

А.Н. ПЫПИН. МОИ ЗАМЕТКИ. Саратов, 1996. 332 С.

Литературно-мемориальным музеем-усадебой Н.Г. Чернышевского в Саратове осуществлено новое издание воспоминаний известного русского ученого и публициста А.Н. Пыпина "Мои заметки" (первое издание вышло в 1910 г. небольшим тиражом). Целесообразность переиздания книги объясняется непреходящим интересом к истории социально-политического движения, общественной мысли и культуры России середины XIX в. (к сожалению, воспоминания остались незаконченными). Мемуары не только позволяют проследить процесс формирования личности А.Н. Пыпина – в них широко отражены интересные факты научной и культурной жизни России и некоторых стран Европы 1850-х годов, приведены сведения, ценные для истории литературы и журналистики, даны зарисовки жизни Саратова, Казанского и Петербургского университетов.

Воспоминания отражают формирование славянских интересов А.Н. Пыпина и Н.Г. Чернышевского. Большое место в книге уделяется ученым и общественным деятелям славянских стран (П.И. Шафарику, В. Ганке, Ф. Палацкому, К.Я. Эрбену, Ф. Миклошичу и др.), а также российским славистам (в частности, И.И. Срезневскому и его преподаванию славянской филологии в Петербургском университете), что указывает на особое внимание ее автора к славянству и его изучению; поэтому воспоминания А.Н. Пыпина являются важным источником по истории славяноведения в России. Существенными являются сведения о формировании у А.Н. Пыпина критического отношения к славянофильской и панславистской идеологии. Очень актуальными представляются мысли автора мемуаров о влиянии России на славянский мир через сферу культуры. Издание

иллюстрировано семейными фотографиями и видами мест, связанных с жизнью и деятельностью А.Н. Пыпина.

Весьма важным отличием нынешнего издания от предыдущего является обширная вводная статья (А.С. Озерянского) и пространные комментарии к тексту (составленные Г.П. Мурениной и А.С. Озерянским).

Предваряя автобиографические заметки А.Н. Пыпина, А.С. Озерянский дает достаточно глубокий анализ явлений общественной жизни того времени, перечисляет основные факты биографии ученого, как нашедшие отражение, так и неосвещенные в книге (уделяя особое внимание тем из них, которые оказали влияние на формирование

мировоззрения Пыпина), приводит содержание воспоминаний, касаясь истории их создания и отмечая приемы работы мемуариста. В статье также затронут нерешенный пока вопрос о местонахождении рукописи мемуаров.

Выходя за рамки чисто мемуарного жанра, "Мои заметки", а также опубликованные вместе с ними "Несколько воспоминаний" А.Н. Пыпина, значительно расширяют представления о важных событиях общественно-политической и научно-литературной жизни России середины XIX в.

© 1998 г. Аксенова Е.П., Досталь М.Ю.

Славяноведение, № 5

J. RYCHLÍK. Češi a Slováci ve 20. století. Česko-slovenské vztahy 1914–1945. Bratislava, 1997. 360 С.

Я. РЫХЛИК. Чехи и словаки в XX столетии. Чешско-словацкие отношения 1914–1945.

В 1992 г. Чехословакия прекратила свое существование. В связи с этим встали вопросы о правомерности ее возникновения и причинах распада. Единое государство, существовавшее более 70 лет, исчезло с карты Европы, уступив место двум независимым странам – Чешской и Словацкой республикам. Однако для историков это государство продолжает существовать (хотя бы в качестве объекта исследования). История Чехословацкой республики богата бурными событиями, и это уже ее второй раздел, если вспомнить 1939 г. Общественный строй и формы государственного устройства на протяжении этих лет были различны, начиная от централизованной буржуазно-демократической республики, где чехи и словаки объявлялись единой нацией, а официальным языком являлся "чехословацкий", до предоставления Словацкому краю широкой автономии в 1938 г. После второй мировой войны единое государство было восстановлено сначала на народно-демократических, а затем социалистических началах. Однако различные формы федеративного устройства послевоенного периода все же не спасли страну от распада.

Сложные взаимоотношения чехов и словаков с начала первой мировой и вплоть до окончания второй мировой войны стали предметом изучения чешского историка Я. Рыхлика. Книга этого автора представляет собой целостное, серьезное и в высшей степени фундаментальное исследование. Автор задается вопросами: был ли распад Чехословакии закономерным или случайным и как оценить центробежные тенденции в современных условиях европейского единения? Работа написана с использованием многочисленных архивных и опубликованных документов, материалов периодической печати. Автора отличает и прекрасное знание историографии вопроса. Подробный список источников и литературы, данный в конце книги, весьма впечатляет, так как включает в себя наименования 24 центральных и местных архивов Чешской и Словацкой республик, а также архивы Болгарии, Великобритании, Венгрии, Польши и России.

Если говорить о структуре работы, то она состоит из предисловия, введения, пяти глав и заключения. Книга иллюстрирована фотографиями чехословацких политических

деятелей. В приложении даны 23 наиболее важных и любопытных документа из истории чешско-словацких взаимоотношений. Книга также снабжена именованным указателем.

Во введении рассматриваются общие проблемы возникновения и развития современных наций, освещаются чешско-словацкие отношения с периода национального возрождения до первой мировой войны. Здесь также представлен историографический обзор проблемы с 1918 г. по 1992 г.

Глава первая посвящена возникновению общего государства чехов и словаков. В ней описывается политическая обстановка в чешском и словацком обществе в начале первой мировой войны, заграничное освободительное движение. Большое внимание уделено образованию государства на фоне военных событий того времени. Анализируя Мартинскую декларацию от 30 октября 1918 г., автор приходит к выводу, что она свидетельствовала о ясно выраженном желании словаков жить в одном государстве с чехами. Образование единого государства Я. Рыхлик не считает исторической ошибкой, оценивая это событие, наоборот, очень высоко. По его мнению, образование Чехословацкого государства имело эпохальное значение для обоих народов, так как предотвратило создание неприятельской для чехов немецкой Средней Европы и спасло словаков от полной мадьяризации. Однако вхождение в единое государство народов, находившихся на разных ступенях экономического и социального развития и имевших различный исторический опыт, несло множество проблем их взаимному сосуществованию.

Во второй главе всесторонне анализируется положение Словакии в рамках I Чехословацкой республики. Особый интерес представляют разбираемые автором особые вопросы чешско-словацких отношений (церковная проблема, языковый вопрос, участие словаков в государственном управлении, земельная реформа и проблема экономического развития Словакии). Здесь же автор представляет в динамике политическую борьбу за автономию Словакии, разбирая различные автономистские проекты, генератором которых являлась Словацкая народная партия.

Послемюнхенский период II республики рассматривается в третьей главе книги. Конституционный акт от 22 ноября 1938 г., предоставивший широкую автономию Словакии, по мнению Рыхлика, превратил

Чехословацкую республику в "нетипичную" федерацию, так как чешских национальных органов не существовало. Этот союз автор склонен характеризовать скорее как конфедерацию. Спорным представляется утверждение, что провозглашение независимости Словакии в марте 1939 г. не было вызвано лишь внешним давлением Германии и угрозой венгерской оккупации. Я. Рыхлик считает, что словаки желали суверенитета, но лишь ждали удобного момента для его провозглашения.

Четвертая глава рассказывает о судьбах чешского и словацкого народов в годы второй мировой войны, связях Словацкого государства с протекторатом Богемии и Моравии, положении чехов в Словакии и словаков в протекторате, "решении еврейского вопроса". Заключительные параграфы главы посвящены плану восстановления Чехословацкого государства. Последняя, пятая глава охватывает период от Словацкого национального восстания до освобождения страны. Основные выводы автора не вызывают сомнения и даны в заключении. Он считает, что для создания единой политической нации из чехов и словаков просто не хватило времени. Автономистское движение в Словакии было выражением процесса развития словацкого этноса в политическую нацию и в этом смысле вполне легитимным. Однако трагедией являлось то, что ведущей политической силой этого движения была Глинковская словацкая народная партия, изначально консервативная, а с 1936 г. открыто перешедшая на тоталитарные профашистские позиции. В конце войны победила идея восстановления единого государства, но словаки хотели присоединения к новой Чехословакии на федеративной основе.

Занимаясь проблемой национальных отношений, трудно сохранить непредвзятость, особенно, если эти проблемы непосредственно касаются самого автора. Естественно, что некоторые оценки и мнения сугубо индивидуальны и субъективны. Однако основные выводы автора достаточно взвешены и продуманы. Хочется лишь приветствовать попытку объективно оценить процесс формирования взаимоотношений двух народов, не оставляя без внимания спорные, болезненные вопросы, и пожелать автору дальнейшей плодотворной работы.

© 1998 г. *Серпионова Е.П.*

С.В. НИКОЛЬСКИЙ. История образа Швейка. Новое о Ярославе Гашеке и его герое. М., 1997. 176 С.

Насколько же "скукожилась" российская "культурная грибница", если издатель ныне не рискует печатать более тысячи экземпляров исследования, посвященного творческой истории знаменитого комического романа и его главного героя – бравого солдата, ставшего одним из ярчайших образов мировой литературы завершающегося столетия! А ведь еще сравнительно недавно книги, тематически сопоставимые, одноплановые, например, "Кто вы, герои книг?" Р. Белоусова и т.п., почти целиком вторичные в фактическом отношении, расходились тиражами в десятки и даже сотни тысяч экземпляров.

Работа же С.В. Никольского – редкий образец научной монографии, абсолютно оригинальной как по материалу, так и по концепции, к тому же написанной захватывающе интересно и добротным русским языком.

Первая из трех глав книги – "Жизнь, ставшая творческим процессом" – это по существу духовная биография Я. Гашека, обвешенная мучительно принимаемыми или отвергаемыми общественными или нравственными идеалами, это проникновение в его художественную лабораторию, анализ непрерывно пульсирующей художественной фантазии мастера слова. Автор сознательно лишь отчасти использует общеизвестные сведения, относящиеся к внешней канве жизни Я. Гашека и многократно повторенные предыдущими исследователями. Основная задача С.В. Никольского в этой главе – определить то "золотое сечение" между личным житейским опытом, историко-литературными традициями и индивидуальным творческим потенциалом, нащупав которое Я. Гашек смог создать образ, равновеликий бессмертным образам не только мировой художественной литературы, но и мирового фольклора.

Прослеживая путь Я. Гашека от рассказов и повести о Швейке к роману, С.В. Никольский последовательно характеризует используемые писателем механизмы смеховой игры, розыгрыша и шаржа, комической мистификации, языковую стилистику и структуру внутрисюжетных хитросплетений, чтобы убедительно доказать и –

главное – показать читателю, как удалось Я. Гашеку "создать не только новый комический тип, но и во многом новую художественно-повествовательную систему" (С. 74).

Не оставлена в стороне, конечно же, и "рассудочная установка", так называемое идейное содержание, произведений Я. Гашека. Если ранние рассказы отражают прежде всего абсолютно понятное, житейское нежелание чехов служить в австро-венгерской армии, а повесть "Бравый солдат Швейк в плену", написанная в феврале 1917 г., представляет собой откровенное обличение австрийской военщины и политического режима, то роман – это сатирический протест против насилия, против стремления повелевать другими, против абсурдности многих регламентов и установок в современном мире, прикрытых фиговым листком ложных символов и мифов, против – используя крылатое слово В.В. Розанова – "начальства", которое "не ушло" и никогда не уйдет и в борьбе с которым человеческое достоинство придется отстаивать всегда. А потому Швейк обречен на бессмертие.

Вторая глава – "По следам прототипа главного героя Гашека" – увлекательный, почти детективный и одновременно строго документированный рассказ о поисках и идентификации того реального человека, встреча с которым дала писателю толчок к работе над образом "бравого солдата".

Давно, уже в межвоенный период, было известно, что многие, даже второстепенные, персонажи Я. Гашека носят имена реально существовавших лиц и ведут свою историю от этих конкретных людей. Это и поручик Лукаш, и старший писарь Ванек, и кадет Биглер, и сапер Водичка, и другие. Ну а Швейк?

О его прототипе ходили весьма туманные и противоречивые слухи, назывались разные имена. Правда, в 1968 г. появилась статья Я. Веселого, в которой утверждалось, что на протяжении более десяти лет у Я. Гашека был приятель, пражский ремесленник Йозеф Швейк. Однако этой статье, напечатанной в популярном, "огоньковском" типа, журнале "Кветы", не слишком-

то поверили, а исследователи не придали особого значения приведенным в ней сведениям. Задачу документально подтвердить (или же опровергнуть) эту версию и поставил перед собой С.В. Никольский, когда приступал к долгим и кропотливым поискам неопровержимых доказательств. Их результаты сконцентрированы в разделах "Солдат с личным номером 20899" и "Швейк в Праге и России".

Тщательно изучив документы пражского Военно-исторического архива, где удалось обнаружить дотоле никому не известное личное воинское дело солдата Йозефа Швейка и массу иных материалов (адрес-календари, домовые книги, свидетельства очевидцев, современную прессу), С.В. Никольский твердо установил, что именно этот человек – Йозеф Швейк, 1890 г. рождения, проживавший в Праге на улице Боиште, служивший в 36-м (Младоболеславском) полку, сдавшемся почти в полном составе в русский плен, вступивший в добровольческие части Чехословацкого корпуса и вернувшийся на родину в 1919 г., познакомившийся с писателем еще в мае 1911 г. (и тогда же впервые появившийся на страницах его рассказов) и поддерживавший с ним дружеские отношения вплоть до его смерти – и есть главный прототип "бравого солдата".

С.В. Никольский scrupuleзно прослеживает его контакты с Я. Гашеком и в довоенной Праге, и в годы мировой войны, и во взвихренной России, где их жизненные пути столь причудливо и даже судьбоносно переплетались (достаточно вспомнить эпизод в Самаре, когда Й. Швейк, по его словам, был послан в составе вооруженного патруля арестовывать Я. Гашека и предупредил его об опасности), и, наконец, в послевоенной Праге.

Впечатляют реконструированные С.В. Никольским по записям в солдатских формулярах о прибытиях и убытиях, по заключениям медицинских комиссий и иным документам российские маршруты реального Й. Швейка – Киев, Ташкент, Самара, Иркутск, Владивосток.

Убедительно дезавуировав гипотезы и легенды об иных возможных претендентах на почетное звание прототипа бравого солдата Швейка, С.В. Никольский выносит уже не могущий быть подвергнутым сомнению вердикт: «Единственным Швейком, обстоятельства жизни которого во многом напоминают судьбу героя Гашека, является как раз Йозеф Швейк, живший рядом с трактиром "У чаши". Он дал основной импульс для возникновения знаменитого образа. Но только импульс, хотя и очень

важный. Дальше уже простиралась необозримая и бурная работа гениального творческого воображения Гашека» (С. 107).

Гашек умер в начале 1923 г., сравнительно молодым человеком, не дожив каких-нибудь четырех-пяти лет до своей всемирной славы. Отведи ему судьба еще полтора-два десятка лет, не получил ли бы он Нобелевскую премию, не превратили ли бы его обильные гонорары в "литературного рантье" (что случалось со многими талантами), как бы складывались его отношения с миром, обществом, властью? Об этом можно лишь гадать. А вот попытка, опираясь на неоспоримые факты, реконструировать всю сюжетную цепочку знаменитого романа, оставшегося незавершенным, не выглядит уж такой безнадежной и некорректной, а по прочтении главы рецензируемой книги "О чем Гашек не успел написать" предстает вполне результативной.

Цель, поставленная С.В. Никольским, была не из легких, поскольку Я. Гашек не только не признавал черновики и наброски (все писал набело), но даже не имел обыкновения записывать планы своих произведений и предпочитал хранить их в голове, всецело полагаясь на свою феноменальную память.

Последнее звено в развитии действия известно из предисловия Я. Гашека к своей знаменитой книге, из которого видно, что Швейк вернулся в конце концов целым и невредимым в Прагу: "В наше время вы можете встретить на пражских улицах бедно одетого человека, который и сам не подозревает, каково его значение в истории новой, великой эпохи". Но что должно было предшествовать этому?

"Наращивание" сюжета происходило по мере следования исторических событий. Я. Гашек предполагал ставить героя во все новые и новые исторические условия: мировая война, австрийская армия, русский плен, Чехословацкий добровольческий корпус. И весной 1921 г. Я. Гашек в рекламных плакатах оповещает публику о своем сочинении "Похождения бравого солдата Швейка во время мировой войны и гражданской войны у нас и в России". Далее, единодушно считают свидетели из окружения писателя, Швейк должен был вступить в Красную Армию (тут-то путь Швейка – героя романа разошелся бы, наконец, с путем реального Швейка и сблизился с биографией автора). В этой связи С.В. Никольским подробно рассмотрено предание о якобы написанном Гашеком в Сибири и недошедшем произведении "Швейк в стране большевиков".

Достаточно экзотично, но, вероятно, справедливо предположение ученого о том, что Я. Гашек хотел каким-то образом связать судьбу Швейка и с освободительным движением китайского народа, о чем говорит и несомненное знание писателем китайских реалий и китайского языка, подтверждаемое заключениями московских филологов-китаистов Б.Л. Рифтина и М.В. Софронова.

Для того, чтобы реконструировать неосуществленные замыслы писателя, надо было окунуться в атмосферу Сибири тех лет, там искать свидетелей и документы, использовать в качестве "подсказок" сибирские исторические, географические, этнографические и иные реалии. Что и было предпринято С.В. Никольским, прошедшим по сибирским местам пребывания Я. Гашека. Разделы "Иркутский дневник", "Рыбалка на Чертовом озере", рассказывающие о том, как гипотезы и предположения обрастали на сибирских просторах живой плотью фактов, – сами по себе великолепные путевые очерки. Много нового мы узнаем о перипетиях личной судьбы писателя, вынужденного решать нелегкую дилемму – либо возвращаться на родину, где подрастал сын от первого брака и где Я. Гашека несомненно поджидали трудности политического характера, либо оставаться в России, с новой семьей, с нараставшими сомнениями по поводу скорой "мировой революции".

Прочитав монографию С.В. Никольского "История образа Швейка" (тот, кому она не досталась, пусть требует от издателей второго тиража), мы непременно потянемся к книжной полке, возьмем в руки знаменитый роман и снова насладимся художественными и смысловыми богатствами "Похождения бравого солдата Швейка", многие из которых откроются для нас только теперь – благодаря книге С.В. Никольского.

Разрушим строгие каноны жанра академической рецензии. В самом конце 50-х годов меня, студента старшего курса филологического факультета Московского государственного университета, послали на

преддипломную практику в Институт славяноведения АН СССР. Дали адрес института и имя руководителя. Старинный, середины XIX в., особняк в Трубниковском переулке, одноэтажный по фасаду, двухэтажный во дворе, прятался за кирпичной, с чугунными решетками поверху, оградой и шеренгой высоких вековых деревьев. Нашел я его легко, потому что жил в этом районе с 1955 г., когда заселили одну из сталинских высоток (жил, кстати, в коммунальной квартире, что повергло в изумление моих многочисленных друзей и подруг, свято веривших в миф о грандиозных апартаментах, коими будто бы владеют жильцы дома на площади Восстания). И человека, который должен был руководить моей практикой, нашел быстро. Кто-то подсказал: "Посмотрите его в зале". В ней, именно в ней, в зале, освещенной через расположенные по двум стенам огромные окна, за большим столом для президиума сидел спиной к улице светловолосый человек, на лице которого – едва я открыл стеклянную дверь – появилась легкая, доброжелательная и даже почему-то радостная улыбка. Это и был Сергей Васильевич Никольский. С первых же минут общения с ним было непринужденно и интересно. Задание состояло в следующем: выписать на карточки все материалы о чешской литературе, появившиеся на страницах журнала "Интернациональная литература", т.е. с 1933 по 1943 гг. Усердные посещения читального зала Библиотеки иностранной литературы перемежались с еженедельными консультациями и отчетами руководителю о проделанной работе. Картотечку по окончании практики я, кажется, отдал Сергею Васильевичу. Ее-то и следует считать моим первым научным (непечатным) трудом. Последним же, печатным, может стать, окажется эта рецензия. Радостно, что и первый и последний труды связаны с замечательным российским литературоведом.

© 1998 г. Ритчик Ю.И.

Słownik stereotypów i symboli ludowych / Pod red. J. Bartmińskiego. T. 1. Lublin, 1996. 439 S.

Словарь народных стереотипов и символов / Под ред. Е. Бартминского

Осенью 1996 г. – год с лишним спустя после выхода в Москве первого тома словаря "Славянские древности" под ред. Н.И. Толстого – в Люблине появился первый том другого монументального издания – "Словаря народных стереотипов и символов". Он был подготовлен авторским коллективом под руководством проф. Е. Бартминского из Университета им. М. Кюри-Склодовской. Оба словаря определяются их редакторами как этнолингвистические. Уместно будет напомнить, что этнолингвистика – это широкая пограничная область гуманитарного знания, изучающая связи языка и культуры, в своей славянской версии преимущественно – народного языка (диалектов) и традиционной культуры. В частности, люблинский словарь, по словам его редактора, является "попыткой реконструкции традиционной картины мира и человека, произведенной методами этнолингвистики и фольклористики. Эта картина, зафиксированная языком, фольклором, обрядами, является ключом к познанию культуры, отсутствующего в ней определенного отношения к миру и своеобразной ментальности" (S. 9). Главным (но не единственным) источником сведений о культуре признается естественный язык в его народно-разговорной, диалектной ипостаси, которому соответствует языковая картина мира. Последняя – это "совокупность суждений о свойствах и способах существования объектов внеязыковой действительности, суждений, в той или иной степени закрепленных в языке, заключенных в значениях слов или подразумеваемых этими значениями" [1]. Наряду с языком, сведения черпаются из данных других кодов традиционной культуры, но польские этнолингвисты остаются все-таки в первую очередь лингвистами – с точки зрения как предмета исследования, так и его методов, теоретического оснащения.

Замысел словаря возник у Е. Бартминского еще в начале 70-х годов. Тогда

речь шла о создании словаря языка (точнее – устойчивых оборотов, формул) польского песенного фольклора. К 1980 г., когда был издан пробный выпуск будущего словаря, получившего к этому времени название "Словарь народных языковых стереотипов", его концепция претерпела существенные изменения. В частности, выяснилось, что полноценная интерпретация материала возможна только при условии выхода за рамки одного – пусть и очень интересного – песенного жанра, и более того, нередко и за рамки фольклора вообще – в сферу, доселе бывшую ведомством этнографии. Предмет исследования расширился, приближаясь к народной культуре в целом. Единицами описания стали мыслиться уже не слова или словесные формулы языка фольклора. В окончательном варианте концепции словаря "основными единицами ... являются не слова (как в языковых словарях) и не соответствующие им реальные объекты (как в энциклопедиях), а семантические корреляты, стоящие между словами и объектами, иначе говоря – общественные представления предметов. Словарь имеет идеографический характер". Авторы словаря полагают, "что эти представления доступны для понимания при посредстве данных, содержащихся в языке и в текстах, а также (что выходит за рамки принятых до сего дня образцов языкового словаря) через записи верований и описаний действий. Эти представления – соответствующие значению в определенном смысле этого термина – имеют стереотипический характер и обычно символичны. Вместе с лексикой, грамматикой и совокупностью прагматических правил они составляют языковую картину мира исследуемой культуры" (S. 14).

Одним из концептов, ключевых для словаря, стало вынесенное в его заглавие понятие *стереотипа* [2]. Под стереотипом в самом общем смысле понимается "представление о предмете, оформленное в определенной общественной рамке и определяющее, чем этот предмет является, как

он выглядит, как действует, как трактуется человеком и т.п., при этом представление, закрепленное в языке, доступное через язык и относящееся к коллективному знанию о мире" (S. 9). Ранее Е. Бартминский говорил о стереотипах как о "стабилизированных в культуре и языке характеристиках, соотносящихся с именем предметов" [3]. Стереотип – совокупность черт, приписанная объекту и творящая его языково-культурный образ ([4]; подробная библиография западных и польских исследований проблемы – [4. S. 386–387]). Такое понимание стереотипа, конечно, расходится с общепринятым, и прежде всего даже не содержательно (термин этот на редкость многозначен), а отсутствием обычно приписываемых этому слову негативных коннотаций (ср. призывы "освободиться от стереотипов", негативную оценку "стереотипного мышления" и т.п.). Среди источников трактовки Бартминского – теория стереотипа американского философа языка Х. Патнэма. Опирается автор и на другие работы по этой проблематике, в частности, на труды немецкой исследовательницы У. Квастхофф и др. Лингвистические взгляды Бартминского вообще определены весьма разнородными влияниями: московской этнолингвистической школы Н.И. Толстого, американской когнитивной лингвистикой, семантикой А. Вежбицкой, а также концепциями Ю.Д. Апресяна, И.А. Мельчука, А.К. Жолковского и др. Но при этом его теория остается внутренне цельной, последовательной и строгой.

С когнитивистами и Вежбицкой этнолингвистику Бартминского особо роднит внимание к *типичному* и *прототипическому* в языке и культуре. Именно когнитивная лингвистика убедительно показала, что массовому сознанию, отраженному в языке, чужды лежащие в основе научной картины мира жестко определенные аристотелевские категории, принадлежность к которым элемента определяется через набор необходимых и достаточных признаков. Один из фундаментальных тезисов когнитивной лингвистики (восходящий к теории прототипов Э. Рош, принимающей существование так называемых натуральных, не классических категорий), как раз состоит в постулировании отсутствия жестких, четко очерченных границ между как логическими, так и языковыми (семантическими и грамматическими) категориями. Последние включают с точки зрения своей организации "прототипическое" ядро и целый ряд менее

типичных форм (в этом смысле воробей или малиновка оказываются более типичными птицами, чем курица, и уж тем более, чем пингвин или страус, являясь для познающего мир человека *прототипом* птицы). Именно типичное и прототипическое в народной культуре и призван в первую очередь описать "Словарь народных стереотипов и символов". Этому служит разработанная Е. Бартминским словарная дефиниция нового типа, получившая название когнитивной. Ее обоснованию редактор словаря посвятил работы [5; 6]. Когнитивной он называет дефиницию некоторого явления с точки зрения рядового, простого носителя языка, моделирующую устойчивый смысл, ассоциирующийся с данным явлением в низших культурных сферах, массовом народном сознании, и закрепленную в языковом стереотипе этого явления. Такая дефиниция предполагает по возможности полное описание не только денотативного компонента значения, но и его дополнительного компонента (коннотации), обусловленного зачастую экстралингвистическими, культурными факторами. Границы этого определения открыты, расплывчаты, а приводимые признаки могут принадлежать своей категории *в большей или меньшей степени* (градационная принадлежность). Дефиниция такого типа воспроизводит зафиксированные языком способы "наивного" (пользуясь термином Ю.Д. Апресяна) познания человеком окружающего мира.

Народные представления об устройстве и порядке творения мира воспроизводятся и самой структурой словаря. В перспективе запланированы следующие тематические разделы (не обязательно совпадающие с отдельными томами): I. *Космос*. II. *Растения*. III. *Животные*. IV. *Человек*. V. *Общество*. VI. *Религия*. Демонология. VII. *Время*. *Пространство*. *Меры*. *Цвета*. В словаре принята трехступенчатая иерархия статей: статьи первого уровня обнимают целые семантические поля (в первом томе это: *Небо* и *небесные светила*. *Огонь*. *Камни*). Они могут достигать по объему нескольких десятков страниц. Статьи второго уровня подчинены им и их детализируют (перечислим их: *Небо*. *Солнце*. *Луна*. *Звезды*. *Созвездия*. *Млечный путь*. *Заря*. *Огонь*. *Пламя*. *Искра*. *Дым*. *Жар*. *Угли*. *Пепел*. *Пожар*. *Камень*. *Песок*. *Каменный уголь*. *Драгоценные камни*). Наконец, статьи третьего уровня невелики (и носят часто служебный характер. Каждая

статья (кроме служебных) состоит из двух больших разделов: экспликации и документации. Первая часть содержит описание признаков объясняемого явления, зафиксированных в народной культуре и разбитых по рубрикам (фасетам, пользуясь принятым авторами словаря термином А. Вежбицкой). Рубрик этих может быть свыше 20: само *титульное слово* и его *дериваты*, *синонимы*, *когипонимы*; *гипероним*; *гипоним*; *коллекция* (с какими другими предметами предмет описания встречается в одном месте и в одно время на основании исполнения какой-то общей функции); *оппозиции*, т.е. "антонимы" на "сверхлексическом" уровне (*солнце* : *месяц* : *звезды*); *происхождение* (из чего происходит предмет и что происходит из него); *внешний вид*: *свойства*, не связанные с внешним видом; *составные части*; *количество*; *действия*, *процессы*, *состояния*; *деятельность*; *переживания* предмета; его *причина*; *следствие*; предмет как *объект* каких-то действий; как *адресат* или *адресант* высказывания; его *практическое использование*; *локализация*; *временной аспект*; *предзнаменования*; культурные *эквиваленты*; *символика*. Источники, плюсы и минусы такой подробной детальной системы признаков рассмотрены в обзоре [7]. Во второй части каждой статьи приведены цитаты из источников или описания, выполненные на метаязыке исследователя. Они распределены по фольклорным жанрам и иллюстрируют экспликацию. Большинству словарных статей предпосланы небольшие энциклопедические справки о символике описываемых понятий (представлений) в различных культурах древности, в частности, античной, древнеиндийской, праславянской и других индоевропейских, в иудеохристианской традиции. Составленные на основании распространенных словарей символов, трудов по истории мифологии и религии, христианской символике, работ, посвященных реконструкции индоевропейского и праславянского наследия, эти справки оказываются, тем не менее, самым слабым местом словаря. Являясь, очевидно, уступкой канонам жанра словаря символов, они эклектичны, зачастую фрагментарны и явно лежат за пределами общей концепции редактора.

В общем необходимо признать, что появление первого тома "Словаря народных стереотипов и символов" (как и московского словаря "Славянские древности") является для славистики вообще и славянской

этнолингвистики в частности событием первостепенной важности. Слависты, особенно полонисты и все занимающиеся сравнительно-историческими и контрастивными исследованиями, а также фольклористы, этнографы, культурологи, языковеды и другие получили как бесценный корпус систематизированного материала для своих работ, так и в некотором роде образцовое исследование, появление которого могло бы инициировать аналогичные работы в других славянских странах. Для славянской этнолингвистики появление обоих словарей, как и регулярный выход люблинского ежегодника "Etnolingwistyka" под ред. Е. Бартминского (издано восемь томов), все шире помещающего материалы из других славянских стран, означает по сути конституирование ее как авторитетной научной дисциплины, которая при некоторой неопределенности предмета и разнородности подходов и методов исследования имеет в своем активе несомненные научные достижения, представляющие общегуманитарную ценность.

© 1998 г. Юдин А.В.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Bartmiński J., Tokarski R.* Językowy obraz świata a spójność tekstu // *Teoria tekstu / Pod red. T. Dobrzyńskiej.* Ossolineum, 1986. S. 72.
2. *Bartmiński J.* Stereotyp jako przedmiot lingwistyki // *Z problemów frazeologii polskiej i słowiańskiej III / Pod red. M. Basaja i D. Rytel.* Ossolineum, 1985. S. 25–53.
3. *Bartmiński J.* Czym zajmuje się etnolingwistyka? // *Akcent.* № 4 (26). Lublin, 1986. S. 20.
4. *Bartmiński J., Panasiuk J.* Stereotypy językowe // *Encyklopedia kultury polskiej XX wieku.* T. 2. *Współczesny język / Red. J. Bartmiński.* Wrocław, 1993. S. 364.
5. *Bartmiński J.* Definicja leksykograficzna a opis języka // *Slownictwo w opisie języka / Pod red. K. Polańskiego.* Katowice, 1984. S. 9–19.
6. *Bartmiński J.* Definicja kognitywna jako narzędzie opisu konotacje // *Konotacja / Pod red. J. Bartmińskiego.* Lublin, 1988. S. 169–182.
7. *Толстая С.М.* Этнолингвистика в Люблине // *Славяноведение.* 1993. № 3. С. 52–53.

Македонско-руски речник. Скопје, 1997. Т. I. 599 С.; Т. II. 527 С.; Т. III. 589 С.

Македонско-русский словарь

"Македонско-русский словарь" (МРС) подготовлен коллективом авторов, состоящим из российских лингвистов, преподающих македонский язык в университетах Москвы, Санкт-Петербурга и Перми. Руководитель проекта – известный исследователь македонист акад. Македонской академии наук и искусств Р.П. Усикова, соавторы работы – З.К. Шанова, М.А. Поварнищина, Е.В. Верижникова (распределение работы между ними см.: МРС Т. I. С. 4). С македонской стороны участвовали Р. Тасевска (языковой консультант) и Р. Маринкович (соавторство в приложениях – "Словарь географических названий", "Словарь сокращений"); кроме того, в Предисловии упомянуты видные македонские языковеды, помогавшие коллективу своими советами и рекомендациями (акад. Б. Конеский, проф. Р. Угринова-Скаловская, Т. Стаматоский и др.). Базой МРС явился фундаментальный лексикографический труд "Речник на македонскиот јазик со српскохрватски толкувања" (под ред. акад. Б. Конеского) (Скопје, 1961. Т. I; 1965. Т. II; 1966. Т. III [PMJ]), некоторые двуязычные словари – упомянем прежде всего "Македонско-русский словарь" Д. Толовского и В.М. Иллич-Свитыча (под редакцией Н.И. Толстого; М., 1963), являющийся первой фиксацией лексики македонского литературного языка (МЛЯ) на первом этапе (1945–1950) его становления, а также македонские терминологические словари, словари иностранных слов и под. (см.: МРС Т. I. С. 31). Наряду с использованием этих материалов авторы проводили эксерпции из произведений современной македонской литературы и периодических изданий, а также наблюдения над живой македонской речью. Объем Словаря – примерно 65 тыс. слов и фразеологических словосочетаний.

Непосредственной работе над МРС предшествовали и специальные научные исследования авторов Словаря в области лексики МЛЯ; их результаты были учтены при подготовке словарных статей и изложены в ряде публикаций в македонских и российских лингвистических изданиях и на

некоторых конференциях, и – тем самым – прошли серьезную научную апробацию.

Основу Словаря, по определению авторов (МРС Т. I. С. 17), составляет *общеупотребительная* лексика (и фразеология) современного МЛЯ. В МРС также включены, с одной стороны, значительное число разговорных, просторечных, устаревших, диалектных и других слов, а, с другой – множество научно-технических, политических, экономических, военных, спортивных и подобных терминов. Это позволит русскому (русскоязычному) читателю ознакомиться с самым широким спектром относительно старых и современных текстов – от беллетристических и фольклорных произведений, актуальной публицистики до специальных трудов по различным отраслям науки (естественной и гуманитарной) и техники; в связи с этим отметим, например, значительный пласт новейших "интернационализмов", отражающих заметные сдвиги в последние годы в политической, производственно-экономической жизни и в массовой культуре.

Корпусу словарных статей в первом томе предпослано, на двух языках, "Предисловие", а также ряд вспомогательных разделов ("О пользовании словарем", "Принятые сокращения" и др.), в третьем томе публикуется и большой "Словарь географических названий" (С. 511–533), "Сокращения", встречающиеся в македонских текстах на МЛЯ (С. 535–553) и "Грамматический справочник по македонскому языку" (С. 555–589) (далее – Справочник), написанный Р.П. Усиковой для русскоязычных читателей на базе ее же книги "Македонский язык. Грамматический очерк" (Скопје, 1985), представляющей собой первое на русском языке научное описание грамматики МЛЯ¹.

¹ Далее мы не будем касаться Справочника, отсылая читателей к рецензиям на указанную книгу, написанным Б. Корубином ("Македонски јазик. 1985–1986". Скопје, 1986. С. 367–377) и И. Доровским ("Jazykovédné aktuality". Č. 1–2. Brno, 1988. S. 70–71).

Переходя к общей оценке МРС, считаем необходимым отметить в первую очередь, в качестве несомненного его достоинства, принципиальную установку авторов на презентацию богатства и выразительности словарного состава МЛЯ именно на *современном* этапе его развития (подобно тому, как, например, РМЈ считается адекватным отражением этапа 1950–1970 гг., который в науке ассоциируется со стадией "привыкания к использованию МЛЯ как основного средства официального и полуофициального общения", "вытеснения прежних навыков официального общения на неродном сербохорватском языке" [1. С. 9]). Вместе с тем истинное значение рецензируемого Словаря может быть понятно, на наш взгляд, лишь в случае, если в полной мере будут учитываться, с одной стороны, характерные черты *нынешнего* этапа в истории МЛЯ, а с другой – особенности языковой ситуации, существующей в настоящее время в Республике Македония (РМ). Остановимся на этих вопросах несколько подробнее.

Итак, сейчас македонский язык – это язык македонской нации, о ф и ц и а л ь - н ы й язык многих национальностей, населяющих государство РМ (см. ст. 7 и 48 Конституции РМ [2]), ставшего суверенным в 1991 г. [3]. **Спецификой** МЛЯ является то, что он сформировался значительно позже других славянских ЛЯ и был кодифицирован лишь в 1945 г., когда конституировалась РМ в *составе* Федеративной Югославии. Различные периоды в истории МЛЯ характеризуются прежде всего изменениями и уточнениями его *норм* (грамматических, орфографических, орфоэпических и пр.), а также возникновением и развитием функциональных стилей, постепенным расширением сферы использования МЛЯ [1. С. 6 и сл.]. Эта п, начавшийся в 1991 г., определяется превращением МЛЯ в полифункциональный язык – язык македонской нации и межнационального общения в "коммуникативном сообществе" РМ. Особенностью языковой ситуации является (1) кардинальная смена (датируется 1991 г.) статуса МЛЯ и расширение его функций – от языка одной из республик Федеративной Югославии, в которой доминировал сербохорватский язык, к языку не только межнационального, но и межгосударственного общения, что приводит к интенсивному вытеснению сербохорватского как средства коммуникации и, в частности, к изменениям в сфере терминологии, базировавшейся ранее на

этом языке; (2) в корне меняется и **соотношение** разновидностей современной "македонской речи". В настоящее время ее представляют, по мнению Р.П. Усиковой, "...1) МЛЯ, используемый в официальном, полуофициальном, неофициальном (домашнем) общении; 2) разговорный вариант ЛЯ, используемый в полуофициальном и неофициальном общении и представленный в речи персонажей художественной литературы; 3) просторечие, используемое в неофициальном и домашнем общении; 4) местные говоры" [4]. Суть же произошедших за последние годы изменений в том, что "впервые родной язык основного этноса страны стал универсальным... средством языковой коммуникации" во всех сферах, но вместе с тем "для всей социальной общности республики по-прежнему характерны диглоссия и многоязычие, проявляющееся в сознательном выборе родного или неродного языка (диалекта, просторечия) в определенных коммуникативных ситуациях" [4]. Данная выше характеристика условий функционирования МЛЯ помогает понять и оценить некоторые принципиальные черты нового Словаря – как его словника, так и особенностей подачи материала и построения словарных статей.

(1) Прежде всего необходимо констатировать, что относительная молодость современного МЛЯ и специфика языковой ситуации в РМ не может не порождать (и порождает!) достаточно высокую степень *вариативности* языковых средств. Обычно ее объясняют неполной установленностью лексических (и иных) норм, влиянием территориальных и социальных диалектов, а также других языков, становлением стилей МЛЯ и др. [4. С. 13]². Наличие "диапазона расхождений" и параллельное функционирование в МЛЯ (в целом или в отдельных его стилевых стратах) вариантов разных типов, по-видимому, отражает сложный процесс *экстенсивного* (но вместе с тем и *интенсивного*) развития и обогащения литературного языка – за счет его

² В то же время литературные балканские языки создавались на основе **конгломерата** вариантов (ареальных, исторических и пр.), т.е. "на **обогащении** некоего абстрактного языка, а не на ограничении его жесткой правильностью" [5]. Упомянем и характеристику, которая дается "контрастности на фоне амбивалентности", реализующейся в балканских ЛЯ: "...существование и развитие языка в рамках реформы – согласно или вопреки ей или независимо от нее" [6].

"открытости", "готовности" черпать лингвистическую информацию из многих источников, путем аккумуляции черт живой, "народной" (в первую очередь диалектной) речи, но и приобщения к языку современной европейской и мировой культуры. В то же время феномен, именуемый выше "вариативностью", может косвенным образом свидетельствовать о наличии – в ситуации конкуренции и необходимости выбора (= отношения "или/или"), – столь характерной для Балкан особенности как отк аз от однозначных решений в пользу "диалога", ориентированного на процесс "медиации" (отношения "и/и") (подробнее об этом см. [7]).

Отмеченный выше феномен адекватно и весьма последовательно, на наш взгляд, репрезентирован в новом Словаре. В качестве иллюстрации приведем лишь несколько примеров вариантов разных типов, оцениваемых составителями МРС и как равноправные, и как соответствующим образом стратифицированные. Это и **фонетические** варианты (*гакник* : *гашник*, *роен* : *руен*, *родом* : *родум*, *'рслан* : *арслан*, *израни* : *исхрани*, *сифон* : *цифон*, *сортиман* : *сортимент*, *ингеренција* : *кохеренција*, ср. и *христијанка* : *рисјанка* [прост.], *реума* : *ревма* [редк.] и др.; **морфологические** (*диаграм* : *диаграма*, *град* : *градус*, *рицино* : *рицинус*, *родославие* : *родословје* [и: *родопис*], ср. и *распаке* : *распат* [фольк.] и др.; **словообразовательные** (*вражар* : *вражач* [и: *вражалец*], *додола* [додоле] : *додолка* : *додоларка*, *'ртица* : *'ртка*, *ситнотија* : *ситнурија*, *сивило* : *сивина*, *розета* : *розетка*, *ригидитет* : *ригидност*, *инвенција* : *инвентивност*, *родолубен* : *родолубив*, *ровок* : *ровкав*, *рискантен* : *ризичен*, *дистинктен* : *дистинктивен*, *ритмичен* : *ритмички*, ср. и *слобода* : *слободија* [уст.], *рибарство* : *рибарлак* [разг.], *зима* : *зимо* [диал.] и др.; **лексические** (*залез* : *заод*, *роглец* : *полжав*, *трандафил* : *роза*, *бронза* : *туч*, *крин* : *среќа* : *лилија*, *тојага* : *стап*, *залп* : *плотун*, *душовадец* [и *душовадник*] : *душојадец*, ср. и *здив* : *солук* [разг.], *извор* : *источник* [книжн.] и др.

В МРС учитываются также варианты фразеологизмов и устойчивых словосочетаний и их русских эквивалентов (ср.: МРС. Т I. С. 18–19).

(2) Большое внимание авторы уделяют определению статуса слов, включенных в МРС, – являются ли они "общеупотребительными" и функционально "немаркированными", или же сфера их употребления ограничена (особое значение подобные констатации имеют при наличии вариантов слов и форм), поэтому существенна роль комментирования – с помощью сложной и дифференцированной системы *помет* (и отсылок), которые позволяют достаточно гибко детализировать область циркулирования в МЛЯ того или иного слова (ср., например: *иск*[усство] ~ *жив*[опись] ~ *архит*[ектура] и др.). Встречаются, впрочем, и ошибочные или противоречивые пометы, ср.: *бајт* [мат.] ~ *килобајт* [информатика] [!] (но – и без помет – *дискета*, *дискетна единица* [!], *монитор* и др.). С другой стороны, наряду с разграничением "общеупотребительных" и "специальных" слов (т.е. имеющих пометы), ср.: **рационализам** 1) [филос.], 2) [б/п], **реализам** 1) [б/п], 2) [иск.] и под., можно указать случаи, когда значения не снабжены уточняющими пометами, например: **историзам** 1) историзм, 2) историцизм, излишний (!) историзм, – хотя узкоспециальный характер второго значения очевиден, и др.³

Используемые в Словаре пометы квалифицируют слова как научные, технические и др. *термины* (*физ.*, *геол.*, *литер.*, *тех.*, *радио* и т.д.), или отсылают к стилистической и эмоционально-экспрессивной оценке (*разг.* [докторка, катмерлија, ру-

³ Не исключено, что причиной отсутствия необходимого пояснения (= пометы) в данном случае стало неточное (и немного курьезное) толкование значения (2) слова **историзм**, – см. рассуждения о смысле термина "историцизм" фактического его создателя, К. Поппера: "...безапелляционные исторические пророчества целиком находятся за пределами научного метода... Однако есть влиятельные социально-философские учения, придерживающиеся противоположной точки зрения. Их сторонники... настаивают на том, что... в частности, задача общественных наук состоит в том, чтобы обеспечивать нас долгосрочными историческими предсказаниями. Они настаивают также на том, что уже открыты законы истории, позволяющие им пророчествовать о ходе истории. Множество социально-философских учений, придерживающихся подобных воззрений, я обозначил термином *историцизм*... В книге я попытался... показать, что... они основаны на полном непонимании метода и в особенности на пренебрежении различием между *научным предсказанием* и *историческим пророчеством*" [8].

швет, студентарија, чпирто и др.], *прост.* [кафич, маѓионичар, реалка, тражи и др.], *книжн.* [девијација, црногледец, сецело и др.], *поэт.* [гласум, сивонер, целув и др.], или к оценке "хронологической" (*уст.* [ефенди, легацџа, туфек и др.], *уст.* [војвода, диван, русалија (?), титовка и др.]), ареальной (*диал.* [врукџа, гуптџи, јува [2], лико, роџен, сулиндар и др.], *фолк.* [гузел, либе, кршигора, сечко и др.]) или иной (ср. также использование сложных помет – [*уст., разг.*], [*книжн., поэт.*] и под.). Однако можно привести примеры непоследовательного применения уточняющих помет (что иногда может вызвать известные трудности при пользовании Словарем), ср., например: **кану** [б/п] (при: **кануист** [*спорт.*]), **калифат** (б/п) (при: **сталинизм** [*уст.*]), **ројализам** [*полит.*] и др.), **индоленција** [б/п] (при: **индолентен** [*книжн.*]), **еребица, картал** [б/п] (при: **кукавица** [*зоол.*]), **даб** [б/п] (при: **ела, грмотри** [*бот.*]), **македонизам, русизам** [б/п] (при: **словенизам, романизам** [*лингв.*] и др.; а также и примеры неунифицированности помет – **миро, мироса** [*церк.*]), но **миропомазаник** (*религ.*), **гемија** (*уст.*), но **гемиција** (*уст.*) и др. На наш взгляд, желательны были бы специальные пояснения при таких словах, как **фортран, егзил, тореутика** и под. Однако следует подчеркнуть, что, несмотря на все возможные замечания и уточнения, которые сделают будущие читатели и критики (исходя, в частности, из того, что подобное комментирование имеет в значительной степени субъективный характер), важность и ценность проделанной авторами МРС работы несомненна. Особенно важна она именно в двуязычном словаре – не только по отношению к собственно "македонской" лексике, но и к "интернационализмам".

(3) МРС примечателен и тем, что авторы в принципе разделяют (и в целом последовательно воплощают) некоторые важные идеи Л.В. Щербы в области лексикографии, – в частности, касающиеся сопоставления не двух (как обычно делается), а *четырех* словарей для каждой пары языков. Напомним, что еще на начальной стадии работы над МРС Р.П. Усикова подчеркивала: "...Разноязычные читатели ищут в одном и том же словаре *различную* информацию – грамматическую, стилистическую, семантическую... Вопрос о семантических объяснениях, необходимых в македонско-русском и русско-македонском словарях, практически не разработан.

Между тем такие объяснения должны приводиться с *учетом* родного языка читателя, которому адресован словарь. И если экономические, коммерческие, либо другие соображения не позволяют издать македонско-русский словарь *отдельно* для македонцев и для русских,... то следует по возможности дать необходимые объяснения в одном словаре *для тех и других* читателей" (курсив наш. – Г.К.); и далее, говоря о предназначенности подобных словарей различным категориям "пользователей", она пишет: "...В двуязычных словарях МЯ желательно учитывать интересы как македонцев, так и носителей языка *другой части* словаря" [9]. В МРС эта задача успешно реализуется с помощью различного рода пояснений и *толкований*. В "Предисловии" (МРС Т. I. С. 19) описаны наиболее частотные (типичные) ситуации. (1) Когда перевода оказывается недостаточно для понимания македонского слова, тогда (в скобках) дается более или менее пространное пояснение, ср.: **жабка** 'железный крюк (на который надевается петля ворот)', **заруди** 'начать обрастать мягкой кудрявой шерстью (об овце)', также **гети, крлма, ривал, рото-хартија, старосват, стела трбушка, фруглица, ферман** (1) и др.: (2) когда в русском отсутствуют соответствия, вместо перевода приводится, как правило, транслитерация и толкование (значительное число оформленных таким образом статей представляют собой так называемые "этнографизмы"), ср. **лутеница** (кул[инария]) 'лютеница (острая икра из овощей...)', **тоска** 'тоска (мужская рубаха...)', также **дудук, задужбина, табланет, турли-тава, келешош, деб, чочек**, также **скиф, скопуст** (зоол.), **цекин** (ист.), **хатихумајун** (ист.) и др. Специальные пояснения уточняют не только семантический, но и грамматический "контекст" употребления того или иного слова; наиболее ярко это проявляется при подаче многозначных глаголов (и глагольного управления), предлогов. Ср., например, глаголы – **дојде** (1. прийти, прибыть [своим ходом], 2. приехать, прибыть [транспортом],... 4. прийти, наступить [о времени],... 6. прийти, достаться [кому],... 8. [безл.] прийти [в голову], захотеться и др.), **стигне** (1. [некого] настичь, 2. [перен.] достигчь [уровня],... 4. [перен.] дойти [до какой степени] и др.), предлоги – **кон** (1. [направление движения] к [с дат. п.], 2. [отношение к кому-либо] к [с дат. п.], 3. [цель действия] к [с дат. п.], 4.

[пространственная близость] около, вблизи [кого, чего]... 6. [приблизительное количество] около [с род. п.] и др.) и т.д.

В дальнейшем специалисты-лексикографы детально проанализируют и оценят полноту и системность подачи материала в словарных статьях МРС, – например, степень последовательности в передаче пар: существительное ~ соответствующий деноминатив (отметим в обозначениях наций и народностей, с одной стороны, **Англичанин** ~ англиски, а с другой, – **Австриец** ~ Ø и др.; месяцев: **Февруари** ~ **Февруарски**, но **януари** ~ Ø и др.) и под. Тщательному рассмотрению, несомненно, подвергнутся и семантические аспекты Словаря, например, правомерность выделения того или иного значения слова, констатация явления омонимии и др. Пристального внимания лексикографов заслуживает и фразеологическая часть МРС и т.д.

Данная рецензия является первым (и кратким) откликом на большое событие в славянской лексикографии – выход в свет фундаментального "Македонско-русского словаря", который может служить примером многолетнего плодотворного сотрудничества российских и македонских лингвистов. Можно также с уверенностью предсказать, что публикация Словаря будет способствовать не только удовлетворению растущего интереса русскоязычного читателя – представителей российской общности, деловых кругов и др. – к современному положению в РМ, к ее истории и культуре в широком смысле слова (в том числе к народному творчеству населяющих республику народов), но и привлечет также внимание славистов многих стран, которые смогут ближе познакомиться – через посредство русского языка – с современным МЛЯ. Несомненно, Словарь облегчит доступ к информации об

актуальных общественно-политических и экономических процессах, происходящих в Македонии, и о конкретных событиях, иногда бурных и драматических, фиксируемых в одном из самых молодых независимых государств в центре Балканского полуострова, потребность в которой подтвердил официальный визит в Россию Президента РМ К. Глигорова в январе 1998 г.

© 1998 г. Клепикова Г.П.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Усикова Р.П.* Этапы становления и развития македонского литературного языка // Теория и практика изучения славянских языков. М., 1988. С. 9.
2. Македония. Путь к самостоятельности. Документы. М., 1997, С. 113, 121.
3. *Шкарнич С.* Конституционно-правовое становление македонского государства // Македония. Путь к самостоятельности. Документы, С. 49 и сл.
4. *Усикова Р.П.* Языковая ситуация в Республике Македония и современное состояние македонского языка // Славяноведение, 1997. № 2. С. 14–15.
5. *Цивьян Т.В.* Концепт языкового союза и балканская лингвистика. Автореферат докт. дисс. М., 1992. С. 9.
6. *Цивьян Т.В.* Лингвистические основы балканской картины мира. М., 1990. С. 99.
7. *Цивьян Т.В.* Синтаксическая структура балканского языкового союза. М., 1979. С. 265.
8. *Поннер К.* Открытое общество и его враги. М., 1992. Т. I. С. 30–31, 37–38 и сл.
9. *Усикова Р.П.* Состояние и проблемы македонской лексикографии // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1991, № 1, с. 14.

Открытый архив. Справочник опубликованных документов по истории России XX в. из государственных и семейных архивов (по отечественной периодике 1985–1995 гг.) / Сост. И.А. Кондакова. М., 1997. 364 С.

Начиная с 1985 г., а особенно с 1991 г., гриф секретности был снят с миллионов единиц архивного хранения, однако отсутствовали архивные путеводители, представлявшие информацию хотя бы о части этого материала. Данное издание, по словам составителя, представляет собой первый и пока единственный опыт систематизации публикаций исторических материалов. В справочнике содержится информация о тех исторических документах, которые были полностью опубликованы в отечественной, в том числе неспециализированной, периодике. Хронологические рамки упомянутых документов: 1890-е годы – 1995 г.; они распределены по восьми рубрикам, соответствующим основным этапам российской истории. В каждом номере перечня (всего их 3215) указаны: заголовки публикации; краткая аннотация документа, если его название не раскрывает содержания; хронологические рамки документа; наименования архива и издания, где документ опубликован.

Даже сами названия документов часто свидетельствуют об их информационном богатстве, о чем говорят даже произвольно

приведенные два примера: "Из дневников великого князя К.К. Романова" (раздел "Документальные публикации по истории России 90-х годов XIX в. – 1904 г."); "Наши агенты – от министра до наркома (воспоминания белого контрразведчика Н. Сигиды). 1917–1918" (раздел "Документальные публикации по истории России 1905–1917 гг."). Тематика документов невероятно обширна: история культуры, разведка и контрразведка, русская эмиграция, движение диссидентов в СССР и т.д. Велик и список отечественных и зарубежных архивохранилищ: АВП РФ, АП РФ, архивы союзных республик СССР и областей, Библиотека Конгресса США, Архив Л. Андреева (Великобритания) и т.д. Перечень архивов в целом составляет более 30 страниц. Кроме указателя архивов справочник содержит Указатель журналов и альманахов, Указатель имен и Предметно-тематический указатель.

Данный справочник является ценным подспорьем для специалистов и всех интересующихся отечественной историей и культурой, русским Зарубежьем.

© 1998 г. Болдов А.В.

Новое международное научное периодическое издание

В 1996 г. в Праге с периодичностью два номера в год (от 120 до 140 страниц каждый) начало выходить новое периодическое издание "Rossica", имеющее подзаголовок: "Научные исследования по русистике, украинистике, белорусистике". Предполагаемые рабочие языки – русский и английский. Постоянные рубрики: "Филология – история – культура"; "Российское

зарубежье"; "Архив"; "Рецензии и обзоры".

Особенность издания составляет его международный характер. Им будут руководить две научных коллегии: международная и чешская. В первую входят ученые из Москвы, С.-Петербурга, Киева, Мюнхена, Берлина, Нитры, Франкфурга-на-Одере и Парижа. Чешскую научную коллегию

составляют слависты, работающие в институтах Чешской Академии наук и на кафедрах Пражского, Брненского и Оломоуцкого университетов.

Во "Вступительном слове" к первому номеру "Rossica" Й. Гонзик, главный редактор этого издания, определил его назначение и цели. Оно будет, по его словам, заниматься "проблемами литературы, языка и культуры восточнославянских народов". Журнал намерен предоставить "русистам, украинистам и белорусистам посткоммунистических стран, прежде всего России, Украины и Беларуси, оптимальную возможность опубликовать результаты их трудов". Одна из задач журнала: "обратить внимание научной общественности на восточнославянские материалы, связанные так или иначе с Прагой и Чешскими землями". На страницах издания предполагается также ознакомление "читателей с аналитическими воззрениями известных чешских интеллектуалов на восточнославянскую действительность". В журнале планируется печатать статьи и документы, касающиеся научной и культурной деятельности русской, украинской (позднее и белорусской) послереволюционной эмиграции, в частности на территории Чехословакии. В конце "Вступительного слова" главного редактора выражена надежда на его поддержку "со стороны международного славянского сообщества".

Немалый научный интерес для ученых-славистов самых разных специальностей представляют уже первые номера журнала "Rossica" (оба почти полностью на русском языке), которыми мы располагаем. В них вошли разнообразные статьи, сообщения, публикации и рецензии по лингвистике, литературоведению, истории, а также архивные материалы. Не стремясь к исчерпывающему рассмотрению содержания этих номеров, отметим лишь то, что привлекло особое внимание.

В первом номере, например, литературовед не пройдет мимо статьи В. Новотного «Критические записки о романе

М. Булгакова "Мастер и Маргарита"», сообщения Л. Белошевской о Пражском "Ските поэтов"; публикации статьи А. Бема "Мы дети страшных лет России" (о Блоке и Гумилеве), равно как и отклика на книгу "Марина Цветаева. Письма Валентину Булгакову. 1925–1927" (Прага, 1992). Историка в первом номере несомненно заинтересует статья М.Г. Вандалковской о А.А. Кизеветтере, публикация фрагментов третьего тома "Россия и Европа" Т.Г. Масарика, а культуролога – статья Е.Б. Смилянкой «Следственные дела "о суевериях" в России первой половины XIX в.». Есть в первом номере и статьи по лингвистике – о развитии норм имен числительных З. Трестеровой, о развитии русской морфологической структуры О. Лешки.

Не менее богат по содержанию и второй номер журнала. В него входят статьи о лингвистах Р.О. Якобсоне (С. Чмейрковой) и А.В. Исаченко (Л. Дюровича), о наследии христианского Востока и доминанте русской культуры (В. Щукина), об опыте преподавания искусства Ф.И. Буслаевым и Н.П. Кондаковым (И.Л. Кызласовой). Тема российского зарубежья представлена во втором томе статьей В. Нечаева "Жизнь и труды С.В. Завадского" и подготовленной Э. Олоновой публикацией писем А.М. Ремизова к Е.А. Ляцкому за 1925–1927 гг.

Первые номера периодического издания знакомят читателя с работами ученых разных стран по его профилю, информируют о различных международных научных конференциях. Думается, что каждый славист, независимо от своей специализации, сможет найти в нем что-то для себя интересное, нужное и полезное.

Журнал "Rossica" выходит в пражском издательстве Europoslavica, его первые выпуски хорошо полиграфически оформлены. Остается пожелать инициаторам и сотрудникам нового славистического издания дальнейших успехов в их нелегком, но нужном и полезном труде, и сохранения того уровня, который присущ первым номерам.

© 1998 г. Кишкин Л.С.

Ю.И. ВЕНЕЛИН. Грамматика нынешнего болгарского наречия / Публикация подготовлена Г.К. Венедиктовым. М., 1997. 252 С.

Известный ученый-болгарист Г.К. Венедиктов издал важнейший из трудов одного из основоположников славяноведения в России Ю.И. Венелина (1802–1839) "Грамматика нынешнего болгарского наречия". Сочинение, написанное в начале 1830-х годов, не было опубликовано, но сохранилось в рукописи в Российской Государственной библиотеке. Текст состоит из 387 страниц и передан в издании средствами современной русской графики и согласно правилам современной русской орфографии. В приложении опубликовано письмо Ю.И. Венелина к президенту Российской Академии наук А.С. Шишкову.

Г.К. Венедиктов давно интересовался судьбой труда Ю.И. Венелина, о чем свидетельствует ряд работ, опубликованных им на русском и болгарском языках (см., например, [1]). Хотя указанный труд Венелина был известен многим ученым, писавшим о первом русском болгаристе, в литературе о "Грамматике" встречается много неточностей и необоснованных суждений. Во вступительной статье Г.К. Венедиктов указывает на эти неточности, а затем на основании достоверных архивных материалов освещает драматическую судьбу "Грамматики". Указывается, что труд был результатом ученого путешествия Венелина в Болгарию в 1830 г., где он собирал материал в живом общении с носителями языка в Одессе, в Северо-Восточной Болгарии – Варне и Силистре, а также в Бухаресте и Кишиневе. По возвращении из путешествия, Венелин в 1834 г. закончил составление "Грамматики" и отправил ее в Петербург, где она после долгого рассмотрения и на основании ряда отзывов была отвергнута Российской Академией наук как не соответствующая представлениям членов Рассмотрительного комитета Академии о методах составления сочинений такого рода и о суждениях автора по ряду вопросов. В результате "Грамматика" не была издана ни при жизни Венелина, ни позднее, и увидела свет лишь более чем через полтора столетия после ее написания.

Г.К. Венедиктов рассказывает о предло-

жениях по изданию "Грамматики", исходивших как от русских, так и от болгарских ученых; приводятся оценки научного значения этого труда филологами XIX в. Отзывы были неоднозначными – как отрицательными, так и положительными. К сожалению, Г.К. Венедиктов не высказывает собственного мнения по вопросу о том, почему Академия отвергла труд Венелина, а ученые XIX в. не проявили к нему интереса, фактически предав забвению.

На наш взгляд, правы были критики, считавшие, что Венелин не достигал уровня современной ему славянской филологии, а принципы исследования болгарского языка в его методике ошибочны. Правда, Венелин высказал интересные мысли по ряду вопросов грамматики болгарского языка, но отсутствие способности строить изложение логично и систематически наводит на мысль, что ученый не владел научными принципами обработки собранного с большим усердием материала. В настоящее время "Грамматика" Венелина имеет лишь культурно-историческое значение, свидетельствуя о том, что болгаристика в 1830-е годы переживала в России стадию зарождения и что Венелин своим творчеством способствовал духовному пробуждению болгарского народа.

Но предпринятый Г.К. Венедиктовым труд по изданию работы Ю.И. Венелина заслуживает всяческого одобрения. Современный ученый-болгарист выполнил тем самым важную культурно-историческую задачу.

© 1998 г. Лантеева Л.П.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Венедиктов Г.К. Первые отзывы о "Грамматике нынешнего болгарского наречия" Ю.И. Венелина // Исследования по истории славяноведения и балканистики. М., 1981; Венедиктов Г.К. Новые материалы к биографии Ю.И. Венелина // Ученые Записки Тартуского университета. Тарту, 1983. Вып. 649.

Biele miesta I. Na mape slovensko-ruskej kultúrnej komunikácie. Editor A. Cervenak. Nitra, 1997. 210 S.

Белые места I. На карте словацко-русских культурных связей

Рецензируемый сборник – первая часть издания, подготовленного на основе научного семинара "Белые места I", состоявшегося 5 декабря 1996 г. в Университете им. Константина Философа в Нитре (Факультет гуманитарных наук, кафедра русистики). Второй аналогичный семинар был проведен там же 16 сентября 1997 г.

Во введении профессор А. Червенак анализирует причины возникновения и содержание проблемы. Речь идет о "белых пятнах" в истории словацко-русских культурных связей. По мнению автора, они возникли прежде всего потому, что словацкая наука никогда не имела и не будет иметь достаточно специалистов для всестороннего освещения данной проблематики. Поэтому словацкие ученые будут избирать из всего круга указанных проблем прежде всего те, которые в данное время представляются им наиболее важными и общественно актуальными. Особенно заметно это в последние годы, когда после "бархатной революции" кардинально изменилось отношение словаков к России и русской культуре: на смену единой (тоталитарной) модели пришла иная (плюралистическая) модель. Претерпела метаморфозу и иерархия культурных ценностей, диктуемых ранее соответствующей идеологией. Поэтому сегодня при освещении "белых мест" "новая исследовательская оптика" устанавливает новые культурные ценности и оценивает в соответствии с их новой шкалой. Кроме того, следует иметь в виду, что в недавнем прошлом часть проблем по идеологическим причинам выборочно или полностью табуировалась, что вело не только к обеднению полной картины и искажению развития русской культуры, но и ее восприятия словацкой стороной.

Все эти гносеологические, аксиологические, идеологические и другие причины, по мнению автора, обусловили появление многочисленных "белых пятен" на карте словацко-русских культурных связей. Данный сборник – первая попытка их частичной ликвидации на основе сформулированного А. Червенском подхода.

В открывающей сборник обстоятельной статье о "белых пятнах" на карте словацко-русских культурных связей А. Червенак попытался охарактеризовать их применительно к культурным реалиям XIX и XX вв. О. Энгелова проанализировала табуированную литературу постсталинского периода. Л. Голикова продолжила этот анализ на примере рассказа А. Платонова "Усомнившийся Макар" (1929). Теоретические истоки литературно-критических взглядов Е.И. Замятина (1884–1937) вскрыл М. Сивак. Как эксперимент эпохи представила "Собаачье сердце" (1925) М. Булгакова Н. Муранска. О своеобразной рефлексии путевых заметок Владимира Солоухина (о Париже и др.) написал М. Горкович. Деятельности русской эмиграции в Словакии в межвоенный период посвящена статья Л. Гарбулёвой. Продолжая эту тему, О. Гузиёва охарактеризовала роль русских эмигрантов в развитии словацко-русских литературных связей в Словакии в 1921–1945 гг., а Ш. Блеха представил новый материал о деятельности русских писателей-эмигрантов в Восточной Словакии и Подкарпатской Руси. Б. Глава проанализировал словацко-советские культурные связи в 1939–1940 гг. О творчестве Н.М. Карамзина в контексте русской литературы идет речь в статье М. Антоша. В. Матула посвятил свою статью деятельности русской православной миссии (во главе с М.Ф. Раевским) и ее отношениям со словаками. В. Тимура раскрыл некоторые реалии сочинения Л. Штура "Славянство и мир будущего", а В. Рябов рассмотрел проблему соотношения светского и сакрального в средневековой Руси. Л. Бенедикова определила некоторые переломные моменты в развитии грамматического мышления в Словакии. Э. Ондрейчкова подняла вопрос о возврате к научному наследию известного русского филолога-мигранта, долгое время работавшего в Словакии, А.В. Исаченко. М. Шпирко сообщил об истоках интереса к русскому языку в Словакии, Е. Колларова – о "белых местах", исторически сложившихся

в интерпретации русской культуры в словацкой школе. Е. Анциферова рассмотрела морфологию русской загадки. Завершает сборник статья А. Червенака о понятиях "табу" и "табуизация" в контексте словацко-русских литературных связей.

Таким образом, сборник охватывает широкий круг проблем, так или иначе раскрывающий "белые пятна" в истории словацко-русских культурных связей (хотя

надо отметить, что некоторые статьи выходят за рамки указанной проблематики, представляя собственный интерес). Он вышел очень своевременно и стал одним из первых симптомов восстановления взаимного интереса братских славянских народов, и потому несомненно привлечет внимание специалистов и более широких кругов читателей.

© 1998 г. *Досталь М.*



Международная научная конференция "Наука и идеология в истории славистики"

6–7 сентября 1997 г. в Высоких Татрах (Старая Лесная) состоялась Международная научная конференция "Наука и идеология в истории славистики", являющаяся научной частью заседания Международной комиссии по истории славистики при Международном комитете славистов. Предыдущее заседание комиссии проходило в Братиславе в сентябре 1993 г. во время работы XI Международного конгресса славистов. Конференция была организована Институтом истории Словацкой АН при содействии кафедры восточнославянских языков и литературы Миланского университета, Ассоциации итальянских славистов, Словацкого комитета славистов, кафедры славистики Пряшевского университета и Общества истории и культуры Центральной и Восточной Европы (Братислава).

Открыла конференцию председатель комиссии Дж. Броджи-Беркофф (Милан) докладом "Значение Международных съездов славистов для развития славистической науки". В докладе были проанализированы выступления выдающихся ученых, принимавших участие в работе IV Международного съезда славистов (Москва, 1958). По мнению выступавшей, во многих высказываниях, прозвучавших на том съезде, чувствуется идеологическое и политическое влияние, следствием чего явилась ошибочная интерпретация ряда фактов культуры. И все-таки вклад таких участников съезда, как Д.С. Лихачев, П.П. Алексеев, Н.К. Гудзий, И.Н. Голенищев-Кутузов, П.Р. Маенова, Ст. Кольбушевский и другие, был фундаментальным для дальнейшего развития славистической

науки. Автор считает необходимым продолжать анализ работы Международных съездов славистов, так как их польза для развития славистики несомненна. Однако в будущем подобные мероприятия, по ее мнению, потребуют более гибких принципов организации. Сл. Вольман (Прага) посвятил свой доклад научным и околонучным дискуссиям вокруг съездов славистов. М. Гардзанити (Рим) рассмотрел "реконструированный текст" старославянского Евангелия в издании Вайса и поднятые в связи с ним вопросы на I Международном съезде славистов в Праге в 1929 г.

Второе заседание было посвящено идеологическим аспектам в истории славистики. Вопросы науки и идеологии в оценке выдающихся южнославянских славистов рассматривались в докладе С. Бонацци (Верона), который исходит из положения о том, что идеология не мыслится отдельно от науки. На примере выдающихся ученых (словенца Копитара и серба Вука Караджича) им решался вопрос об отражении взаимодействия науки и идеологии в южнославянском обществе. А. Бернар (Париж) в докладе "Политические вопросы в публикациях французских славистов в начале XX в." отметила, что истоки французской славистики восходят к 1840 г., когда Адам Мицкевич стал читать лекции по "славянской литературе" в престижном Коллеж де Франс. Создание славистической кафедры в этот период было политическим средством борьбы французского правительства против Российской империи при помощи польской эмиграции. Особенно тесная связь французской науки и политики

проявилась в начале XX в., накануне и в течение первой мировой войны. В поисках союзников в борьбе с Германией правительство Франции обращается за помощью к ученым-славистам. По мере укрепления дружбы с Россией появляются кафедры русского языка, расширяется знакомство с культурами других славянских народов. И хотя на первом месте у французских славистов всегда стояли интересы родины, их научная деятельность сыграла важную роль в обретении независимости некоторыми славянскими странами. В докладе "Славянофильство и кодификация лужицких литературных языков" Т. Левашкевич (Познань) говорил о том, что на переломе XVII–XVIII вв. в лужицкой религиозно-библейской письменности установилось господство трех диалектов. Уже в то время старались пользоваться чешскими образцами орфографии и вводили в переводы Библии лексику чешского происхождения. Одной из основных задач Матицы Лужицкой, созданной в 1847 г., было достижение языкового единства верхних лужичан. Кодификация верхнелужицкого языка, по мнению докладчика, была тесно связана с лингвистическими знаниями, вынесенными из славистических штудий и славянофильства, пропагандировавшего использование языковых богатств других славян с целью взаимного сближения различных славянских языков. Сторонники славянофильства стремились удалить из лужицких языков как можно больше германизмов. Языковая политика заключалась в распространении лужицких неологизмов и внедрении славянской, преимущественно чешской, лексики. Хотя многие славянские заимствования прижились в лужицких языках, однако полностью отказать от германизмов не удалось. Таким образом, программа реформаторов лужицких языков была реализована лишь частично, так как ее сторонники не учли, что эти языки существовали в окружении немецких диалектов. Т. Ивантышинова (Братислава) посвятила свой доклад выдающемуся деятелю словацкого возрождения Яну Коллару. Я. Доруля (Братислава) остановился на роли Л. Штура в примирении евангелистской и католической партий в вопросе создания нового литературного языка словаков, хотя, по мнению докладчика, следы деления словацкого языково-исторического развития на две линии проявляются до настоящего времени. В докладе "Идеологические аспекты немецкой славистики 1918–1948 гг."

Г. Шаллер (Марбург) рассмотрел состояние славистических исследований в Германии в период Веймарской республики, в годы, когда у власти стояли нацисты, и в первые три года после второй мировой войны, до создания двух германских государств. Как показал выступавший, на первом этапе немецкую славистику представляли Х. фон Шмидт и Р. Траутман, а в годы фашизма ее возглавлял М. Фасмер, продолживший традиции сорабистики и полонистики. Некоторое время под покровительством государства находились словакистика и украинистика, поскольку Словакия и Украина рассматривались как возможные союзники Германии. С разделом Германии научное изучение славянского мира в каждой из ее частей подверглось определенной идеологической обработке, появились восточногерманская и западногерманская славистики, идеологические аспекты которых особенно проявились в период "холодной войны".

Часть докладов была посвящена судьбам славистики в разных славянских странах и ее зависимости от политических и идеологических аспектов. Так, на идеологизированную методологию в изучении древнерусской литературы обратил внимание в своем докладе М.А. Робинсон (Москва). Э. Эгеберг (Тромсё) связал исключение норвежского фонетиста Олафа Брока из рядов АН СССР в 1949 г. с публикацией этим ученым в норвежской прессе серии статей, где критиковалось внедрение теорий Лысенко в качестве обязательной доктрины советской биологии. Хотя критические замечания подобного рода в адрес советской власти О. Брок высказывал задолго до появления фигуры Лысенко, реакцию на его выступления именно в 1949 г. докладчик объяснял ужесточением режима в последние годы жизни Сталина. В докладе В.Ю. Франчук (Киев) "Украинский язык и культура в идеологии российской державности" был прослежен сложный путь, который прошло научное изучение украинского языка, истории и культуры в условиях жизни народа, лишённого государственности. Вытеснение украинского языка из общественной жизни объяснялось ей тем, что в царской России отрицалось само существование украинского народа. В более позднее время (после кратковременного периода расцвета и значительных достижений в области развития украинского общества и его культуры в 1920-е годы) украинский язык снова был устранен от исполнения наиболее важных общественных функций – на этот раз под предлогом

формирования "единой социалистической нации" и исчезновения в связи с этим, хотя и постепенном, национальных особенностей, в частности языковых. П. Бранг (Цюрих) в докладе "Славяноведение в Швейцарии в контексте идеологически-тематических факторов" отметил рост интереса к истории славистики в Швейцарии. Докладчик понимал идеологию в широком смысле – как ответ на политический и социальный запросы. При этом важную роль, на его взгляд, играют постепенное признание роли культуры славянских народов и научная тематика, являющаяся результатом этого процесса. Я. Малингуди (Фессалоники) уделила внимание развитию славистики в Греции.

Э. Казинец (Нью-Йорк) рассмотрел некоторые аспекты продажи библиотеки Романовых американским исследовательским библиотекам. Эта проблема до настоящего времени изучалась недостаточно. Тем не менее докладчик считал необходимым обратить внимание на то, что книги и другие материалы этой библиотеки были приобретены, в основном, государственными учреждениями, в частности Библиотекой Конгресса.

Подвела итоги конференции Дж. Броджи-Беркофф, отметившая важность основных аспектов, затронутых в докладах ее участников.

© 1998 г. Франчук В.Ф.

Славяноведение, № 5

Конференция, посвященная 120-летию освобождения Болгарии

5 марта 1998 г. в Болгарском культурно-информационном центре в Москве состоялась научная конференция "Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и освобождение Болгарии: Новые материалы", организованная Институтом славяноведения РАН и Комиссией историков России и Болгарии при активном содействии Посольства Республики Болгарии и Союза друзей Болгарии – Росзарубежцентра. На открытии конференции выступили заместитель директора Института славяноведения РАН д-р философ. наук Ю.С. Новопашин, Политический советник Посольства Республики Болгарии в РФ г-н П. Куцаро и Председатель Российской части Комиссии историков России и Болгарии академик РАН Г.Г. Литаврин, подчеркнувшие историческое значение русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и важность научного изучения событий 120-летней давности для объективного освещения истории, отказа от конъюнктурных оценок и политизированных подходов.

В конференции приняли участие ведущие специалисты четырех академических институтов Славяноведения, Российской истории, Этнологии и антропологии РАН, Военной истории и МГУ им. М.В. Ломоносова, чьи научные интересы лежат в сфере изучения

новой истории России, Болгарии, Турции, Балкан.

Д-р ист. наук В.И. Косик (ИС РАН) основное внимание уделил влиянию русско-турецкой войны и идей Сан-Стефано на последующую историю Болгарии, подробно остановился на проблеме соотношения национально-государственных интересов России и Болгарии, развитии и роли славянской идеи в прошлом и настоящем. Д-р ист. наук В.Н. Виноградов (ИС РАН) всесторонне проанализировал англо-русские и австро-русские отношения в период Восточного кризиса 70-х годов XIX в., показал значение "крымского синдрома" для разработки в русском Генеральном штабе планов ведения военных действий на Балканах и Черноморском театре, привел яркие факты, подтверждающие морское могущество Великобритании, ставшее одним из важных факторов военных приготовлений России. Канд. ист. наук В.Н. Пономарев (ИРИ РАН) остановился на одном из важнейших вопросов для стран-участниц европейского концерта – о судьбе проливов. Он познакомил собравшихся с некоторыми итогами работы коллектива авторов, подготовивших монографию по данной проблеме на основе новых оригинальных документов и материалов

из российских и зарубежных архивов. Самостоятельный блок представили доклады канд. ист. наук *Л.В. Кузьмичевой* (МГУ), д-ра ист. наук *Н.И. Хитровой* и д-ра ист. наук *В.Я. Гросула* (ИРИ РАН), затронувших проблему участия в русско-турецкой войне Сербии, Черногории, а также возвращения России на Дунай. Доклады н с *Т.Ф. Маковецкой* (ИС РАН) и Политического советника Посольства Республики Болгарии г-на *П. Куцарова* были посвящены роли российской дипломатии в период Восточного кризиса 1875–1878 гг. в борьбе за болгарскую государственность и особо графа *Н.П. Игнатъева* – творца Сан-Стефанской Болгарии. С интересным докладом об Императорской Главной квартире в Дунайской армии выступила д-р ист. наук *В.М. Хевролина* (ИРИ РАН), познакомившая слушателей с походными письмами *Н.П. Игнатъева*. Сведения об участии членов российской императорской фамилии в военной кампании 1878–1878 гг., приведенные *Хевролиной*, дополнила канд. ист. наук *Ю.Кудрина* (ИВИ РАН), изучившая переписку цесаревича *Александра* с супругой *Марией Федоровной*. Д-р ист. наук *В.И. Шеремет* (ИС РАН) проанализировал состояние современной турецкой историографии по проблемам войны 1877–1878 гг. и освобождения Болгарии. Канд. ист. наук *А.А. Улуян* привлек внима-

ние аудитории к Кресненско-Разложскому восстанию 1878–1879 гг. как прямому следствию Берлинского конгресса. Автор тщательно проанализировал русскую периодическую печать, привел много интересных оценок восстания, не известных ранее читателю. На мало изученных вопросах истории болгар-мусульман и их положения в период русско-турецкой войны остановилась канд. ист. наук *Л.В. Маркова* (Ин-т этнологии и антропологии РАН). О праздновании 50-летия освобождения Болгарии в русских эмигрантских кругах рассказал канд. ист. наук *А.Н. Горяинов* (ИС РАН).

Участники и гости конференции отметили радушие и внимание, с которым их встретили хозяева Болгарского культурно-информационного центра. По окончании конференции состоялась встреча с Чрезвычайным и Полномочным Послом республики Болгарии в Москве г-ном *Василом Такевым*. Г-н Посол высоко оценил работу конференции и усилия российских и болгарских ученых, направленных на развитие сотрудничества в сфере науки. Историю борьбы за освобождение Болгарии и участие в ней России г-н Посол охарактеризовал как имеющую непреходящее значение для обеих стран, а ее объективное изучение как основу цивилизованных отношений народов-братьев.

© 1998 г. *Волокитина Т.В.*

Об одном незаурядном свидетельстве интереса к произведениям А. Мицкевича в России

В изданном в 1957 г. фундаментальном библиографическом труде "Адам Мицкевич в русской печати. 1825–1955" [1] содержится, помимо перечисления сотен переводов на русский язык произведений великого польского поэта, обилие данных о распространении и восприятии поэзии Мицкевича в России, об откликах на его сочинения, о контактах и связях поэта в российском обществе. Во втором разделе книги, озаглавленном "Литература о Мицкевиче", сообщено множество впечатляющих свидетельств о подлинной популярности поэтических произведений Мицкевича в читательской аудитории России.

Примечательна фигурирующая под номером 994 цитата из издававшегося Н.А. Полевым журнала "Московский телеграф": "...Скоро наступит время, что мы будем учиться польскому языку наравне с языками Гете и Байрона: Мицкевич принудит нас к этому" [2]. С этим предсказанием гармонирует приведенное под номером 1235 сообщение И.С. Аксакова, писавшего 14 сентября 1846 г. своему отцу: "...занимался польским языком, познакомился с некоторыми стихотворениями Мицкевича. Что за прелесть! Я даже чувствую гармонию его польских стихов" [3].

Материалы названного библиографического справочника ярко демонстрируют, сколь значительным компонентом и фактором культурной и общественной жизни России XIX в. были литературное творчество Мицкевича и его социально-политическая позиция и деятельность, насколько созвучна была его поэзия вкусам многих просвещенных русских того времени. Это не может не побуждать филологов и историков не только к всестороннему осмыслению собранных библиографических данных по теме "Мицкевич и Россия", но и к их дальнейшему разысканию и накоплению.

Составители библиографического обзора, подготовленного к отмечавшейся в 1995 г. столетней годовщине со дня смерти Мицкевича, не могли, при всем старании и усердии, обследовать весь огромный массив книжной, журнальной и газетной продукции, вышедшей в течение ста тридцати лет. И, естественно, в разновременных изданиях время от времени обнаруживаются публи-

кации, имеющие для мицкевичианы информационное значение и ценность.

Нам представляется небезындтересным упоминание об одном русском читателе сочинений польского поэта, обнаруженное на страницах журнала "Исторический вестник" за 1888 г. В 1843 г. "выходец из западных губерний" поляк Альберт (Войтех) Старчевский, одаренный полиглот, окончивший со степенью кандидата права Петербургский университет и безуспешно пытавшийся найти службу в столице, стал по рекомендации П.А. Вяземского давать уроки сыну Н.М. Карамзина Андрею, который возвратился с Кавказа из действующей армии после ранения и контузии. Впоследствии А. Старчевский так повествовал об этом эпизоде своей жизни в автобиографических записках "Воспоминания старого литератора":

«...В одно прекрасное утро князь уведомил меня, что устроил мне у Карамзиных уроки славянских наречий, которыми хотел заняться старший сын историографа Андрей Николаевич. (...) Я отправился к Карамзиным, и Андрей Николаевич произвел на меня прекрасное впечатление. Он был военный и состоял при ком-то адъютантом. Первое знакомство сблизило нас, и я пользовался полным его расположением и радушием до самого 1849 года, с которого я его больше не видал.

Сначала я занялся с ним польским языком; он не замедлил обнаружить необыкновенные лингвистические способности: после нескольких уроков он уже прекрасно читал по-польски. Вслед за тем он прочитал со мною всего Мицкевича и так вник в дух языка, что лишь изредка мне приходилось подсказывать ему значение какого-нибудь слова. Достаточно было двух месяцев, и мы покончили с польским языком. Приступили к чешскому, который ему не понравился, и он постоянно говаривал: "Когда я читаю по-чешски, то мне кажется, что у меня песок попал на зубы, и все что-либо трещит"; за чешским языком мы просидели целых четыре месяца. Андрею Николаевичу хотелось знать, чем отличается чешский язык от словацкого, словинского или хорутанского и от верхне-лужицкого наречия, не говоря уже о моравском. Вследствие такой любознательности ученика и самому учителю прихо-

дилось пристальнее взглянуть на свое дело, что и заставило меня заняться составлением кратких грамматик всех славянских наречий.

После чешского языка пошел в ход сербский, на котором мы и кончили, потому что Карамзину дано было какое-то служебное поручение, и он должен был на время оставить Петербург» [4].

Рассказ Старчевского ценен в двух, по крайней мере, аспектах. Он знаменателен и значителен как еще одно подтверждение неподдельного интереса образованных граждан России в 40-х годах XIX в. к славянству, славянским языкам и литературам. Существенно, что речь идет о представителе славной фамилии Карамзиных, семейства, игравшего активную роль в общественной жизни России и авторитетно влиявшего на формирование общественных мнений и вкусов. Наконец, фраза "он прочитал со мною всего Мицкевича" означает не только то, что сочинения польского поэта использовались в качестве учебных хрестоматийных текстов. Выражение "всего Мицкевича" указывает, несомненно, на привлекатель-

ность произведений Мицкевича для русского читателя, на их содержательную и художественную актуальность в духовной атмосфере России первой половины XIX в. Все это побуждает нас оценивать свидетельство Старчевского как немаловажный эпизод мицкевичианы.

© 1998 г. Гудков В.П.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адам Мицкевич в русской печати. 1825–1955. Библиографические материалы. М.; Л., 1957.
2. Московский телеграф. 1829. Ч. 30. № 23. С. 366.
3. Аксаков И.С. Письмо к С.Т. Аксакову от 14 сентября 1846 г. // Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. М., 1888. Ч. 1. Т. 1. С. 378.
4. Старчевский А.В. Воспоминания старого литератора // Исторический вестник. 1888. Т. 34. С. 100–101.



К юбилею ВАЛЕРИИ ВАСИЛЬЕВНЫ УСАЧЕВОЙ

В.В. Усачева работает в Институте славяноведения с августа 1963 г. Свою научную деятельность она начинала в секторе славянского языкознания, куда была зачислена на должность стажера-исследователя. На первых порах молодой выпускнице русского отделения филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова еще предстояло утвердиться в качестве слависта. С этим В.В. Усачева справилась успешно и довольно быстро, проявив себя в качестве трудолюбивого и перспективного исследователя прежде всего в области славянской диалектологии и лингвогеографии, лексикологии и этимологии.

Выступая первоначально как диалектолог, В.В. Усачева постепенно расширяла круг своих научных интересов. Большую роль в ее научном росте сыграла работа в коллективе ученых, которые под руководством С.Б. Бернштейна занимались изучением контактов славянских и неславянских языков. Она принимала участие в создании таких важных лингвогеографических трудов, как "Карпатский диалектологический атлас" и "Общекарпатский диалектологический атлас" (сбор и обработка материала, подготовка вопросников, составление карт). Исследуемые в этих трудах вопросы имели существенное значение не только в лингвистическом, но и в этногенетическом планах. По ним В.В. Усачева публиковала статьи, выступала с докладами на Международных конференциях. Она является одним из авторов "Карпатского диалектологического атласа" (М., 1967).

Много времени и творческой энергии В.В. Усачева посвятила изучению наименований рыб – важного звена лексического фонда славянских языков, имеющего глубокие праславянские корни. По данной проблематике она опубликовала интересные статьи; в нескольких выпусках серийного издания "Этимология" печатались ее "Материалы к словарю славянских названий рыб". В 1977 г. В.В. Усачева защитила кандидатскую диссертацию "Названия пресноводных рыб в славянских языках", в которой было дано всестороннее систематическое описание славянских ихтионимов в ономаσιологическом, семантико-этимологическом и словообразовательном аспектах. Позднее ею была подготовлена к печати монография "Славянская ихтиологическая терминология".

Углубленные занятия диалектной лексикологией, лингвистической географией, полевая работа на Карпатах сформировали этнолингвистические интересы В.В. Усачевой. В 1978 г. она публикует свою широко известную статью о карпатском и балканском "полазнике" (ритуальном посетителе дома на Рождество), в которой обобщала огромный лингвистический и этнографический материал и предлагала его типологический и ареалогический анализ. В дальнейшем Валерия Васильевна с большим профессионализмом занимается славянской народной медициной и этноботаникой, публикуя статьи в журналах "Славяноведение", "Живая старина", сборниках "Славянский и балканский фольклор" и других и курируя эту тематику в этнолингвистическом словаре "Славянские древности" (М., 1995. Т. 1).

В последнее десятилетие В.В. Усачева проявляет глубокий интерес к истории славяноведения и вообще к историко-культурной славистической проблематике. Она активно участвует в конференциях, научных сессиях и "круглых столах" междисциплинарного характера: "Зарождение научного славяноведения" (1995), "Славянская идея в портретах ее идеологов и интерпретаторов" (1996) и др. Значительное внимание В.В. Усачева уделяет изучению истории славянской фольклористики и этнографии, освещая в этом плане творчество Л. Штура, Я. Коллара, П.И. Шафарика, Ю.И. Венелина, Я. Головацкого, других ученых и культурных деятелей. Ее интересует также история славянских литературных языков эпохи национального возрождения, о чем свидетельствует, в частности, доклад "Развитие словацкого

литературного языка в историко-культурном аспекте", с которым она выступила в 1994 г. на Международной научной конференции.

В.В. Усачева – один из редких специалистов, владеющих материалом языков и культурных традиций всей Славии; ее работам присущи эмпирическая добросовестность, внимание к каждому отдельному факту, стремление к полноте и точности материала, доскональное знание литературы вопроса. Это и есть тот профессионализм, который ценят коллеги и которому учатся у Валерии Васильевны молодые исследователи.

© 1998 г. Смирнов Л.Н., Толстая С.М.

К 70-летию Адама Евгеньевича Супруна

24 октября 1998 г. исполнилось 70 лет со дня рождения доктора филологических наук, заведующего кафедрой общего и славянского языкознания Белорусского государственного университета в Минске профессора Адама Евгеньевича Супруна.

А.Е. Супрун родился в 1928 г. на Украине. После войны вместе с родителями он жил в Киргизии, где закончил школу, затем в 1952 г. – Киргизский государственный университет, а в 1955 г. – аспирантуру, защитив в МГУ им. М.В. Ломоносова кандидатскую диссертацию "Слова с корнями числительных в современном русском литературном языке". Под руководством выдающегося тюрколога академика Киргизской Академии наук И.А. Батманова А.Е. Супрун приобрел широкий лингвистический кругозор, интерес к разнообразию языков в их связях с мышлением человека и культурой народа. Работа о словах с корнями числительных была хорошим введением автора в те ключевые проблемы, которые станут ведущими для Супруна-грамматиста и лексиколога: грамматическая и словообразовательная организация словаря, механизмы структурно-семантических изменений в языке. Диахронические и славистические темы отражены в книгах "старославянские числительные" (Фрунзе, 1961), "Полабские числительные" (Фрунзе, 1962). Славистика и историческое языкознание становятся ведущими и в преподавательской работе Адама Евгеньевича в Киргизском университете. В 1966 г. в Ленинградском университете А.Е. Супрун защищает докторскую диссертацию "Славянские числительные: Становление числительных как части речи". Одноименная книга Адама Евгеньевича, изданная в 1969 г. уже в Минске, остается в славистике непревзойденным системно-диахроническим исследованием о числительных.

С 1966 г. А.Е. Супрун возглавил кафедру общего и славянского языкознания Белорусского государственного университета. В Минске творческие возможности А.Е. Супруна достигли расцвета. В количественном выражении общие итоги предстают такими: к своему 70-летию А.Е. Супрун является автором более 40 книг и брошюр, под его руководством защищено более 50 кандидатских и 7 докторских диссертаций. Эти цифры ассоциируются скорее с работой научного института, чем с деятельностью одного человека.

Самое поразительное в научном творчестве А.Е. Супруна – это проблемно-тематическое разнообразие его исследований, их глубина и высокая результативность. Он плодотворно работает в нескольких направлениях: в славянском сравнительно-историческом языкознании, включая этимологию и полабистику, в типологическом изучении грамматики и лексики славянских языков, в психолингвистике и лингводидактике. В лингвистике 60-х годов А.Е. Супрун был среди зачинателей таких новаторских идей и методов науки как вероятностное понимание языковых классов и структур, лингвистическое моделирование, вычислительные и экспериментальные подходы. Под его руководством были составлены ассоциативные словари белорусского, украинского, киргизского, латышского языков. Он один из соавторов коллективной монографии "Основы теории речевой деятельности" (М., 1974), переведенной на ряд языков. В Белоруссии А.Е. Супрун становится инициатором и руководителем работ по созданию белорусского частотного словаря, задуманного, с учетом своеобразия функционирования белорусского языка, как комплекс из пяти частотных словарей, отражающих лексику основных жанрово-стилистических разновидностей белорусской речи.

Педагогическая сторона деятельности А.Е. Супруна едва ли отделима от его научных исследований. Большинство его книг последних десятилетий – это учебные пособия для студентов: три выпуска "Лекций" по языкознанию (1971, 1978, 1980), первое в СССР и остающееся до сих пор лучшим "Введение в славянскую филологию" (1981, 2-е изд. 1989), два издания при участии и под редакцией А.Е. Супруна "Общего языкознания" (1983, 1993–1995), "Старославянский язык" (1991), "Праславянский язык" (1993), "Лекции по теории речевой деятельности" (1996), а также учебники русского языка для средней школы.

В научно-исследовательской и университетской работе А.Е. Супруна важнейшее место всегда занимала славистика, главным и любимым лекционным курсом был старославянский

язык. Его концепция этого учебного предмета сделала старославянский язык введением в диахроническое языкознание и одновременно – в сравнительную грамматику славянских языков. Сознвая ценность общеславянистического кругозора русистов, белорусистов, украинистов, А.Е. Супрун был одним из инициаторов включения в учебные планы филологических факультетов курса введения в славянскую филологию. Предметом его гордости было то, что в курсе славянских языков в Белорусском университете преподаются почти все славянские языки (включая словенский, македонский, словацкий). В течение последних нескольких лет в БГУ открыты новые специальности по пяти славянским языкам. По инициативе А.Е. Супруна в издательстве Белорусского университета издается серия учебных пособий по славянским языкам. А.Е. Супрун – член Белорусского комитета славистов, участник четырех последних Международных славянистических конгрессов и большинства сессий Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ).

Знаменитый ученый, блестящий лектор, неутомимый педагог, живой, остроумный и легкий собеседник, Адам Евгеньевич выступал с докладами во многих странах, преподавал в университетах Австрии, Германии, Испании.

А.Е. Супрун – масштабно мыслящий организатор науки и филологического образования, опытный и быстрый в делах административных, человечный и выдержанный с коллегами и учениками. В его лице счастливо сочетаются европейски авторитетный славист, признанный лидер и всеми любимый профессор, наставник научной молодежи, идеальный заведующий кафедрой.

Поздравляя Адама Евгеньевича Супруна с юбилеем, желаем ему крепкого здоровья и дальнейшей плодотворной деятельности на благо филологической науки, образования и культуры.

© 1998 г. Мечковская Н.Б.

Славяноведение, № 5

Иван Цанкар (1876–1918)

Памятная дата – 80 лет со дня смерти Ивана Цанкара (10.05.1876 – 11.12.1918), классика словенской литературы, выдающегося писателя, публициста и общественного деятеля Словении – дает возможность вновь обратиться к одной из крупнейших фигур в истории словенской литературы и культуры.

С именем писателя связано главное направление в развитии словенской литературы рубежа XIX–XX вв. Его творчество оказало на нее мощное влияние, как бы символизируя изменения, происходившие в ней в это время. Он становится центральной фигурой "словенского модерна" (его основоположниками, наряду с И. Цанкаром, были его ближайшие друзья-единомышленники О. Жупанчич, Д. Кетте, Й. Мурн-Александров), сложного и противоречивого литературного течения рубежа веков. Представители течения, объединенные критическим отношением к устоявшимся литературным традициям, искали новые пути, новые возможности для художественного воплощения своих идей. Сложность и противоречивость их поисков со всей полнотой отразились в творчестве И. Цанкара.

Первые произведения писателя 1899 г. – печально известный поэтический сборник "Эротика" (сразу после выхода в свет по приказу люблянского архиепископа Еглича почти весь тираж был сожжен) и сборник новелл "Виньетки", в "Эпилоче" к которому дана развернутая эстетическая программа писателя, – отражают увлечение Цанкара литературой декаданса, французским и немецким символизмом. Эта литература, пронизанная бунтарским духом, провозглашающая свободу художника, привлекает словенского писателя своим утонченным

лиризмом, пристальным вниманием к духовной жизни человека. Вместе с тем свойственные И. Цанкару обостренное восприятие социальной несправедливости, царящей в современном ему мире, ощущение своего кровного родства с жизнью народа не позволяют ему примириться с проповедимой некоторыми символистами самоизолирующей героя, погружением в собственные внутренние проблемы. К началу 1900-х годов происходит переход писателя на позиции боевого, "тенденциозного" искусства, насыщенного глубоким социальным анализом. Правдивое изображение всех сторон общественной жизни, глубина проникновения в психологию человека, едкая политическая сатира становятся главными чертами его произведений 1900–1909 гг. – самого плодотворного, "венского" периода его творчества. В это время были написаны лучшие романы, повести, пьесы писателя, знаменующие новый этап художественного освоения взаимоотношений личности и общества, в них исследуются и вскрываются причины, порождающие глубокий драматизм этих отношений. В них все заметнее тенденция к изображению общественных нравов, сатирическому обличению пороков буржуазного общества. Вместе с тем в его литературно-критических статьях и эссе этих лет, посвященных творчеству современных поэтов, новым явлениям в культурной жизни, приветствуются ростки нового: достижения представителей "словенского модерна", успехи современных словенских художников-импрессионистов. В последующие годы в творчестве И. Цанкара, наряду с произведениями социально-критической направленности, выделяется круг произведений, объединенных темой воспевания романтической мечты – "вечно неутомимого стремления" к возвышенной и чистой красоте ("Новая жизнь", "Воля и сила", "Красавица Вида", "Милан и Милена"). Сложная и туманная символика, налет загадочности затрудняют их восприятие.

В предвоенные и военные годы И. Цанкар возвращается к жанру короткого рассказа, новеллы, в которых глубоко философские размышления писателя о судьбе народа и человека на войне переданы благодаря традиционным для него и новым символам, иносказаниям, религиозным образам. В это же время он активно включается в общественную жизнь: выступает со статьями ("Словенский народ и словенская культура") и публичными лекциями ("Словенцы и югославы", "Очищение и омоложение", "Словенская культура, война и рабочий класс"), в которых с прозорливостью истинно великого художника отстаивает идеи создания будущей федерации югославянских народов, встает на защиту национальной культуры, вновь и вновь повторяет мысль о необходимости сплочения народа вокруг идеи национального освобождения. Его последние выступления и статьи еще раз убеждают, что главной темой всего творчества И. Цанкара являются тема родины, ее судьбы и вера в будущее народа. Этому посвящены многие странички его произведений, об этом он писал в 1910 г., подводя итог полутора десятков лет своего труда, борьбы и раздумий: "Весь мой труд – это книга любви; открой ее, родина, и увидишь, кто твой настоящий сын! Я отдал тебе, что имел; много это было или мало – бог рассудит, все от него! Отдал тебе свое сердце и свой разум, свою фантазию и свое слово, отдал тебе свою жизнь, – что еще тебе дать?"

Изучение творческого наследия И. Цанкара является одной из постоянных тем словенского литературоведения. К анализу его произведений, исследованию его творчества в контексте европейской литературы и оценке вклада в сокровищницу словенской культуры в разные годы обращались многие ученые разных поколений: Д. Пирьевец, Л. Крайгер, И. Приятель, А. Слодьяк, Б. Крефт, Ф. Петре, Ф. Берник, Ф. Задравец, Я. Кос, Й. Погачник, Г. Коциан, Б. Патерну, Й. Махнич, Ш. Барбарич, В. Брнчич и др. В последние десятилетия словенское цанкароведение обогатилось несколькими крупными монографиями ведущих словенских ученых. В них поднимаются важные проблемы теоретического и методологического характера. Две монографии Ф. Берника (*Tipologija Cankarjeve proze*. Ljubljana, 1983; *Ivan Cankar*. Ljubljana, 1987), в которых на материале всего обширного творчества словенского писателя рассматриваются жанрово-типологические и художественно-стилевые особенности произведений разных периодов с учетом ведущих тем, мотивов, доминирующих образов-символов. В монографии Ф. Задравца (*Cankarjeva ironija*. Murska Sobota, Ljubljana, 1991) рассматриваются истоки цанкаровской сатиры, выявляется ее природа во всех проявлениях: от легкого, беззлобного смеха, иронии до колкой сатиры и сарказма.

В нашей стране творчество словенского писателя также оказывалось в центре внимания ученых – югославистов и словенистов: Н.И. Кравцова, Н.И. Рябовой, М.И. Рыжовой, М.Л. Бершадской, Ю.Д. Беляевой и др. Статьи Е.И. Рябовой 1970-х годов, посвященные развитию его мировоззрения, философских и эстетических взглядов, анализу его места и роли в развитии литературно-художественных течений рубежа веков заложили фундамент научно-исторического подхода к изучению его творчества. Многие положения этих работ остаются актуальными и по сей день. Попытка по-новому взглянуть на сложное переплетение элементов реализма, символизма, импрессионизма во многих его произведениях предпринята

М.И. Рыжовой, автором исследований о поэтах "словенского модерна" в главе "Словенская литература рубежа XIX–XX вв." (работа написана для третьего тома "Истории литератур западных и южных славян", в печати). Вопросы жанровой специфики прозы словенского писателя и его вклада в развитие и обогащение всей жанровой системы словенской литературы затрагивала в статьях 1980-х годов автор этих строк. Важный вклад в дальнейшее изучение творчества писателя, несомненно, внесет и подготовленное к печати издание "И. Цанкар. Библиографический указатель" (сост. и ред. Т.И. Жарова, ведущий научный сотрудник Научно-библиографического отдела ВГБИЛ им. М.И. Рудомино), также приуроченное к этой памятной дате.

© 1998 г. *Чепелевская Т.И.*

ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ ЗЕЛЕНИН**(1920–1998)**

Российское славяноведение понесло большую и невозвратимую утрату. 18 мая 1998 г. ушел из жизни видный ученый-славист, доктор исторических наук Владимир Владимирович Зеленин.

Владимир Владимирович родился 16 марта 1920 г. в г. Москве. С 1939 г. он обучался на историческом факультете МГУ, в сентябре 1941 г. вступил в армию и был направлен в Военный институт иностранных языков, где в качестве слушателя и преподавателя находился до конца 1943 г. С января 1944 до июля 1946 г. исполнял обязанности адъютанта-переводчика Военной миссии СССР в Югославии.

После демобилизации из армии Владимир Владимирович продолжал обучение на истфаке МГУ, которое успешно завершил в 1949 г. В 1949–1952 гг. он был редактором в Славянском комитете СССР, в 1952–1954 гг. – сотрудником Главного управления радиовещания при СМ СССР, в 1954–1963 гг. – младшим научным сотрудником Института истории АН СССР.

С октября 1963 г. до ухода на пенсию (в декабре 1991 г.) Владимир Владимирович работал в Институте славяноведения и балканистики АН СССР в качестве младшего (1963–1965), старшего научного сотрудника (1966–1981), зав. сектором (1981–1986), ведущего научного сотрудника (1986–1987) и консультанта (1987–1991).

Научные интересы Владимира Владимировича в основном были связаны с историей народов Югославии и их связей с народами России и СССР. В 1954 г. он заочно окончил аспирантуру при кафедре южных и западных славян истфака МГУ, в 1959 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему "Социально-экономические отношения в Сербии в период Первого сербского восстания (1804–1813 гг.)", а в 1979 г. – докторскую диссертацию по проблеме "Югославянские интернационалисты в Советской России. 1917–1921 гг."

Перу Владимира Владимировича принадлежит более 110 опубликованных работ. Среди них книга "Югославы под знаменем Октября", глава в "Истории Югославии" (Т. 1), в коллективных трудах "Интернационалисты", "Освободительная война против фашизма" и многих других. В его исследованиях обстоятельно освещается широкий круг вопросов исторического развития народов Югославии и их отношений с народами России.

Много им сделано в области публикации исторических источников ("Политика" Ю. Крижанича, "Участие югославских трудящихся в Октябрьской революции и гражданской войне в СССР", "Советско-югославские отношения. 1917–1941 гг." – ответственный редактор советской части редколлегия издания). Интересы его послесловия и комментарии к историческим романам югославских писателей.

Труды Владимира Владимировича являются значительным вкладом в отечественное славяноведение. Они получили высокую оценку в научной печати в стране и за рубежом, ряд его работ опубликован в Югославии.

В течение многих лет он работал в качестве ответственного секретаря редколлегия журнала "Советское славяноведение" и зам. главного редактора этого журнала.

За боевые заслуги в годы Великой Отечественной войны Владимир Владимирович был награжден советскими и югославскими орденами и медалями. Он активно участвовал в деятельности ветеранской организации.

Владимир Владимирович был большим знатоком отечественной и югославской истории, скромным и доброй души человеком, интересным собеседником. Его исследования стали достоянием науки. Светлая память о нем останется у всех, кто его знал.

© 1998 г. *Костюшко И.*

Новые издания Института славяноведения РАН

- В 1995–1998 гг. в Институте славяноведения РАН вышли следующие издания:
- Австро-Венгрия. Опыт многонационального государства. М., 1995.
- Бывшие "хозяева" Восточной Европы. М., 1995.
- * Движение Сопротивления в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. 1939–1945. М., 1995.
- * Знакомый незнакомец. Социалистический реализм как историко-культурная проблема. М., 1995.
- * Из истории общественной мысли народов Центральной и Восточной Европы (конец XVIII – 70-е годы XIX в.). М., 1995.
- * Исследования по славянской диалектологии З. *Калынь Л.Э., Масленникова Л.И.* Изучение вариативности в славянских диалектах. М., 1995.
- * Книга в пространстве культуры. Тезисы научной конференции. М., 1995.
- Национальный вопрос в Восточной Европе. Прошлое и настоящее. М., 1995.
- * Национальный эрос в культуре. Тезисы докладов. М., 1995.
- Никифоров Н.В.* Сербия в середине XIX в. Начало деятельности по объединению сербских земель. М., 1995.
- * Павел Йозеф Шафарик (к 200-летию со дня рождения). М., 1995.
- * Постреволюционная Восточная Европа. Экономические ориентиры и политические коллизии. М., 1995.
- * Проблемы становления и развития серболужицких литературных языков и диалектов. Сб. статей. М., 1995.
- * *Пушкаш А.И.* Внешняя политика Венгрии. Апрель 1927 г. – февраль 1934 г. М., 1995.
- * Россия и Балканы. Из истории общественно-политических и культурных связей (XVIII в. – 1878 г.). М., 1995.
- Савченко В.Н.* Восточнославянско-польское пограничье. 1918–1921 гг. Этносоциальная ситуация и государственно-политическое размежевание. М., 1995.
- Серационова Е.П.* Российская эмиграция в Чехословацкой республике (20–30-е годы). М., 1995.
- Славяне и их соседи. Имперская идея в странах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы (Тезисы XIV конференции). М., 1995.
- * *Толстой Н.И.* Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995.
- Тоталитаризм. Исторический опыт Восточной Европы. М., 1995.
- У истоков "социалистического содружества": СССР и восточноевропейские страны в 1944–1949 гг. М., 1995.
- * Болгария и Россия. Сб. трудов Б.Н. Билунова. М., 1996.
- * Версаль и новая Восточная Европа. М., 1996.
- * *Виноградов В.Н., Ереценко М.Д., Семенова Л.Е., Покивайлова Т.А.* Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии. Документы и материалы. М., 1996.
- * *Данченко С.И.* Развитие сербской государственности и Россия. 1878–1903. М., 1996.
- * *Дмитриев М.В., Флоря Б.Н., Яковенко С.Г.* Брестская уния 1596 г. и общественно-политическая борьба на Украине и в Белоруссии в конце XVI – начале XVII в. Ч. I: Брестская уния 1596 г. Исторические причины. М., 1996.
- * Дьяков Владимир Анатольевич (1919–1995). М., 1996.
- * Концепт движения в языке и культуре. М., 1996.
- Международная ассоциация по изучению и распространению славянских культур. Информационный бюллетень. Вып. 28–29. М., 1996.
- * *Николаева Т.М.* Просодия Балкан. Слово – высказывание – текст. М., 1996.
- * Обзоры Научного центра славяно-германских исследований. I. М., 1996.
- * Очерки истории культуры славян. М., 1996.
- * Поэзия западных и южных славян и их соседей. Развитие поэтических жанров и образов. М., 1996.

- * "Путь романтический совершил..." Сб. статей памяти Б.Ф. Стахеева. М., 1996.
 - * Русская эмиграция в Югославии. М., 1996.
 - * Славянские матицы XIX в. М., 1996. Ч. 1–2.
 - * Славянские языки в зеркале неславянского окружения. Тезисы международной конференции. 20–22 февраля 1996 г. М., 1996.
 - * *Титова Л.Н.* Образы и знаки в чешской культуре XVIII–XIX вв. М., 1996.
 - * *Улуныя А.А.* Деятели болгарского национально-освободительного движения XVIII–XIX вв. Биобиблиографический словарь. М., 1996. Т. I–II.
 - * Австро-Венгрия: интеграционные процессы и национальная специфика. М., 1997.
 - * Балканские исследования. Вып. 17: Церковь в истории славянских народов. М., 1997.
 - * *Венелин Ю.И.* Грамматика нынешнего болгарского языка. М., 1997.
 - Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953. Т. I: 1944–1948. М.; Новосибирск, 1997.
 - * История литератур западных и южных славян. М., 1997. Т. I–II.
 - * Конфликты в послевоенном развитии восточноевропейских стран. М., 1997.
 - * Македония. Путь к самостоятельности. Документы. М., 1997.
 - * Материалы "Особой папки" Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) по вопросу советско-польских отношений. 1923–1944 гг. М., 1997.
 - * *Натура и культура.* М., 1997.
 - Николаева Т.М.* "Слово о полку Игореве". Поэтика и лингвистика текста. "Слово о полку Игореве" и пушкинские тексты. М., 1997.
 - * *Никольский С.В.* История образа Швейка. Новое о Ярославе Гашеке и его герое. М., 1997.
 - * Политический ландшафт стран Восточной Европы. М., 1997.
 - * Славянский вопрос: Вехи истории. М., 1997.
 - * Славянские соединительные союзы. М., 1997.
 - * *Фрейдзон В.И.* Далмация в хорватском национальном возрождении XIX в. К истории югославизма и его неудачи. М., 1997.
 - * *Мургулия М.П., Шушарин В.П.* Половцы, Грузия, Русь и Венгрия в XII–XIII веках. М., 1998.
 - * Славянская идея: история и современность. М., 1998.
 - * Слово и культура. Памяти Н.И. Толстого. М., 1998. Т. II.
 - * Три визита А.Я. Вышинского в Бухарест. 1944–1946. Документы российских архивов. М., 1998.
 - * Центральная Европа в новое и новейшее время. М., 1998.
 - * XVIII век: славянские и балканские народы и Россия. М., 1998.
 - * Ю.И. Венелин в Болгарском возрождении. М., 1998.
- Книги, отмеченные звездочкой, Вы можете приобрести по адресу: 117334, Москва, Ленинский пр-т, 32А, корп. В, Институт славяноведения РАН, комн. 920. Тел. (095) 938-54-66, Гурьева Маргарита Васильевна. Только за наличный расчет.

Комиссия историков России и Болгарии сообщает в порядке информации, что Институтом истории Болгарской Академии наук в 1997 г. изданы следующие книги:

- Билярски И.* Hierarchia, L'Ordie sacre / Ed. de l'Universite de Friebourg. Friebourg en Suisse, 1997.
- Божилев И. и др.* Български манастири. София, 1997.
- Божилев И., Билярски И., Димитров Х., Илиев И.* Византийските василевси / Ред. Божилев И. София, 1997.
- Генов Г.* Съпротивата на българите от Беломорска Македония срещу гръцкото иго 1912–1916. София, 1997.
- Дюлгерова Н.* Руски щрихи към Източния въпрос (1894–1904). Амбиции и планове на имперската дипломатия. София, 1997.

Маждракова О. Национално-революционни борби на българския народ 1828–1878. София, 1997.

България през ХХI век. Българска национална доктрина. София, 1997.

Николова В. Устройство и управление на българската православна църква (IX–XIV в.). София, 1997.

Радкова Р. Възрожденецът Христо Димитров Дупничанин. София, 1997.

Стателова Е. Биография на българския дух (Родът Паница). София, 1997.

Стоянов В. Vulgaro-Turcica (1). Етнонимът "българи" за българо-тюркските смешения. София, 1997.

Стоянов В. Vulgaro-Turcica (2). Турското население в България между полюсите на етническата политика. София, 1997.

Тодев И. Спомени за Тракия. София, 1997.

Тодорова О. Православната църква и българите XV–XVIII век. София, 1997.

Цветков П. България и Балканите от най-стари времена до наши дни. Съвременна България. София, 1997. Т. 2.

CONTENTS

ARTICLES

YUGOSLAVISM

<i>Freidson V.I.</i> (Moscow). Croatian Yugoslavism in the 1830–1890-ies.....	3
<i>Romanenko S.A.</i> (Moscow). Yugoslavism in Croatia, Slavonia and Dalmatia at the end of XIX – beginning of XX cent.....	10

THE GREAT CROATIAN IDEA

<i>Freidson V.I.</i> (Moscow). Croatian National Radicalism (the Great Croatian Ideology) in XIX century	18
<i>Romanenko S.A.</i> (Moscow). The Great Croatian National Ideology at the beginning of XX century.....	24
<i>Miller A.I.</i> (Moscow). Ukrainofilia	28
<i>Bernard A.</i> (Paris). Some Features of Panslavism in France.....	38
<i>Vinogradov V.N.</i> (Moscow). The First World War. The Great Power Diplomacy in the "powder-keg" of Europe	43
<i>Milyakova L.B.</i> (Moscow). The Marshall Plan and Poland: Participation without Formal Adherence.....	53
<i>Stykalin A.S.</i> (Moscow). "The Prague Spring" of 1968 and the Hungary's Position.....	68

PORTRAITS

<i>Smirnov L.N.</i> (Moscow). Josef Škultetý (25 XI 1853 – 19 I 1948).....	81
--	----

REVIEW-ARTICLES AND REVIEWS

<i>Nosov B.V.</i> W. Kriegseisen. Ewangelicy Polscy i Litewscy w epoce saskiej (1696–1763).....	85
<i>Gronovsky K. И.И.</i> Костюшко. Аграрные реформы в Австрии, Пруссии и России в период перехода от феодализма к капитализму (сравнительный очерк).....	91
<i>Aksyonova E.P., Dostal' M.Yu. А.Н.</i> Пыпин. Мои заметки.....	92
<i>Serapionova E.P.J.</i> Rychlik. Češi a Slováci ve 20. století. Česko-Slovenské vztahy 1914–1945.....	93
<i>Ritchik Yu.I. С.В.</i> Никольский. История образа Швейка. Новое о Ярославе Гашеке и его герое	95
<i>Yudin A.V.</i> Słownik stereotypów i symboli ludowych.....	98
<i>Klepikova G.P.</i> Македонско-руски речник.....	101
<i>Boldov A.V.</i> Открытый архив. Справочник опубликованных документов по истории России XX в. из государственных и семейных архивов (по отечественной периодике 1985–1995 гг.).....	106
<i>Kishkin L.S.</i> The New International Scientific Periodical.....	106
<i>Lapteva L.P. Yu.I.</i> Venelin. The Grammar of Contemporary Bulgarian Language.....	108
<i>Dostal' M.</i> Biele miesta I. Na mape slovensko-ruskej kulturnej komunikacie.....	109

SCIENTIFIC LIFE

<i>Franchuk V.F.</i> The International Scientific Conference "Science and Ideology in the History of Slavic Studies"	111
<i>Volokitina T.V.</i> The Conference Dedicated to 120th Anniversary of the Bulgaria' Release.....	113
<i>Gudkov V.P.</i> The Extraordinary Evidence of the Interest to Adam Mickiewicz's Works in Russia. ...	115

PERSONALIA

For the Anniversary of Valeria Vasilyevna Usacheva.....	117
<i>Mechkovskaya N.B.</i> To the 70th Anniversary of Adam Yevgenyevich Suprun	119
<i>Chepelevskaya T.I.</i> Ivan Tsankar (1876–1918).....	120

* * *

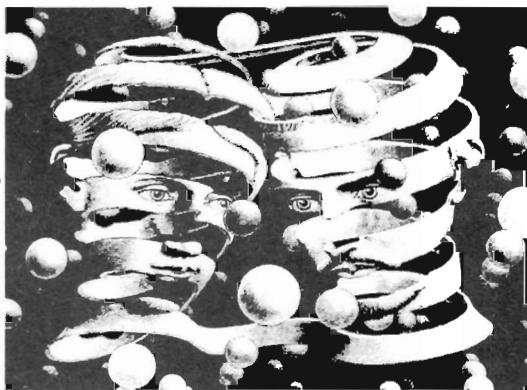
Vladimir Vladimirovich Zelenin (1920–1998).....	123
The New Publications of the Institute for Slavic Studies of RAS	124

Технический редактор *В.М. Пахомова*

Сдано в набор 11.06.98	Подписано в печать 27.07.98	Формат бумаги 70 × 100 ¹ / ₁₆		
Офсетная печать	Усл.печ.л. 11,4	Усл.кр.-отт. 7,5 тыс.	Уч.издл. 12,0	Бум.л. 4,0
Тираж 641 экз. Зак. 4122				

Адрес редакции: 117334, Москва, Ленинский проспект, 32а. Телефон 938-01-20
Отпечатано в типографии "Наука", 121099, Москва, Шубинский пер., 6

Учредители:
Российская
академия наук,
Министерство
общего и
профессионального
образования РФ,
Министерство
науки
и технологий РФ,
издательство
"Поиск"



10 лет мы с вами!

ПОИСК — единственное в России профессиональное издание для работников науки и высшей школы в 1999-м году отмечает свое 10-летие.

Нас давно и хорошо знают те, кому публикации в "Поиске" помогли получить материальную поддержку и возможность продолжать научные исследования, кто стремится реализовать свои идеи, найти или сменить работу.

Наши читатели преподают в российских университетах от Санкт-Петербурга до Владивостока; проводят научные исследования в учреждениях РАН, РАМН, других академий; работают в Государственных научных центрах, организациях, финансируемых министерствами науки и технологий, атомной энергии, экономики, обороны; являются сотрудниками исследовательских подразделений коммерческих компаний.

Всегда в "Поиске"

- ✓ самые свежие новости из научно-исследовательских институтов и вузов;
- ✓ самые актуальные проблемы научного сообщества;
- ✓ самые авторитетные мнения руководителей науки и специалистов;
- ✓ самые правдивые рассказы об ученых и научных коллективах.

Только в "Поиске"

- ✗ полные сведения о российских и международных фондах, поддерживающих исследовательские и образовательные проекты;
- ✗ условия различных конкурсов на получение грантов, стипендий и т.д.;
- ✗ рекомендации по оформлению заявок.

Эти публикации помогли десяткам тысяч ученых в их профессиональной деятельности. Они убедились: без "Поиска" не обойтись.

Присоединяйтесь!

Подписка принимается во всех отделениях связи.

Подписные индексы:
годовой - 32638, полугодовой - 50095.

Адрес редакции:

Москва, Чистопрудный бульвар, 6
офис 106-107
Тел./Факс: (095) 924-1784
E-mail: poisk@mail.ras.ru

Корреспондентские пункты "Поиска" работают в Санкт-Петербурге, Екатеринбурге, Новосибирске, Нижнем Новгороде, Киеве, Минске, Алма-Ате, Ташкенте, Кишиневе.

Индекс 70891

ISSN 0132-1366 Славяноведение, 1998, № 5